
193 4

Проф. Д. Н. БѢЛИКОВЪ.

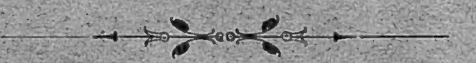
ПЕРВЫЕ РУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ-НАСЕЛЬНИКИ ТОМСКАГО КРАЯ

и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(*Общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія*)

Съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

Изъ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осеннемъ полугодіи 1897 года.

ТОМСКЪ.
Типо-литографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго.
1898.

Проф. Д. Н. Бѣликовъ.

Первые

Русскіе крестьяне-насельники Томскаго края

и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(*Общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія*)

Съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

Изъ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осеннемъ полугодіи 1897 года.

ТОМСКЪ.
Типо-литографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго.
1898.

Дозволено цензурою. Томскъ, 25 іюня 1898 года.

Первые русскіе крестьяне-насельники Томскаго края и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(Общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія).

Проф. Д. Н. Бѣликова.

Въ 1604 году въ центрѣ обширной Сибирской страны на правой сторонѣ р. Томи при впаденіи въ нее рѣчки Ушайки трудомъ и энергіей завоевателей Сибири основалось новое русское поселеніе, названное сначала Томскимъ острогомъ, а затѣмъ вскорѣ переименованное въ Томскій городъ. Образовался чрезвычайно важный стратегическій пунктъ, подъ прикрытіемъ котораго должно было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, совершаться заселеніе русскими насельниками огромнаго Томскаго края.

Прежде всего этотъ пунктъ далъ отъ себя развѣтвленія въ видѣ другихъ военно-укрѣпленныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ по рр. Томи и Оби. Въ 1617 г. Томскіе служилые люди при содѣйствіи своихъ собратій изъ Тобольска, Тюмени и Верхотурья построили на Томи же рѣкѣ при впаденіи въ нее Кондомы Кузнецкій острогъ, въ свою очередь переименованный также въ Кузнецкій городъ, а затѣмъ, для связи Томска съ Кузнецкомъ, поставили остроги Мунгатскій, Верхне-Томскій и Сосновскій. Остроги Уртамскій, Умревинскій, Чаусскій, Бѣлоярскій были построены по р. Оби на протяженіи отъ впаденія въ нее Томи вплоть до нынѣшняго

Барнаула или пожалуй, до Бійска, если сюда причислить и Бійскую крѣпость, построенную, впрочемъ, не въ XVII, а въ началѣ слѣдующаго XVIII стол., именно въ 1709 году[1]).

Кромѣ того, служилые люди—казаки и стрѣльцы съ ихъ сотниками, пятидесятниками и десятниками оказали весьма важную колонизаторскую услугу для края тѣмъ, что, пользуясь промежутками мирнаго состоянія, выходили изъ своихъ остроговъ и въ большей или меньшей дали отъ послѣднихъ устраивали хутора или, по сибирскому выраженію, заводили заимки. Здѣсь они имѣли избы, содержали рабочій скотъ, косили сѣно и, по мѣрѣ силъ и средствъ, занимались хлѣбопашествомъ. Правительство не только ничего не имѣло противъ заимочнаго хозяйства служилыхъ людей, наоборотъ, было радо ему. Оно поощряло это дѣло и покровительствовало ему съ одной стороны потому, что видѣло въ заимкахъ новые узлы для прикрѣпленія отдаленной страны и новое средство обрусѣнія ея. Съ другой,—раздавая служилымъ людямъ, по ихъ челобитьямъ, земельные участки подъ пашни и „дворовую сельтьбу“, „подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы“, оно слагало съ себя обязанность платить указаннымъ людямъ если не денежное, то, по крайней мѣрѣ, хлѣбное жалованіе, да еще съ нихъ же нерѣдко брало за пользованіе землями по 4 или по 5 сноповъ съ сотни въ свою казенную пользу[2]).

Хутора или заимки, принадлежавшіе отдѣльнымъ лицамъ изъ служилаго класса при естественномъ увеличеніи ихъ се-

[1]) Время основанія большинства перечисленныхъ остроговъ см. у Соловцева. Истор. Обозрѣніе Сибири. СПБ. 1886, стр. 114—115 По Гмелину, Умревинскій острогъ построенъ также, какъ и Бійскъ, въ 1709 г., а Чаусскій въ 1713 г. Насколько вѣрны сообщенія Гмелина—сказать не можемъ. Gmelins Reise durch Sibirien. Gottingen. 1752. 4 Th., S. 78, 83.

[2]) Въ 1661 г. подалъ Томскимъ воеводамъ челобитную казачій голова Зиновій Литосовъ и въ челобитьѣ просилъ дать ему «дикія порозжія» земли по р. Чубуру 200 десятинъ. Земля была дана въ межахъ сына—боярскаго Ягловскаго и коннаго казака Томилки Максимова съ товарищи. См. у Бѣликова. „Старинные монастыри Томскаго края“. Томскъ, 1898. Приложеніе № III.—О надѣленіи служилыхъ людей земельными участками за хлѣбное жалованіе см., наприм., Акт. истор. III, № 110 и Памятники Сибир. исторіи. Ч. I, стр. 216—217.

мейств и путемъ послѣдующихъ присоединеній сюда еще людей пришлыхъ со стороны, превращались въ поселки и деревни[1]). Не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ Томска и почти по всѣмъ отъ него направленіямъ доселѣ существуютъ и развиваются деревни и села: Батурино, Вершинина, Кулаково, Саломатово, Болтовская, Аксенова, Бѣлоусова, Магадава, Протопопово, Поломошная, Крутиково, Воронина, Бѣлобородова, Попадейкино и проч. Всѣ эти селенія были основаны служилыми людьми, имена и фамиліи которыхъ встрѣчаются въ разныхъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины и всего больше въ старинныхъ сvнодикахъ, доселѣ хранящихся въ ризницахъ томскихъ церквей: соборной, мужескаго Алексѣевскаго монастыря и Христорождественской (Никольской). Въ бо̀льшей дали отъ Томска къ тому-же разряду селеній нужно причислить дер. Былину, Серединину, села Молчаново, Кожевниково, Гутово и др.

Близъ Кузнецкаго города Кузнецкіе служилые люди завели деревни: Атаманову, Безрукову, Куртукову, и др.

Непосредственно послѣ основанія сначала Томска, а затѣмъ и Кузнецка правительство усиленно выражаетъ свою заботливость, чтобы вновь завоеванный край не пустовалъ не только служилыми людьми, но и пашенными крестьянами, необходимыми тѣмъ больше, что служилые сразу за пашню взяться не могли и хлѣбное для нихъ продовольствіе нужно было доставлять изъ далекаго Тобольска, что совершалось съ „великою нужею" и огромными проволочками. Сразу послѣ постройки Томска его основатели Гаврило Писемской и Василій Тырковъ по царскому указу должны были „прибрать" къ новому городу въ служилые люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человѣкъ. Но вмѣсто 50 Писемской и Тырковъ нашли всего 5 человѣкъ, а больше „прибрать было не изъ кого". Царское ве-

---

[1]) Казачьи заимки около Нарыма и Томска мы видимъ помѣченными и на атласѣ Ремезова.

лѣніе однако должно было быть исполнено. Въ 1605 г. исполненіе его было препоручено Верхотурскому воеводѣ Плещѣеву, получившему предписаніе, чтобы выслалъ 50 человѣкъ для Томской государевой службы и на Томскую пашню непремѣнно, „прибравъ“ ихъ изъ охочихъ, гулящихъ людей. При этомъ требовалось, чтобы въ служилые люди были присланы „молодцы молодые, добрые, стрѣлять умѣющіе“. Переселенцы прибыли въ Томскъ изъ Верхотурья чрезъ Сургутъ на средства изъ государевой казны[1]). Несомнѣнно, такія-же присылки повторялись не разъ и въ послѣдующіе ближайшіе годы. Въ 1620-хъ годахъ пашенные крестьяне упоминаются не только около Томска, но и близъ Кузнецка, построеннаго, какъ упомянуто, въ 1617 г.[2]).

Въ концѣ 1631 г. изъ Москвы пришло въ Верхотурье къ воеводѣ Бояшеву новое повелѣніе: послать въ Томскъ и Томскаго разряду въ остроги Верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ въ количествѣ 100 хозяевъ—„добрыхъ, заводныхъ, семьянистыхъ,—лучшихъ людей“, выдавъ имъ въ подмогу на переселеніе по 10 руб. на семью. Побужденіемъ къ переселенію служило то указанное въ грамотѣ обстоятельство, что въ Томскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и пахоты было еще мало, а около Верхотурья и вообще въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда „крестьянъ уже довольно и хлѣбная пахота учала быть большая и хлѣбъ родился добрый“.

Интересно, какъ отнеслись къ изложенному распоряженію Верхотурскіе крестьяне. Прослышавъ о предстоящемъ переселеніи, они увидѣли въ немъ ссылку,—ссылку страшную въ отдаленный глухой, невѣдомый край, и ударились въ бѣга. Бѣжали въ лѣсныя мѣстности по рр. Камѣ и Уфѣ, а также въ острожки и деревни, принадлежавшія Строгановымъ, гдѣ съ выгодою для себя ихъ укрывали Строгановскіе прикащики.

---

1) Акты истор. II, № 52.

2) См. наказъ Кузнецкому воеводѣ Голенищеву—Кутузову.—Акты истор. т. III, № 135.

бѣгства умножились до такой степени, что заставили воеводу пріостановиться исполненіемъ царскаго указа и послать къ крестьянамъ сына—боярскаго Андрея Перхова для уговоровъ, чтобы „ссылки не боялись и жили на старыхъ мѣстахъ попрежнему"[1]). Тѣмъ не менѣе изъ Москвы настаивали, что если нельзя отъ Верхотурья отправить къ Томску 100 человѣкъ, то препроводили-бы 80 или, по самой меньшей мѣрѣ, 50 хозяевъ.—Было отправлено 80 хозяевъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ[2]).

Этихъ крестьянъ, какъ и ихъ предшественниковъ по переселенію, мы должны назвать государевыми крестьянами, такъ какъ они посланы были къ Томску на царскую десятинную пашню, что значило, что за свой земельный надѣлъ каждая крестьянская семья должна была обработывать въ пользу казны на разныя мѣстныя потребности по крайней мѣрѣ одну десятину. Изъ дальнѣйшихъ, несомнѣнно, много разъ повторявшихся присылокъ въ занимающій насъ край государевыхъ крестьянъ мы знаемъ только двѣ, имѣвшія мѣсто уже во второй половинѣ XVII вѣка. Именно, въ 1668 г.[3]) и въ 80-хъ годахъ этого же столѣтія. Въ послѣднемъ случаѣ изъ Россіи были отправлены на пашни около Уртамскаго (на Оби) острога дворцовые крестьяне, для которыхъ въ названномъ острогѣ царевна Софья Алексѣевна построила церковь во имя Вознесенія Господня и отъ себя наградила этотъ далекій отъ Москвы храмъ утварью, книгами и колоколами[4]). Мучительная тоска по родинѣ, неизбѣжная въ душевномъ состояніи каждаго переселенца, по волѣ тѣхъ или иныхъ судебъ очутившагося въ странѣ чужой и далекой, у перваго насельника Томскаго края должна была значительно умѣ-

[1]) Акты истор. III, № 172.
[2]) Тамъ-же, № 179.
[3]) Соловцевъ. Истор. обозр. о Сибири С.П.Б. 1886 ч. I, стр. 114.
[4]) Это извѣстіе мы почерпаемъ изъ доношенія Томскаго дворянина Соболевскаго въ Томскій Алексѣевскій монастырь «къ заказнымъ дѣламъ» отъ 1733 г.—Архивъ Томскаго Алексѣевскаго Монастыря. Связка 15.

риться. Она должна была много потерять въ своей болѣзненной остротѣ оттого, что пришлецъ встрѣчалъ въ новыхъ мѣстахъ природу нетронутую, находилъ поля тучныя, способныя къ обильному плодородію,—тому плодородію, которое такъ восторженно описывалъ извѣстный сибирскій историкъ Миллеръ[1]).

Край далекій, но дѣвственный и хлѣбородный, началъ привлекать къ себѣ и самовольныхъ пришельцевъ. То были гулящіе люди и съ ними люди бѣглые. Гулящимъ человѣкомъ въ древней Руси назывался крестьянинъ, не прикрѣпленный къ государству тягломъ или къ вотчиннику службой или работой. Это былъ вольный человѣкъ, который могъ бродить по широкой Руси, отыскивая тамъ или здѣсь свое крестьянское счастіе, то или другое, на его взглядъ, лучшее для своего поселенія мѣсто, связанное затѣмъ уже съ неизбѣжнымъ прикрѣпленіемъ. Западныя части Сибири были заселяемы на первый разъ преимущественно охочими изъ гулящихъ людей. По завоеваніи томской страны, гулящіе стали проникать и сюда, осаживаясь здѣсь или прямо на пустыхъ мѣстахъ, или предварительно приставая къ хутору казака, двору государева крестьянина въ качествѣ половника или захребетника[2]).

Нужно замѣтить, что въ то давнее время гулящіе могли найти для осѣдлости много простора и на этомъ просторѣ много добрыхъ земель и въ предѣлахъ Европейской Россіи, особенно по ея восточнымъ и южнымъ окрайнамъ. Но мы видимъ, что многіе изъ людей указаннаго названія съ упорствомъ

---

[1]) Muller. Sammlung Russische Geschichte. B. 8. Въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяминову отъ 1670 г. сказано, что, по сказкамъ служилыхъ людей, „хлѣбъ родится въ Томскомъ и Кузнецкомъ лучше Тобольскаго“. Истор. Акты собран. Инок. Кузнецовымъ. Вып. I, 1890 г. Томскъ. № 16.

[2]) Мы имѣемъ предъ собою копію съ переписныхъ книгъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго монастырей. Копія написана въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Но и въ это время нѣкоторые изъ домовитыхъ крестьянъ еще имѣли при себѣ захребетниковъ. Такъ, въ копіи значатся: „половникъ Климентъ Созоновъ, у него *на подворьѣ* Ѳѳанасій Сторожевъ,—у Сторожева дѣти: Петръ, Тимофей. Ѳедоръ Яковлевъ Хонжинъ..., *у него живетъ* половщикъ Созонтъ Семеновъ, у него сынъ Яковъ“ и т. д.

стремятся въ Сибирь и движутся по ней, не страшась никакой дали. Упорство заставляетъ предположить, что очень часто подъ именемъ гулящихъ шли въ Сибирь и селились въ ней бѣглые изъ тяглыхъ людей, убѣгавшихъ или отъ нищеты, или отъ холопьей доли, или отъ кнута и плетей за содѣянное преступленіе[1]).

Повторяемъ одновременно и рядомъ съ дѣйствительными или мнимыми гулящими текли въ нашъ край воднымъ путемъ и сушею и тѣ бѣглые, которые назывались такъ на оффиціальномъ языкѣ. Прослѣдить въ подробностяхъ движеніе вольно-народной колонизаціи въ Томско-Кузнецкой странѣ трудно вообще, а за XVII вѣкъ едвали и возможно и за недостачей документовъ, и затѣмъ, что во многихъ случаяхъ оно не могло быть занесено въ документы, такъ какъ совершалось скрытно, шло въ сторонѣ отъ начальственныхъ глазъ. Передадимъ намъ извѣстные случаи.

Около 1646 г. былъ большой недородъ хлѣба въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Европейской Россіи, и „государю вѣдомо учинилось, что съ Руси съ поморскихъ городовъ: съ Устюга Великаго, съ Соли Вычегодской, изъ Перми, съ Вятки, съ Кевроли, съ Мезени и изъ иныхъ русскихъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе и многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду и бѣдности—съ женами и дѣтьми съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и начали жить въ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ на церковныхъ земляхъ и за дѣтьми—боярскими, за подъячими и за всякими служилыми людьми на пашняхъ во крестьянѣхъ и въ половникахъ и у ямщиковъ и пашенныхъ крестьянъ въ захребетникахъ, и денежнаго и хлѣбнаго оброку въ государеву казну не платятъ“. Ихъ велѣно было сыскать, переписать и оставить здѣсь-же въ Сибири съ тѣмъ только условіемъ, что-

---

[1]) Такую догадку находимъ у Буцинскаго. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889, стр. 217 и дал.

бы были сведены въ пашенные крестьяне на государеву пашню, дабы „никто въ избылыхъ не былъ[1])“.

Такое-же массовое бѣгство въ Сибирь и изъ уѣздовъ тѣхъ-же поморскихъ городовъ повторилось въ 1670 г.,—повторилось до такой степени усиленно, что „въ уѣздахъ Устюжскомъ и Усольскомъ стала великая пустота“[2]).

Что многіе изъ этихъ поморскихъ бѣглецовъ достигли отдаленныхъ Томска и Кузнецка—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Ставимъ такъ смѣло свое заключеніе, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Уѣзды болѣе западныхъ частей Сибири въ то время были уже достаточно заселены, а бѣглецы, конечно, не всегда хотѣли оставаться на чужихъ земляхъ въ положеніи половниковъ и захребетниковъ.

2) Въ уцѣлѣвшихъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины крестьяне изъ Устюга, Соль-Вычегодска, Кайгорода, Яренска, Вятки встрѣчаются постоянно и особенно часто упоминаются они уже въ названныхъ старинныхъ томскихъ синодикахъ.

3) Доселѣ крестьяне Томскаго и Кузнецкаго округовъ высоко чтутъ праздникъ 8 іюля. Они чтутъ его не потому, что это праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, а потому, что то Прокопіевъ день, т. е. день преп. Прокопія Устюжскаго, считающагося покровителемъ всего Вологодскаго края.

Въ самомъ началѣ 1660-хъ годовъ въ русскихъ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ среднему протяженію Уральскаго хребта, произвели огромный разгромъ Башкирцы, враждебно вторгавшіеся сюда не разъ прежде и послѣ. Въ погромѣ, о которомъ говоримъ, враги у пашенныхъ крестьянъ животы пограбили и многихъ изъ людей убили. Между прочимъ Башкирцы произвели тогда нападеніе на монастыри Спасскій на р. Сыл-

[1]) Доп. къ Актамъ истор. т. III, № 14.
[2]) Доп. къ Акт. истор. VI, № 19.

вѣ, Невьянскій и Далматовъ[1]). Разгромъ до такой степени напугалъ и опустошилъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ оставаться въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе не захотѣли,—бѣжали глубже въ Сибирь и дошли до Томска.

Вотъ сюда относящійся любопытный документъ, найденный нами въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1663 года явились въ Томскую Приказную Палату и подали воеводамъ Бутурлину и Поводову челобитіе крестьяне Тимошка Степановъ, да Мартышко да Андронко Степановыже, да Ероѳейка и Юрка Петровы и многіе др. Въ челобитной было написано, что пришли съ Исети отъ Далматова монастыря, гдѣ въ прошломъ году развоевали ихъ Башкирцы, съ погрому они остались съ женами и дѣтьми наги и босы, прибрели въ Томскъ и питаются здѣсь Христовымъ именемъ, бродя межъ дворовъ.—Просили воеводъ дать имъ дозволеніе записаться во крестьяне за Алексѣевскимъ монастыремъ. Дозволеніе не замедлило послѣдовать, и строитель Алексѣевской обители, старецъ Исаія, снабдивъ пришельцевъ всѣмъ необходимымъ для крестьянскаго обзаведенія, поселилъ ихъ на монастырской землѣ по р. Пачѣ и тѣмъ положилъ начало самой главной монастырской вотчинѣ въ с. Пачинскомъ[2]).

Спустя 10 лѣтъ, тотъ-же монастырь прибралъ прихожихъ людей въ лицѣ крестьянъ Давыдовыхъ съ племянники и товарищи и поселилъ ихъ на своемъ Иштанскомъ участкѣ[3]). Братья Давыдовы съ товарищи были изъ гулящаго класса. И вообще гулящіе и бѣглые во второй половинѣ XVII в. заходили въ нашъ край такъ нерѣдко, что къ 1682 г. монахи названнаго монастыря набрали изъ нихъ для себя крестьянъ въ количествѣ уже нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и, кромѣ Пачинской и Иштанской, завели еще двѣ деревни: Шегарскую по р. Шегаркѣ, впадающей въ Обь и Таймен-

[1]) Допол. къ акт. истор. VI. № 124, 138.
[2]) См. у Бѣликова: «Старинные монастыри Томскаго края»., стр. 17.
[3]) Тамъ-же, стр. 17.

скую по р. Тайменкѣ, впадающей въ Томь. Немало въ тоже время крестьянскихъ дворовъ собралось и у мужскаго Христорождественскаго монастыря, находившагося вблизи Кузнецкаго города[1]).

Къ концу XVII стол. наплывъ въ Сибирь бѣглыхъ пришельцевъ увеличился еще больше. Онъ умножился тѣми людьми, которыхъ изгоняла изъ Руси не матеріальная нужда и не стремленіе уклониться отъ тягла, а вытѣсняли причины, лежащія въ высшей сферѣ духовныхъ интересовъ. Послѣ 1667 года старообрядческій расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви и подвергся преслѣдованію. Мѣры гражданскаго преслѣдованія, усиливаясь постепенно, завершились, наконецъ, изданіемъ строжайшихъ постановленій царевны Софьи Алексѣевны. Постановленія обрекали на сожженіе въ срубѣ всякаго раскольника, который сталъ-бы открыто хулить церковь, произвелъ-бы въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остался-бы нераскаяннымъ,--равнымъ образомъ „раскольщика“, который-бы снова ушелъ въ расколъ послѣ предшествующаго обращенія. Тотъ-же законодательный актъ опредѣлилъ смертную казнь расколоучителямъ, изобличеннымъ въ перекрещиваніи и самимъ перекрещеннымъ, если-бы не захотѣли возвратиться въ православіе, —битье кнутомъ и вмѣстѣ ссылку въ дальные города уличеннымъ въ тайной принадлежности къ расколу или только укрывавшимъ у себя раскольниковъ безъ объявленія о нихъ по начальству[2]).

Въ виду этихъ не только грозныхъ, но прямо кровавыхъ статей раскольники кинулись въ лѣса на пустынное жительство. Но и въ лѣсныя дебри добирались сыщики, которымъ велѣно было смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣ-

---

[1]) См. выше цитованную копію съ переписныхъ книгъ монастыр. крестьянъ. Въ 1721 г. казначей Томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонахъ Діонисій писалъ Томскому коменданту Козлову: «въ прошлыхъ годахъ *гулящіи люди* давали на себя записи (монастырю) во крестьянство и давана была имъ изъ монастыря ссуда скотомъ и хлѣбомъ»... Арх. Том. Алек. монастыря, связ. 11.

[2]) Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Москва. 1864. стр. 59—60.

сахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся пойманныхъ ссылать, пристанища ихъ раззорять, а имущества продавать въ пользу казны. Куда-же дѣваться?

Въ то тяжелое для старообрядцевъ время, пишетъ П. И. Мельниковъ, изъ конца въ конецъ Русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежемъ древнее благочестіе во ослабѣ[1])“, т. е. за границей старообрядчество свободно, не преслѣдуется. И громадныя толпы старообрядцевъ бросились въ Швецію, въ Пруссію, Польшу, Турцію и за Кавказъ. Но многіе, не выходя изъ предѣловъ обширнаго отечества, нашли себѣ пріютъ въ глухихъ пространствахъ отдаленной Сибири. Какъ много было въ послѣдніе десятки лѣтъ XVII столѣтія раскольниковъ въ лѣсныхъ мѣстахъ по р. Турѣ, Ишиму, Тоболу—это слишкомъ хорошо извѣстно изъ посланій противъ раскола, написанныхъ Тобольскимъ митрополитомъ Игнатіемъ Римскимъ-Корсаковымъ и изъ др. многочисленныхъ документовъ, напечатанныхъ въ историческихъ Актахъ.

Въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Михаилу Толстово отъ 1683 г. цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи писали, что изъ Поморскихъ городовъ мимо Верхотурья, Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ снова ринулись въ Сибирь бѣглецы въ огромномъ числѣ. Бѣглецовъ шло такъ много, что цари распорядились поставить, гдѣ пристойно, заставы, чтобы „отнудь бѣглыхъ крестьянъ въ Сибирь не пропускать“[2]).

Думаемъ, что въ числѣ этихъ утеклецовъ раскольники представляли преобладающій элементъ, такъ какъ населеніе поморья въ то время было почти сплошь на сторонѣ старообрядства.

Что раскольники достигали и Томска, это доказывается тѣмъ, что они заходили значительно дальше предѣловъ уѣзда этого города. Уже въ 1673 году въ Енисейскѣ былъ раскольническій бунтъ[3]). Что-же касается Томска, то въ

[1]) Тамъ-же, стр. 61.
[2]) Акты истор. V, № 108.
[3]) Допол. къ Акт. истор., № 69.

1690-хъ годахъ здѣсь уже имѣлъ мѣсто крупный случай раскольническаго самосожигательства[1]).

Кромѣ раскольничьихъ бѣглецовъ, несомнѣнно, попали къ Томску и нѣкоторые изъ раскольниковъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣемъ, заисключеніемъ одного случая. Въ 1688 г. съ Москвы посланъ былъ въ Томскую ссылку съ нарочными провожатыми „злой раскольщикъ", донской казакъ Ѳедька Боярченокъ[2]).

Во всякомъ случаѣ ссыльные въ Сибирь составляли очень немаловажный элементъ въ формаціи первенцовъ русскаго крестьянства въ Томской сторонѣ. Перечислять всѣ случаи ссылокъ въ Сибирь преступниковъ разнаго рода для опредѣленія ихъ на пашню, слѣдя за этими случаями по историческимъ актамъ XVII вѣка, не находимъ нужнымъ. Ограничимся указаніемъ слѣдующаго непосредственно касающагося нашего края любопытнаго факта. Въ 1648 г. Кузнецкій воевода Аѳанасій Зубовъ писалъ государю: „въ прошлыхъ годѣхъ присланы въ Кузнецкій острогъ ссыльные люди—воры и мошенники, многіе холостые, и велѣно ихъ устроить въ Кузнецкомъ острогѣ на пашню, и за тѣхъ за ссыльныхъ людей старые томскіе пашенные крестьяне дочерей своихъ и племянницъ не даютъ, а выдаютъ ихъ за казачьихъ дѣтей и племянниковъ". При этомъ Зубовъ сообщалъ, что въ видахъ стѣсненія браковъ служилыхъ людей на дочеряхъ пашенныхъ крестьянъ онъ уже распорядился брать съ каждой свадьбы въ казну 5 руб. „потому что ссыльнымъ кромѣ дочерей пашенныхъ крестьянъ жениться не на комъ". Прописавъ это, воевода спрашивалъ: какъ поступать дальше? Изъ Москвы вышло приказаніе, чтобы пашенные крестьяне, подъ опасеніемъ за ослушаніе большой пени, дочерей своихъ въ замужество за ссыльныхъ выдавали, дабы „можно было

[1]) Посланія Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго. Казань. 1857. стр. 129—131.

[2]) Истор. акты, собранные Иннок. Кузнецовымъ. Вып. I. ст. 15.

тѣми браками ссыльныхъ отъ побѣговъ унять и въ мѣстахъ ссылки укрѣпить"[1]).

Въ 1666 г. Томскій воевода Вельяминовъ получилъ изъ Москвы нѣчто вродѣ выговора за то, что удерживалъ въ Томскомъ ссыльныхъ, по указамъ назначенныхъ въ разные другіе сибирскіе города и уѣзды[2]).

Въ концѣ XVII в. ссыльныхъ почему-то усиленно отправляли на пашни къ Уртамскому (на Оби) острогу. Въ 1692 г. здѣсь было поселено сначала 13 ссыльныхъ человѣкъ, затѣмъ 15. Въ слѣдующихъ 1694 и 1695 гг. сюда было послано „во крестьяны" еще три партіи колодниковъ, присланныхъ изъ различныхъ мѣстъ Европейской Россіи[3]).

Случалось, что въ число ссыльныхъ, посылаемыхъ на сибирскую пашню, попадали и люди привиллегированныхъ состояній. Опальные дьяки и подъячіе трудились съ сохой и бороной около Енисейска и въ Якутской области, послѣ чего ихъ дѣти и внуки уже навсегда оставались въ крестьянствѣ. Многіе изъ сосланныхъ дѣтей—боярскихъ работали крестьянской работой въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда и, несомнѣнно, попадали для той-же работы и на поля Томско-Кузнецкія. Въ 1618 г. былъ сосланъ въ Томскъ атаманъ запорожскихъ черкасъ Михайло Скиба, но его велѣно было поверстать въ казачью службу[4]). Приказано было поверстать въ рядовую казачью службу сообщниковъ „измѣнника и клятвопреступника" запорожскаго атамана Игнатова—нѣжинскаго полковника Матюшку Гвинтовка, сосланнаго съ женою и съ сыновьями въ 1672 г. въ Кузнецкъ, и есаула Пашку Грибовича, въ томъ-же году очутившагося въ Томской ссылкѣ[5]). Эти привиллегированные ссыльные, так. образ., на пашню не

[1]) Акт. истор. IV, № 27.
[2]) Истор. акты, собран. Ин. Кузнецовымъ. I, № 14.
[3]) См. тамъ-же I, № 26 и II, № 17, 18 и 19.
[4]) Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 201.
[5]) Доп. къ акт. истор. VI, № 95.

попали, тѣмъ болѣе, что Грибовичъ вскорѣ бѣжалъ въ свою вольную запорожскую сѣчь. Но не отдѣлались отъ Томской пашни сосланные казачій атаманъ Янка Губарь съ товарищи и даже одинъ попъ по имени Ипатъ, поселенный верстахъ въ 20 отъ Томска--тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ д. Ипатова. Коренные крестьяне этой деревни всѣ имѣютъ одну фамилію Поповыхъ и разсказываютъ о своемъ отдаленномъ предкѣ, что онъ былъ священникомъ изъ сосланныхъ, и что на мѣсто ссылки принесъ съ родины свою семейную икону, которая хранится въ Ипатовской часовнѣ и доселѣ, представляя предметъ высокаго чествованія не только у Ипатовскихъ, но и среди крестьянъ окрестныхъ деревень[1]).

Среди ссыльныхъ въ Сибиря, ея городахъ и уѣздахъ очень не мало проживало иноземцевъ особенно изъ военно-плѣнныхъ. Были поляки, литвинцы и нѣмцы Ливонскіе. Попалъ въ Тобольскую ссылку даже одинъ „французжанинъ“, принявшій въ Сибири православіе и дослужившійся здѣсь до чина сына—боярскаго[2]). Препровождались такого рода ссыльные и къ Томску. Литовцы входили въ составъ не только Тюменскихъ, Тобольскихъ, но и томскихъ служилыхъ людей и, наравнѣ съ другими казаками, имѣли около Томска заимки и пашни[3]). Въ самомъ концѣ XVII в. ссыльный полякъ Станиславъ Оснинской проживалъ въ Томской монастырской вотчинѣ с. Пачинскомъ, откуда писалъ очень почтительныя письма къ настоятелю Алексѣевской обители съ келаремъ и братіею. Впрочемъ, православные иноки держали у себя поляка—католика не на

---

[1]) О ссыльныхъ на Томскую пашню Губаря съ товарищи см. Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ I, № 3. Преданіе о попѣ Ипатѣ намъ довелось вычитать въ приходскомъ отчетѣ свящ. С. Спасскаго за 1884 г.—Арх. Том. Консисторіи. О томъ же Ипатѣ см. у Кузнецова I, № 32. Здѣсь онъ названъ безмѣстнымъ попомъ.

[2]) Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 199.

[3]) Томскіе служилые люди „инородческаго списка“ и среди нихъ Филиппъ Болтовскій упомянуты между прочимъ въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяминову отъ 1670 г.—Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ. Вып. 1, № 16.

пашнѣ, а у дѣла надзора за монастырской пашней и для сборовъ пятиннаго хлѣба съ монастырскихъ крестьянъ[1]).

Ссыльные убѣгали изъ Сибири очень нерѣдко. Но особенною наклонностью къ побѣгамъ отличались сосланные изъ черкасъ и иноземцевъ. Совершенно понятно: тоска по родинѣ давила ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ссыльныхъ изъ великороссійскаго народа. Въ 1620 г. Тобольскій воевода послалъ въ Томскъ на пашню 19 человѣкъ изъ военно-плѣнныхъ литовцевъ. Соединившись съ нѣсколькими изъ удалыхъ казаковъ, набранныхъ также изъ ссыльныхъ, литовцы разбили на Иртышѣ казенный караванъ, съ которымъ слѣдовали къ Томскому городу и бѣжали сначала въ Березовскій край, а оттуда чрезъ Уральскій хребетъ въ сѣверную часть Россіи съ тѣмъ, чтобы добраться до родной Литвы. Бѣглецы были почти всѣ перебиты погонею, которую снаряжали за ними воеводы разныхъ россійскихъ городовъ. Ихъ побѣгъ представляетъ цѣлую эпопею, разумѣется, съ своеобразнымъ характеромъ разбойническаго молодечества и подвиговъ въ такомъ-же духѣ[2]).

Итакъ, въ продолженіе XVII столѣтія нашъ Томскій край, кромѣ казачьихъ поселеній, колонизовался крестьянами „переведенцами“, т. е. переведенными изъ другихъ мѣстъ Россіи и Сибири на государеву пашню или, иначе, крестьянами государевыми, гулящими людьми и бѣглыми, среди которыхъ было много раскольниковъ и, наконецъ, людьми ссыльными. Въ общемъ, къ началу XVIII в. край населенъ былъ всетаки очень скудно. По атласу Ремезова, начертанному въ 1701 году, на обширномъ просторѣ Томско-Кузнецкаго района мы насчитали менѣе 90 русскихъ селеній. Но изъ нихъ огромное большинство состояло изъ деревень только съ единицами дворовъ. Селъ съ церковію насчитывалось не болѣе 11. Сюда

[1]) См. «Старин. монастыри Том. края», стр. 46.
[2]) Буцинскій. Заселен. Сибири, стр. 204 и дал.

относились: Спасское на Томи, Спасское около р. Яи, Сосновскій острогъ, Кулаково, Верхо-томскій острогъ, Богородское и Уртамскій острогъ на Оби, Зелѣдеево, Николаевское, Иктаринское, Ильинское или Красный Яръ близъ Кузнецка[1]).

Наступило время великой преобразовательной дѣятельности великаго царя Петра I. Вся Россія представлялась тогда, по изображенію одного иностранца, „какъ-бы однимъ заводомъ. Повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокрытыя до того сокровища, повсюду слышны были стуки молотовъ и сѣкиръ, ковавшихъ мечи, якори и всякія орудія и сооружались корабли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; ткались сукна, всякаго рода полотна и вездѣ при всѣхъ такихъ работахъ впереди видѣнъ былъ самъ монархъ, какъ мастеръ и указатель“[2]).

---

[1]) По атласу Ремезова въ самомъ началѣ XVIII в. въ Томскомъ вѣдомствѣ состояли слѣдующія русскія селенія: Село Спасское на Томи, с. Спасское около Яи, деревня Бурнашева, Семилужки, деревня Воронова, деревня Заварзина, острогъ Сосновскій, село Иктара, Константиново, Килино, село Кулаково, Пещеркова, с. Пачинское, д. Макарово, Безъязыково, Ильино, Басалаво, Саломатово, Гутова, Чахлова, с. Зеледѣево, Варюхино, Пашкова, Лаева, Емельянова, Десятова, Колесникова, Петрова, Грибанова, Заицкова, Сѣченова, Перова, Карбышева, Нелюбина, Лаврова, Иштанъ, село Никольское на Оби, Першино, Кривошеева, Лавровыхъ, Былиныхъ, Дорохова, острогъ Уртамскій, Тарчинская, Корбы, Капаева, Астраханцева, Бартышево, Краева, Елизарова, Потелово, село Богородское, Трубачева, Андреево, Шегарская, Катаковы, Вершинина, Цыганова, Кураковская.

Въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ:—дер. Сидорова, Мокроусова, Тихонова, Антонова, Герасимова, Бедарева, Верхотомскій острогъ, Евтифѣева, Карпова, Атаманово I, Попова, Долговыхъ, Кондратьева, Ефремова, Гуськина, Куртукова, Грошевская, Лаврова, Атаманово II, Меньшикова, Петлина, Шабалино, Сметанниково, с. Ильинское—Красный Яръ тожъ, Красулино, Шорохова, Калачиково, Толмачева, Воровскова.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что на картѣ Ремезова русскія поселенія Томско—Кузнецкаго края обозначены не во всей полнотѣ.

Изъ одного архивнаго дѣла мы съ удивленіемъ узнаемъ, что во второй половинѣ XVII ст. русскія деревни имѣлись уже близъ нынѣшняго Бійска и р. Катуни. Эти деревни Ѳоминская и Соколова. По показанію крестьянъ, данному въ 1789 г. Ѳоминская была заведена около 1660 г., а Соколова въ 1695 г. —Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катуни 1795 г. Мы пользуемся этимъ дѣломъ благодаря любезности г. библіотекаря Том. университета Ст. Кир. Кузнецова.

[2]) Щаповъ. Рус. расколъ старообрядства. 1859, стр. 492.

Такъ часто повторяющееся здѣсь слово *повсюду* составляетъ, конечно, реторическую украсу описанія, но общій характеръ многохлопотливой эпохи иностранецъ изобразилъ вѣрно.

Наступила эпоха самой напряженной въ Россіи жизни, при чемъ царь требовалъ, чтобы каждый непремѣнно участвовалъ въ перестройкѣ государства трудомъ или деньгами, чтобы, по старинному выраженію, „никто въ избылыхъ не былъ“. Огромная для народа тяжесть преобразовательнаго дѣла увеличивалась еще отъ того, что оно велось рядомъ и одновременно съ продолжительной и чрезвычайно дорого стоившей бѣдному государству великой сѣверной войной.

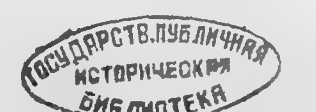
Подати взимались съ неопустительною строгостію, и онѣ были необычайно многочисленны и разнообразны. Кромѣ обычнаго окладного подушнаго сбора, съ крестьянъ брали деньги на генеральный провіантъ, на морской провіантъ, на провіантъ въ Смоленской магазеѣ, на покупку и кормъ драгунскихъ лошадей, на винтеръ-квартиры, на городовое строеніе, на подъемъ каменьщиковъ, пильщиковъ (при постройкѣ Петербурга), на постройку кораблей, дѣло каналовъ, деньги ландратскія, рекрутскія, сѣдельныя, уздяныя и проч., проч.[1]). Правительство брало, конечно, не съ одних только крестьянъ. „Оно брало со всѣхъ и вездѣ, гдѣ только можно было взять“[2]). Подати и сборы, великіе сами на себѣ, умножались еще болѣе отъ злоупотребленій сборщиковъ, которые, несмотря на всю зоркость императора, несмотря на его неумолимую строгость къ злоупотребителямъ, все-таки ухитрялись брать дани измышленныя въ родѣ хомутейныхъ, прикольныхъ съ водяныхъ судовъ, о которыхъ (даняхъ) говоритъ Посошковъ[3]). Подати были громадны. Но сверхъ ихъ огромны были работы, къ которымъ привлекалъ государь податное населеніе на го-

---

[1]) См., наприм., перечень сборовъ и податей, какіе требовались съ Томскихъ монастырскихъ крестьянъ. —Старин. монастыри Том. края, стр. 19 примѣчан.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVI, стр. 12, издан. 1866 г.

[3]) Щаповъ. Расколъ старообр., стр. 496.

сударственную пользу. Для постройки Петербурга ежегодно въ продолженіе многихъ лѣтъ высылалось изъ разныхъ областей Россіи до 40000 работниковъ, изъ которыхъ массы гибли отъ трудовъ и болѣзней[1]). Многія тысячи народа ежегодно же требовались для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ. Многочисленные работники трудились надъ дѣломъ разныхъ сооруженій въ Азовѣ на одномъ концѣ Россіи и прорытія длиннаго Ладожскаго канала на другомъ.—Словомъ, отъ русскаго народа Преобразователь потребовалъ такой работы, какой прежде онъ никогда не испытывалъ, какой доселѣ не представлялъ.

А какъ при почти безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ были часты рекрутскіе наборы? Въ продолженіе разсматриваемаго царствованія всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, общихъ и частныхъ, насчитываютъ до 40[2]). Въ самой высокой мѣрѣ обременительная воинская повинность наводила ужасъ въ народѣ уже одною непомѣрной горестью въ начальномъ положеніи рекрута. Въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ это положеніе изображено такъ:—„Когда въ губерніяхъ рекрутъ собираютъ, то сначала изъ домовъ ихъ везутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держутъ въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ не по малому времени и так. образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ. А потомъ изъ губерній отправляютъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего на дорогѣ приключаются многія болѣзни, помираютъ безвременно“[3]). Но и дальнѣйшая судьба уцѣлѣвшаго солдата, при суровой дисциплинѣ, при „частыхъ дальнихъ походушкахъ“ и изнурительныхъ военныхъ работахъ, при постоянныхъ недостачахъ въ войсковомъ провіантѣ, представляла одно чуть не сплошное горе—злосчастье. Не говоримъ уже о частыхъ военныхъ стычкахъ и генеральныхъ баталіяхъ. Достаточно сказать, что изъ

---

[1]) Щаповъ, тамъ-же, стр. 492. Ср. Костомаровъ. Истор. Россіи въ жизнеоп. VI, стр. 609.
[2]) Щаповъ, стр. 502.
[3]) Соловьевъ. Истор. Россіи XVI, стр. 202. Москва, 1866.

солдатъ, взятыхъ для Шведской войны, домой почти никто не вернулся. Неудивительно, что во избѣжаніе рекрутской повинности крестьяне не только брели врознь, но и калѣчили себя, рвали себѣ зубы, рубили пальцы на рукахъ.

Тяжелое было это время,—трудная для народа година. „Повсюду кипитъ удесятеренная дѣятельность, повсюду насильственныя мѣры, невыносимыя тягости, наборъ въ рекруты и матросы, наборъ въ школы и новыя учрежденія, указный сгонъ рабочихъ для казенныхъ построекъ, а тутъ на каждомъ шагу денежные сборы для безконечной войны, для безчисленныхъ новыхъ нуждъ государственныхъ. Казна беретъ рѣшительно со всего,—съ торговъ, съ промысловъ, съ душъ, съ потребленія, беретъ даже съ продажи дубовыхъ гробовъ, какъ съ предмета роскоши. Силъ подчасъ не хватаетъ, дохнуть некогда“[1]). Не попрежнему уже кряхтѣли русскіе крестьяне отъ разныхъ тягостей старо-русскихъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича,—теперь стонали они великимъ всенароднымъ стономъ.

Думаемъ, однако, что исторія не можетъ этотъ народный стонъ поставить въ упрекъ гиганту-царю, такъ величаво высящемуся въ прошлыхъ судьбахъ Россіи,—такъ ярко освѣтившему русскую жизнь сіяніемъ своего несравненнаго генія, —генія съ мозолями на рукахъ, работавшаго не только царственнымъ трудомъ на престолѣ, но и въ роли плотника, бомбардира и шкипера. Заставляя трудиться другихъ, онъ и самъ трудился не покладая рукъ; заставляя подданныхъ переживать трудную годину, онъ и самъ, по его выраженію, обрѣтался „въ несносныхъ печалѣхъ“. Никакая жертва не казалась Петру I слишкомъ великой, когда имѣлась въ виду цѣль общей пользы государства, дѣло приподнятія условій его жизни для всесторонняго прогресса. Не щадя для блага будущей Россіи личныхъ жертвъ и себя самого, онъ

[1]) Проф. Петровъ. Очерки изъ всемірн. исторіи. Харьковъ 1882, стр. 436.

не побоялся привести въ страшное напряженіе и народныя силы, побуждая доселѣ косныхъ русскихъ людей „силою дѣлать себѣ добро“[1]).

Но народъ еще не понималъ этого добра, онъ не въ состояніи былъ проникнуть въ планы и цѣли Петра. Народъ зналъ только тягости реформы и какъ прежде при всякой тягости, такъ теперь въ особенности ринулся наутекъ. Трудно за Петровское время отыскать документъ, касающійся внутренняго быта крестьянъ, гдѣ-бы отсутствовали правительственныя жалобы на крестьянскія бѣгства. Крестьяне бѣжали отъ податей, отъ военной службы, отъ казенныхъ работъ,—бѣжали, говоритъ Посошковъ, въ понизовыя мѣста, въ Украйнскія, въ зарубежныя: „чужія страны населяли, а свою пустоту покидали“. Напрасно на тѣхъ путяхъ, по которымъ шли бѣглецы, правительство ставило заставы. Утеклецы умѣли пробираться по глухимъ тропамъ, минуя загражденія. Крестьяне православной вѣры бѣжали отъ многочисленныхъ тяготъ гражданской жизни, а раскольники, на которыхъ положенъ былъ двойной подушный окладъ, которые должны были платить еще за право ношенія бороды, которыхъ хотя не въ такой степени, какъ въ правленіе Софьи, но всетаки въ общемъ преслѣдовать за вѣру не переставали,—раскольники, кромѣ побужденій въ тягостяхъ состоянія, бѣжали отъ тлетворнаго и всепагубнаго, по ихъ мнѣнію, духа времени. Если уже православные въ реформѣ Петра, направленной къ сближенію Россіи съ западомъ, усматривали разрушеніе русской національности, если уже въ ихъ средѣ несмолкаемо раздавались толки, что Петръ не могъ быть царемъ русскаго происхожденія, что онъ—государь подмѣненный въ Швеціи, если у православныхъ находились лица въ родѣ Талицкихъ, Левиныхъ и Докукиныхъ, которые, соображая время и знаменія времени съ записями въ своихъ

[1]) Тамъ-же, стр. 427.

тетрадяхъ, выводили, что Петръ никто иной, какъ антихристъ, то что сказать о раскольникахъ съ ихъ всегда воспаленнымъ воображеніемъ на тему объ антихристѣ. „Императоръ“,—говорили раскольники, по поводу, наприм., I всенародной ревизіи,—„сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора или за единовластнаго правителя. Мы же отъ Христа-Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранити и вѣру святую блюсти и такому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ писатися никому не совѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмы христіане единаго исповѣданія вселенскихъ соборовъ, св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе:—того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя, гражданскія, въ силу указа вашего императора, не пишемся, ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во св. Писаніи, яко прежде бывшіи въ Россіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска полу и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего вообще человѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога.—Зрите человѣцы, вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ нами“?[1]).

Такъ думали и писали раскольники о Петрѣ, усматривая во всѣхъ частностяхъ его реформы ухищренія антихриста, а во всемъ духѣ реформы--духъ антихристовъ и, разумѣется, старались

[1]) Щаповъ, Раск. старообр., стр. 482--483. О Петрѣ, какъ антихристѣ см. еще у Соловьева, Истор. Россіи т. XVI гл. 1, XVIII, гл. 3. и у Пыпина. Вѣстн. Европы. Августъ. 1897.

бѣжать отъ „антихриста“ во всякія глухія мѣста. Лѣса поморскіе и керженскіе переполнились раскольническими бѣглецами. Но керженскихъ раскольниковъ въ то время сильно тревожилъ Нижегородскій епископъ Питиримъ (бывшій когда-то самъ раскольникомъ) съ своимъ очень ревностнымъ помощникомъ въ лицѣ Нижегородскаго вице-губернатора Юрія Ржевскаго. Значитъ, керженцамъ нужно было бѣжать куда-нибудь дальше.

Если что съ особой силою двинуло дѣло колонизаціи въ Сибири вообще и въ Томскомъ краѣ въ частности, то это преобразовательная дѣятельность Петра I и народное ею недовольство. За „рубежъ свейскій“ (шведскій) или польскій бѣжало податное населеніе главнымъ образомъ изъ западныхъ областей Россіи, въ Новороссійское понизовье шли крестьяне изъ-подъ-Москвы. Но бѣглецы съ Поволжья и въ особенности изъ сѣверо-восточныхъ частей Россіи устремились къ Камню и за Камень, т. е. къ Уралу и за него. Въ Башкирію, т. е. въ земли по среднему и южному протяженію Уральскаго хребта, бѣглецы являлись толпами. На заводахъ Демидова ихъ укрывались тысячи. Производившій въ Сибири первую народную перепись полковникъ Солнцевъ-Засѣкинъ донесъ въ 1725 г. Сенату, что въ провинціяхъ Соли-Камской на соляныхъ и Тобольской на серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ оказалось множество крестьянъ—работниковъ изъ бѣглыхъ разныхъ мѣстъ Россіи и въ перепись не попавшихъ. Сенатъ, выслушавъ донесеніе, съ своей стороны замѣтилъ, что на сибирскихъ заводахъ, какъ, наприм., у Строгановыхъ, бѣглые уже издавна находятъ себѣ пріютъ, бѣглыхъ тамъ укрываютъ и законы о нихъ не исполняютъ[1]). Какъ велика была численность бѣглецовъ на заводахъ Демидова, можно судить по тому, что Геннигъ, надзиравшій за уральскими заводами, перебралъ у Демидова 10000 руб. за то, что

[1]) Пол. собр. зак. т. VII, № 4699.

закрывалъ глаза на бѣглыхъ, работавшихъ на заводахъ[1]). Но не всѣ бѣглецы осѣдали на Уралѣ, не всѣмъ нравилась незавидная доля рабочаго, своимъ почти даровымъ трудомъ обогащавшаго уральскихъ заводчиковъ. Большинство, переваливая „Камень", текло въ дальнѣйшія части Сибири. Да и для бѣглецовъ, трудившихся на заводахъ, Уралъ часто служилъ только этапомъ для перехода сюда-же, т. е. глубже въ Сибирь. Бѣжали въ Сибирь всякаго рода крестьяне, но въ громадной массѣ бѣглецы принадлежали расколу. Нижегородскій епископъ Питиримъ свидѣтельствовалъ, что изъ Керженскихъ лѣсовъ старовѣры уходили преимущественно въ сибирскія области, и мы понимаемъ отсюда, почему и доселѣ въ Сибири раскольника зовутъ „кержакомъ" и даже единовѣрческую церковь въ Томскѣ называютъ „кержацкою" церковію. Какъ вообще было изобильно раскольниковъ въ Сибири за время Петра В. доказывается слѣдующимъ выразительнымъ документомъ. Въ 1722 г. въ Нижній явился капитанъ Сверчковъ съ партіей упорныхъ старообрядцевъ, назначенныхъ на сибирскую каторгу. „Увѣдомились мы, писали затѣмъ царю еписк. Питиримъ и Ржевскій, что посланы въ Сибирь раскольники необратившіеся и въ томъ числѣ Василій Власовъ, злой расколозаводчикъ и учитель, которому не только въ ссылкѣ, но и на семъ свѣтѣ, по мнѣнію нашему, быть не надлежитъ", а въ Сибирь и безъ того „многіе раскольщики описные и неописные бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городѣхъ. И ежели еще этимъ каторжнымъ раскольникамъ дозволено будетъ быть въ сибирскихъ-же городахъ и дастся имъ воля, то они, собравшись съ бѣглыми раскольниками, могутъ произвести немалыя пакости къ возмущенію народа". Результатомъ этого указанія было слѣдующее распоряженіе государя: „послать изъ канцеляріи сената къ капитану нарочно курьера, дабы его съ оными посланными съ нимъ раскольщи-

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи. XX, стр. 204—205. Изд. 1870 г.

ками, гдѣ онъ ихъ найдетъ, возвратить немедленно въ Москву, а съ Москвы послать въ адмиралтейство и отдать ихъ въ вѣчную работу въ Рогервикъ, и впредь раскольщиковъ въ Сибирь отнюдь не присылать, а посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новой гаванъ"[1]).

Двигались бѣглецы въ Сибирь, отыскивая на ея свободныхъ пространствахъ, въ ея глухихъ степяхъ или дремучихъ тайгахъ удобное и сокровенное отъ начальства жительство и, двигаясь, достигали Томскихъ предѣловъ, гдѣ въ то время мѣстъ удобныхъ для потаеннаго или, по крайней мѣрѣ, относительно спокойнаго жительства было великое множество. Многія изъ многочисленныхъ деревень нынѣшняго Барнаульскаго округа, въ XVIII в. составлявшихъ приходы Бѣлоярскій, Малышевскій, Чингизскій, Бердскій, Легостаевскій были застроены бѣглецами Петровскаго времени. При первой ревизіи въ г. Кузнецкѣ было переписано 1363 крестьянскихъ ревизскихъ душъ, а въ уѣздѣ (куда въ то время принадлежали и земли нынѣшняго Барнаульскаго округа) 1511 душъ[2]). Цифры не велики, тѣмъ не менѣе выразительны онѣ для стороны, гдѣ въ недавнее время была чуть не сплошная пустота. При этомъ, конечно, нужно замѣтить, что многіе изъ бѣглецовъ въ ревизію не писались, оставаясь въ укрывательствѣ въ недостижимыхъ для начальства углахъ. Что мѣстному начальству было трудно и даже иногда не возможно добираться до такихъ угловъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1722 г. томскій воевода Павелъ Ѳедоровичъ Загрясскій отдалъ приказъ томскому дворянину Прокопьеву, чтобы переписалъ пашенныхъ крестьянъ, гулящихъ и всякаго рода русскихъ людей Томскаго уѣзда въ Сосновскомъ стану для взятія съ нихъ положенныхъ по-

[1]) Памятники Сибир. исторіи ч. II, № 94. Соловьевъ XVIII, стр. 212. Изд. 1868 г.

[2]) Архивъ Колывано-Воскрес. Горнаго начальства въ Барнаулѣ. Столпъ дѣлъ по описи № 461, л. 253.

датей. Прокопьевъ донесъ затѣмъ, что съ гулящихъ людей собрать подати оказалось нельзя, ибо „живутъ отъ Сосновскаго острога по разнымъ мѣстамъ и въ дальныхъ разстояніяхъ“[1]). А сколько въ Томскомъ краѣ было за то время раскольниковъ, это указываетъ намъ тобольскій митрополитъ Антоній I Стаховскій. Дѣлая выговоръ томскому архимандриту Порфирію за то, что многихъ томскихъ жителей показалъ бывшими на исповѣди ложно, митрополитъ обличалъ ложь главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Томскѣ и около него *„самое дно раскольничества содержится“*[2]).

Бѣгства продолжались и въ царствованія ближайшихъ преемниковъ Петра I, потому что условія крестьянской жизни въ общемъ оставались тѣ-же, что были и при Петрѣ. Только безъ такого величаваго кормчаго на государственномъ кораблѣ, безъ такого хозяина, какимъ былъ великій императоръ, и при постоянныхъ интригахъ при дворѣ со стороны разныхъ правительственныхъ чиновъ, стало больше сутолочи въ государствѣ и больше въ немъ злоупотребленій. Подати съ крестьянъ брали прежнія, суровость рекрутскихъ наборовъ не измѣнилась. Значительно рѣже и въ меньшихъ массахъ стали сбирать народъ на работы по государственнымъ сооруженіямъ. Но зато страдали крестьяне отъ частыхъ хлѣбныхъ недородовъ и пережили неописуемый страхъ въ виду жестокостей, съ которыми взыскивала съ крестьянъ многія накопившіяся недоимки мрачной памяти доимочная канцелярія, учрежденная Бирономъ главнымъ образомъ для удовлетворенія, какъ выражались встарину, своей бездѣльной корысти.

Въ 1727 г. члены Верховнаго Совѣта свидѣтельствовали, что крестьяне бѣгутъ въ Польшу, Запорожье, къ Башкирамъ, въ расколъ: — „итакъ, мы нашими крестьянами снабжаемъ не только Польшу, но и собственныхъ злодѣевъ“. Причину это-

[1]) Доношеніе дворянина Никифора Прокопіева. Арх. Томск. Алексѣев. монастыря, св. 4.
[2]) Старинные монастыри Том. края, стр. 29.

го грустнаго обстоятельства Совѣтъ усматривалъ въ томъ, что „никто изъ командировъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобы взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслуживаться, не принимая въ разсчетъ, что послѣ крестьянинъ безъ всего останется, или вовсе куда нибудь убѣжитъ“[1]). Генералъ-прокуроръ Ягужинскій въ запискѣ, поданной государынѣ о мѣрахъ облегченія крестьянъ говорилъ, что „крестьяне отъ тяжести податей и отъ неурожаевъ не токмо лошадей и скотъ, но и сѣмянной хлѣбъ распродавать принуждены и сами терпятъ голодъ..., и множество (ихъ) бѣжитъ за рубежъ и въ Башкиры, чему и заставы не помогаютъ“[2]). Сенатъ, разсуждая по поводу этой записки, находилъ, что въ предупрежденіе побѣговъ не только нужно выбрать въ каждой мѣстности сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ, но, кромѣ того, слѣдуетъ перепоручить крестьянъ круговою порукою. Это будетъ крѣпче карауловъ, потому что тогда крестьяне принуждены будутъ сами себя караулить: „нельзя тому статися, чтобы крестьяне другъ о другѣ не узнавали, ибо кто захочетъ бѣжать, то предъ побѣгомъ спроваживаетъ въ способныя къ побѣгу мѣста скотъ и пожитки, а иные предъ побѣгомъ все продаютъ“[3]).

Минуемъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же свидѣтельствъ о крестьянскихъ бѣгствахъ и ограничимся указаніемъ на то, что, по словамъ Болтина, отъ мучительствъ Бирона убѣжало за границу 250000 крестьянскихъ душъ[4]).

А вообще всѣхъ неизвѣстно куда бѣжавшихъ крестьянъ, въ теченіе только девяти лѣтъ, отъ 1727 по 1736 г., исторія указываетъ въ цифрѣ около 400000 чел.[5]).

Сколько за время царствованій Екатерины I, Петра II и

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, стр. 294.
[2]) Тамъ-же, стр. 280.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Щаповъ. Раскол. старобряд., стр. 490.
[5]) Щебальскій. Чтеніе изъ Русской исторіи. Вып. IV, стр. 125. 1874 г. Москва.

Анны Ивановны убѣжало крестьянъ чрезъ Башкирію и Уральскій хребетъ въ Сибирь—это въ точности, конечно, неизвѣстно. Но что бѣжало много, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Татищевъ, побывавшій въ Демидовскихъ заводахъ въ 1733 г., нашелъ тамъ 3000 бѣглыхъ раскольниковъ, жившихъ и работавшихъ на заводахъ въявь. Татищевъ долженъ былъ ихъ переписать. Прикащикъ Демидова захотѣлъ отклонить его отъ этого дѣла и принесъ ему взятку въ 2000 руб., отвергнутую честнымъ генераломъ съ презрѣніемъ[1]). Но и сами бѣглецы—раскольники не постѣснились заявить Татищеву, что если онъ не оставитъ своего намѣренія относительно ихъ переписи, они уѣдутъ въ Сибирь дальше. Привелось исполнить дѣло переписи со всевозможною для бѣглыхъ мягкостію и таковою же въ отношеніи къ нимъ осторожностію.

Познакомимся ближе съ образчиками бѣглецовъ, пришедшихъ въ нашъ Томскій край до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны.

1) Иларіонъ Абросовъ—пришелъ съ отцомъ изъ Архангелогородской губерніи, предварительно поживши съ нимъ нѣсколько лѣтъ у Демидова на Невьянскомъ заводѣ. Явившись въ глубь Сибири съ Урала, они остановились и обосновались въ деревнѣ Усть-Чумышѣ.

2) Зотѣй Бородухинъ и Ив. Плотниковъ изъ Архангелогородской же губерніи. Пришли въ Сибирь въ концѣ царствованія Петра I.

3) Петръ Красильниковъ—пришелъ изъ Россіи съ отцомъ, братомъ и женой къ р. Оби въ районъ Малышевской слободы и поселились здѣсь сначала на пустомъ мѣстѣ, а затѣмъ перешли въ дер. Усть-Чарышъ.

4) Алексѣй Исаковъ—отъ матери слышалъ, что съ отцомъ пришелъ изъ Устюга къ р. Оби, въ Бердскій острогъ.

---

[1]) Соловьевъ. XX, стр. 203.

5) Василій Степановъ—родомъ изъ Устюга же. Въ Сибирь пришелъ съ отцомъ. Сначала скитался „межъ дворовъ“ въ Томскомъ вѣдомствѣ, затѣмъ ушелъ въ Барнаульскую степь на одиночное жительство.

6) Алексѣй Овчинниковъ изъ Нижегородской губерніи, Керженской волости. Свезенъ былъ оттуда матерію за скудостію хлѣба въ 1714 г. въ деревню Чарышскую.

7) Егоръ Корелъ—изъ Олонца деревни Суждальской. Ушелъ съ родины въ 1729 г. Пришедъ въ Сибирь, долгое время бродилъ по разнымъ деревнямъ около Оби и, наконецъ, основался въ дер. Тугозвоновой.

8) Василій Казанцевъ, Даніилъ Богдановъ, Ѳома Колотиловъ изъ Казанской губерніи—пришли къ г. Кузнецку до первой ревизіи, т. е. до 1721 года.

9) Сидоръ Антипинъ и Ив. Вагинъ изъ Московской губерніи. Изъ нихъ послѣдній ушелъ съ отцомъ „до ревизіи Солнцева“ и, поселившись Малышевской слободы въ дер. Сопляковой, завелъ здѣсь свой домъ.

10) Василій Пискуновъ съ товарищами изъ Нижегородской губерніи Арзамазскаго уѣзда.

11) Игнатій Брутовъ—отъ матери слышалъ, что пришелъ съ отцомъ „изъ россійскихъ городовъ“ еще до переписи Солнцева и поселился въ районѣ Бѣлоярской слободы.

12) Прохоръ Низовскихъ изъ Устюга. Явился въ Сибирь будто-бы съ паспортомъ, но паспортъ на дорогѣ сгорѣлъ.

13) Василій Орловъ изъ Московской губ. изъ города Суздаля, деревни Пущенской. Вышелъ въ Сибирь въ 1738 г. и поселился около дер. Артамоновой Бердскаго острога.

14) Кузьма Гуляевъ съ племянникомъ Антономъ Никифоровымъ—мордовскаго рода. Ушли съ родины въ 1738 г. и поселились около Чаусскаго острога.

Мы перечислили только единичные примѣры россійскихъ бѣглецовъ въ Томскій край, взявши эти примѣры наудачу

изъ длинныхъ перечневыхъ списковъ, найденныхъ нами въ бумагахъ Барнаульскаго горнаго архива[1]). Да и въ эти длинные списки занесены только тѣ изъ бѣжавшихъ, которые не записались во II ревизію. Слѣдовательно, всѣ изъ бѣглецовъ, захотѣвшихъ послѣ многообразныхъ блужданій, жить открыто, на легальныхъ основаніяхъ, и ко II ревизіи явившихся, въ указанные перечни попасть не могли.

Предъ нами довольно длинные же списки бѣглецовъ изъ Тобольской области и изъ ея дистриктовъ: Тарскаго, Ялуторовскаго, Ишимскаго и др. Является самъ собою вопросъ: что заставляло этихъ людей мѣнять свои сибирскія мѣста въ пользу Томской стороны? Сами они указывали то на недородъ хлѣба, то на выпашку полей. Разумѣется, могли побуждать къ переселеніямъ и эти причины, заставлявшія крестьянъ искать болѣе хлѣбородныхъ и болѣе тучныхъ полей. Но думается намъ, что въ нерѣдкихъ случаяхъ и эти пришельцы принадлежали къ составу россійскихъ бѣглецовъ, передвигавшихся къ томскимъ предѣламъ постепенно чрезъ посредство непродолжительной осѣдлости въ болѣе западныхъ сибирскихъ частяхъ. Но если это были давніе сибиряки, то не забудемъ, что общія тягости крестьянской жизни въ эпоху Петра и его преемниковъ не могли миновать и Сибирскихъ старожиловъ. Отъ тягостей можно было укрываться только въ болѣе пустыхъ и болѣе глухихъ мѣстахъ, какихъ въ Томской странѣ было изобильно. Въ самомъ дѣлѣ, если тобольскіе пришельцы уходили съ своихъ мѣстъ къ дальней Оби и за нее только отъ хлѣбнаго недорода или выпашки полей, то почему уклонялись отъ записей въ ревизскія сказки?

Беремъ опять наудачу нѣсколько бѣглецовъ этого разряда.

1) Яковъ Угрюмовъ—изъ Тарскаго вѣдомства. Послѣ разныхъ блужданій поселился въ дер. Бѣлоярской слободы Бажевой, гдѣ и построилъ свой дворъ.

[1]) Архивъ Колывано-Воскресенскаго Горнаго начальства; столпъ д. № 35.

2) Ив. Аксеновъ—изъ Курганской слободы Тобольскаго вѣдомства, откуда самовольно ушелъ въ 1728 году. Сначала поселился въ деревнѣ Красный Яръ Чаусскаго острога, а затѣмъ перешелъ въ дер. Карманскую Бѣлоярской слободы.

3) Ефремъ Михайловъ—Ишимскаго дистрикта изъ дер. Гаевой. Около 1718 г. былъ взятъ въ рекруты и отправленъ въ Петербургъ, но съ дороги бѣжалъ. Спустя 8 лѣтъ послѣ бѣгства объявился въ Сибирской канцеляріи, изъ которой его отпустили домой. Но ушелъ и изъ дому—ушелъ за Обь и завелъ дворъ въ дер. Черкуновой Бѣлоярской слободы.

4) Тимофей Чепаринъ—изъ Аятской слободы. Ушелъ оттуда въ 1728 г. и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, прежде чѣмъ пришелъ къ берегу Оби.

5) Кириллъ Койновъ—изъ Тобольскаго вѣдомства деревни Койновой. Ушелъ съ родины вмѣстѣ съ братомъ въ 1728 г. Жили сначала въ пустыхъ мѣстахъ, затѣмъ онъ, Кириллъ, поселился въ дер. Ордѣ Чаусскаго острога, а братъ домообзавелся въ другой деревнѣ, отъ него получившей свое названіе, т. е. въ дер. Койновой.

6) Михайло Тарасовъ—изъ Тюменскаго вѣдомства дер. Гилевой. Ушелъ оттуда въ 1738 г. въ дер. Курзу Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ д. Зайцеву Бердскаго острога.

7) Ив. Ѳоминскій—изъ Камышловской слободы по р. Пышмѣ. Пришелъ въ Бердскій острогъ къ прежде вышедшему сюда родному дядѣ.

8) Амфилохіевъ—изъ Шадринскаго дистрикта. Пришелъ въ 1733 г. въ дер. Суету Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ дер. Караканскую Кузнецкаго вѣдомства, гдѣ поставилъ свой дворъ и женился.

И т. дал., т. д.[1]).

---

[1]) Архивъ Колывано-Воскресен. горнаго начальства. Столпы дѣлъ по описи № 35 и безъ описи отъ 1749 г.

То обстоятельство, что въ перечнѣ, которымъ пользуемся, встрѣчается очень немало крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Аятской, Абацкой слободъ (Тоб. вѣд.) и изъ подъ Тюмени, указываетъ, по нашему мнѣнію, ясно, что эти люди пришли въ Томскую область по расколу, такъ какъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что тѣ слободы были сильно населены раскольниками и въ началѣ XVIII в. расколъ преслѣдовался тамъ весьма жестоко. Очень часто затѣмъ упоминаются перебѣжчики изъ г. Тары и его округа. Изъ другого документа мы узнаемъ, что въ 1735 г. томскій воевода получилъ изъ Сибирской канцеляріи указъ оыскѣ крестьянъ и разночинцевъ, самовольно ушедшихъ изъ Тары же и волостей Тарскаго вѣдомства. И сыщики во главѣ съ офицеромъ нашли немало тарскихъ семей, бѣжавшихъ въ 1722, 1724 и въ позднѣйшіе годы и поселившихся главнымъ образомъ въ деревняхъ Чаусскаго острога[1]). Усиленное бѣгство изъ Тары наводитъ на мысль, что въ данномъ случаѣ имѣло важное значеніе то большое розыскное дѣло о тарянахъ, которое вызвано было ихъ отказомъ присягнуть супругѣ императора Петра I Екатеринѣ, послѣ того, какъ Петръ короновалъ ее въ 1722 г. Извѣстно, что при этомъ страшномъ розыскѣ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ сопротивленія Бочаговъ съ нѣсколькими изъ сообщниковъ заперся въ домѣ и поджогъ подъ домомъ порохъ, чтобы взлетѣть на воздухъ. Поджогъ не удался и запершіеся были схвачены живыми. Но это обстоятельство только усилило строгость розыска, отъ котораго пострадало болѣе 1000 человѣкъ[2]). Всѣ эти страхи и строгости не могли не навести паники на тарскихъ жителей всякихъ чиновъ и не заставить ихъ брести врознь. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ раскольническую пустынь

---

[1]) Арх. Том. Алекс. монаст. Связка 3.

[2]) Соловцевъ. Истор. обозр. Сибири, I, 266. Соловьевъ. Истор. Россіи, XVIII, стр. 238. Изд. 1868.

старца Сергія[3]), а нѣкоторые утекли дальше на востокъ, къ Кузнецку и Томску. Все изложенное подтверждаетъ высказанную нами догадку, что тоболичи и въ частности таряне уходили въ томскіе предѣлы преимущественно отъ тягостей, характеризующихъ время Петра иI еол ближайшихъ преемниковъ.

Предпріимчивый владѣтель уральскихъ заводовъ Акинфій Демидовъ, прослышавъ въ концѣ царствованія Петра о богатыхъ залежахъ мѣдныхъ рудъ въ Алтайскихъ горахъ, отправилъ туда съ Урала для провѣрки слуха олонецкихъ стариковъ Матвія Кудрявцева, Леонтія и Андрея Кабановыхъ. Старики вернулись черезъ годъ и принесли Демидову образцы руды, добытой изъ древнихъ „чудскихъ“ копей Синей Сопки или Синюхи. Демидовъ не замедлилъ заявить о своей находкѣ оберъ-бергъ-амту Геннигу и въ началѣ 1727 г. получилъ дозволеніе разрабатывать алтайскія руды въ свою пользу. Построены были сначала одна печка на р. Локтевкѣ, а затѣмъ заводъ на рч. Бѣлой, названный Колывано-Воскресенскимъ. Оказалось, что изъ Алтайскихъ горъ можно было извлекать не только мѣдь, но и серебро и даже золото. Тѣмъ усиленнѣе пошла горно-алтайская дѣятельность энергичнаго Демидова. Въ 1735 г. Колыванскій заводъ взятъ былъ въ казну, а въ 1739 г. снова возвращенъ прежнему владѣльцу, построившему, кромѣ Колыванскаго, еще заводы: Барнаульскій въ 1739 г. и Шульбинскій на р. Шульбѣ въ 1744 г. Но съ 1747 года заводы снова были изъяты изъ частной собственности и перешли въ собственность Кабинета Ея Величества, при чемъ назначенный для управленія ими бригадиръ Бееръ долженъ былъ тщательно описать и оцѣ-

---

[3]) Памятники Сибир. истор., II, № 110.—О старцѣ Сергіи здѣсь говорится, что въ свою пустынь онъ принималъ «приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, а наипаче тарскихъ обывателей, которые, не похотя быть *у присяги,* бѣжали къ нему».

нить ихъ, чтобы изъ казны уплатить „что должно“ наслѣдникамъ Демидова[1]).

Съ открытіемъ мѣдныхъ рудъ въ нѣдрахъ Синей Сопки, повлекшемъ къ устройству на Алтаѣ горныхъ заводовъ, въ дѣлѣ колонизаціи Томскаго или, точнѣе, Томско-Барнаульскаго края явились новые стимулы, которые, перемѣшиваясь съ вольно-народными, принимаютъ принудительный характеръ.

Для добычи рудъ и очень сложнаго дѣла ихъ обработки, понятно, требовалось много рабочихъ рукъ. И вотъ еще Демидовъ то и дѣло отправляетъ изъ Невьянска на Алтай цѣлыя партіи рабочихъ съ своими прикащиками. То опять-таки были бѣглые, которыхъ у Демидова на Уралѣ состоялъ огромный запасъ. По отрывочнымъ документамъ, бывшимъ подъ нашими руками, мы могли бы перечислить многихъ крестьянъ, заявившихъ переписчикамъ II ревизіи, что они изъ бѣглыхъ, пришли въ Сибирь въ числѣ Демидовскихъ рабочихъ и, уклоняясь отъ заводскихъ работъ, убѣжали и здѣсь, въ Сибири, то отъ Колыванскаго, то отъ Барнаульскаго завода для того, чтобы пристать для жительства къ вольнымъ деревнямъ. Кромѣ указаній на этотъ счетъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь, мы видѣли въ архивѣ большое дѣло съ перечнемъ Демидовскихъ переведенцевъ на Алтай, прибывшихъ сюда въ 1744 г. Всѣ переведенцы были изъ россійскихъ бѣглецовъ, ушедшихъ въ промежутокъ отъ 1725 по 1735 г. кто изъ Архангелогородской, кто изъ Московской, кто изъ Казанской и Нижегородской губ., кто изъ Устюжскаго и Вятскаго края[2]). Когда заводы были взяты на имя государыни Елизаветы Петровны, къ нимъ для работъ были приписаны всѣ крестьяне Бѣлоярской, Малышевской слободъ, Бикатунской крѣ-

---

[1]) Извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ рукописной, разнообразнаго содержанія, тетради, принадлежавшей извѣстному знатоку Алтая, нынѣ умершему чиновнику Алтайскаго вѣдомства Ст. Ив. Гуляеву. Сн. Краткій историч. очеркъ Алтайскаго округа. СПБ. 1897 г. и Полн. собран. закон. VII, № 9403.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. гор. начальства, въ столпѣ дѣлъ № 35.

пости и Бердскаго острога[1]). „А понеже извѣстно, писала государыня въ именномъ указѣ Бееру, что при оныхъ заводахъ мѣста къ поселенію людей довольныя и всѣмъ потребнымъ къ житію человѣческому изобильныя, и для того по рѣкамъ, близъ оныхъ заводовъ текущимъ, селить *пришлыхъ* въ Сибирь, кои явились по нынѣшней генаралитетской переписи и оные пришлые люди, чьи бы они ни были, должны зарабатывать на заводахъ первое подати государственныя по 70 к., другое подати помѣщикамъ по 40 к.“ (въ годъ)[2]). Такимъ образ., кромѣ причисленныхъ къ заводамъ сибирскихъ крестьянъ, къ нимъ, заводамъ, нужно было приписывать людей пришлыхъ самовольно въ Сибирь, или иначе — людей бѣглыхъ. И вотъ начинаются облавы на бѣглыхъ на протяженіи отъ самаго Урала до Иркутска. А бѣглыхъ въ Сибири и теперь было достаточно, такъ какъ разныя тяготы, угнетавшія крестьянскую жизнь тамъ, въ центральной Россіи, не исчезали.

Правда, въ царствованіе Елизаветы Петровны крестьянскія подати были облегчены, но за то распространенный въ отечествѣ расколъ преслѣдовался гораздо сильнѣе, чѣмъ было это при Петрѣ I и даже при Аннѣ Ивановнѣ. Въ продолженіи 40 и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія для раскола какъ-бы вернулось то огнепальное время, какимъ въ его исторіи былъ ознаменованъ конецъ XVII вѣка. Въ виду преслѣдованій „старовѣрцы“ горѣли тамъ и здѣсь. Горѣли одни наиболѣе фанатичные, другіе бѣжали для укрывательства отъ властей—бѣжали по тѣмъ путямъ, которые уже давно были протоптаны русскимъ лаптемъ и изъ которыхъ одинъ велъ на востокъ—въ Сибирь, въ ея необозримыя степи, въ ея неоглядныя, угрюмыя и глухія черни или тайги. Помимо утѣсненій, какія испытывали раскольники, существовали и другія болѣе общія

---

[1]) Впрочемъ, приписные крестьяне въ количествѣ 400 дворовъ были у Алтайскихъ заводовъ и за время, когда ими владѣлъ еще Демидовъ. Сибирскіе крестьяне были причислены къ Демидову въ 1740 и 1742 гг.

[2]) Пол. соб. зак. XII, № 9403.

горести. Извѣстно, что царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II были временемъ наиболѣе полнаго развитія крѣпостного права съ его жестокостями, съ его подавленіемъ не только гражданской, но пожалуй и человѣческой личности того, кто въ мозолистыхъ своихъ рукахъ держалъ соху—эту опору благосостоянія Россіи, нашу матушку—

„Неизмѣнную кормилицу,
Вѣковѣчную работницу".

При Петрѣ I можно было укрыться отъ крѣпостной зависимости самовольнымъ уходомъ въ военную службу. Тяжела была послѣдняя, но при всей ея тягости крестьянинъ въ нерѣдкихъ случаяхъ готовъ былъ предпочесть ее крѣпостной неволѣ. Въ царствованіе Елизаветы крестьянину законнымъ образомъ уйти отъ помѣщика было уже некуда. Крѣпостные, самовольно уходившіе въ солдаты, были наказываемы кнутомъ. Какъ тяжко русскій крестьянинъ чувствовалъ на себѣ гнетъ состоянія въ крѣпостныхъ условіяхъ доказывается крестьянскими возстаніями противъ крѣпостныхъ владѣльцевъ. Возстаніями переполнёно царствованіе Елизаветы,—они постоянно повторялись и при Екатеринѣ, выразившись, наконецъ, въ томъ огромномъ больномъ нарывѣ на историческомъ организмѣ русскаго государства, который извѣстенъ подъ именемъ Пугачевщины. Въ началѣ царствованія Екатерины II Петръ Ив. Панинъ подалъ государынѣ свое мнѣніе о мѣрахъ пресѣченія крестьянскаго бѣгства, при чемъ указалъ слѣдующія причины этого, удручавшаго государство, явленія: 1) „строгость какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго начальства къ раскольникамъ; 2) привычка помѣщиковъ продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семей, а также продавать въ рекруты за чужія деревни безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію оставшихся семействъ; 3) чрезмѣрно-дурное содержаніе рекрутъ, 4) ничѣмъ вообще неограниченная власть помѣщиковъ надъ крестьянами, при чемъ неумѣренная роскошь заставляетъ первыхъ

брать съ послѣднихъ подати и употреблять въ работы не только тяжкія, но и превосходящія силы человѣческія и т. д.[1]). Дворяне—депутаты извѣстной Екатерининской комиссіи сильно печаловались, что постоянныя бѣгства крестьянъ наносятъ благосостоянію дворянства огромный ущербъ. Извѣстно, что въ первые годы своего правленія Екатерина II заговорила было объ освобожденіи крѣпостныхъ или, по крайней мѣрѣ, какъ предлагала въ своемъ либеральномъ Наказѣ, объ облегченіи бремени въ положеніи послѣднихъ. А на дѣлѣ все кончилось тѣмъ, что крѣпостное право распространено было на Бѣлоруссію и Малороссію, гдѣ его прежде не существовало,—помѣщикъ получилъ власть ссылать по своему усмотрѣнію крестьянина въ Сибирь и крестьяне лишены были возможности жаловаться на притѣсненія и жестокости своихъ господъ безъ опасенія за такую продерзость подвергнуться битью кнутомъ и идти затѣмъ на поселеніе[2]).

Какъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ было много бѣжавшихъ въ Сибирь краснорѣчиво доказывается тѣмъ, что на однихъ уральскихъ заводахъ бѣглыхъ насчитывали десятки тысячъ душъ[3]). Что касается въ частности Томскаго края, то, по архивнымъ матеріаламъ, бѣглые намъ встрѣчаются здѣсь чаще всего единичными личностями и семьями. Мы, однако, ограничимся сообщеніемъ указаній только на бѣглецевъ группами. Вотъ ѣдутъ въ Томскую Сибирь крестьяне Ставалдины съ товарищами. Всѣхъ ихъ на пути хотѣли было задержать, но бѣглецы ус-

---

1) Соловьевъ. Истор. Россіи, XXV, стр. 145 и г. по изд. товар. „Общ. Польза".

2) Въ 1767 г. 22 августа состоялось такое распоряженіе: „которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и въ противность 2 уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважатся,—то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты".—Правиковъ. Памятникъ изъ законовъ, ч. I, стр. 137. Москва. 1806. Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVII, гл. 1, стр. 333—334 по изданію товарищ. „Общ. Польза".

3) Въ 1747 г. бѣглыхъ было найдено на Уралѣ 16391 д. Соловьевъ, XXII, гл. II, стр. 398. То-же изд.

пѣли укрыться, оставивъ въ рукахъ поимщиковъ одну женщину[1]). Вотъ еще 13 бѣглыхъ семей, найденныхъ въ 1745 г. въ деревняхъ Ординской, Малой Кривощековой и Ярской[2]). Вотъ еще нѣсколько монастырскихъ крестьянъ, пришедшихъ къ Томску безъ паспортовъ съ Урала, и 30 семей, поселившихся по р. Кыргизинской въ Чаусскомъ стану и т. д.[3]). Попрежнему являлись бѣглецы и изъ Тары, скрывавшіеся, несомнѣнно, отъ преслѣдованія по расколу. Въ 1749 г. изъ Тарскаго района вышло самовольно 100 семей, найденныхъ затѣмъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Кузнецкаго уѣзда[4]).

Какъ сказано, „пришлыхъ" въ то время приписывали къ заводамъ и селили на заводскихъ земляхъ. И въ Барнаульскомъ горномъ архивѣ тянутся цѣлые ряды дѣлъ о пришлыхъ, взятыхъ то въ Иркутскѣ или около него, то присланныхъ подъ конвоемъ изъ Тобольска, то изъ Томска или Кузнецка и т. д.[5])

Съ конца царствованія Елизаветы Петровны количество селъ и деревень, причисленныхъ къ Колывано-Воскресенскому горному вѣдомству, увеличилось. Съ 12 янв. 1761 г. были прикрѣплены къ заводамъ всѣ крестьяне, жившіе въ Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, не исключая и крестьянъ, которые имѣли осѣдлость въ самыхъ Томскѣ и Куз-

---

[1]) Арх. Том. Д. Консисторіи. Указъ Тобольск. Консисторіи Том. Дух. Правленію отъ 11 мая 1752 г.

[2]) Промеморія ревизоровъ по II ревизіи въ Томскую воеводскую канцелярію. Монаст. арх., св. 4.

[3]) Арх. Том. Ал. монаст., св. 4.

[4]) Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. въ столпѣ д. № 79.

[5]) См. огромный списокъ пришлыхъ приписанныхъ къ заводамъ въ арх. Колыв. Воскр. гор. началъ, столпъ дѣлъ № 85 сн. столпы: № 30 79, 110, 172. Между прочимъ въ 1748 г. велѣно было выслать къ Алтайскимъ заводамъ нѣкоторыхъ изъ пришлыхъ, проживавшихъ въ Невьянской Демидовской богадѣльнѣ. Нарочно посланному въ Невьянскъ сержанту приказано было захватить изъ богадѣльни 53 чел., оказавшихся годными къ работѣ. Арх. К.-Воскр. г. н., столпъ д. № 30. По сообщенію Гуляева, въ концѣ 1740—хъ годовъ пришлыхъ было приписано къ заводамъ всего 2216 душъ. Тетрадь Гуляева въ рукописи.— 1 янв. 1759 г. Колыв. Воскр. Канц. писала бригадиру Фрауендорфу, что въ скоромъ времени ожидаетъ присылки для заселенія заводскихъ земель 400 «пришлыхъ» семей. Чт. общ. ист. и др. Россіи. 1867 г. Кн. 2, стр. 261.

нецкѣ и которые во многихъ случаяхъ происходили отъ бывшихъ служилыхъ людей и сибирскихъ дѣтей—боярскихъ. Количество рабочихъ силъ при заводахъ увеличилось, но бѣглыхъ присылать въ заводское вѣдомство все-таки не переставали. Случалось, что въ числѣ бѣглыхъ приписывали къ заводамъ и такихъ лицъ, которыя припискѣ по законамъ не подлежали. Между другими пришлыми, высланными изъ Тобольска въ 1749 г., находился нѣкто Ив. Коплинъ, прибывшій въ Сибирь изъ Тотьмы изъ тамошнихъ посадскихъ людей. Его причислили къ заводамъ, но отецъ запротестовалъ, указывая, что сынъ отправился въ Сибирь, не какъ праздношатающійся, а „для купечества“, что при II ревизіи въ окладъ онъ положенъ и нынѣ насильственно взятъ въ Колывано-Воскресенское вѣдомство только потому, что паспортъ оказался у него просроченнымъ. Не смотря на это заявленіе, Колывано-Воскресенская канцелярія протесту не вняла и Коплина отпустить не захотѣла[1]). Въ томъ же 1749 г. Томскій воевода прислалъ къ заводамъ 48 человѣкъ, пришедшихъ въ Сибирь на заработки съ пачпортами. На этотъ разъ канцелярія смиловалась, присланныхъ отпустила назадъ, поставивъ усердному воеводѣ на видъ, что въ данномъ случаѣ онъ поступилъ „неосмотрительно“[2]).

Но исчерпаемъ по возможности полнѣе обзоръ колонизаціи края за XVIII в. при посредствѣ бѣглыхъ.

Императрица Екатерина II, ослабивъ строгость гражданскихъ постановленій противъ раскола, между прочимъ задалась цѣлью вернуть изъ заграницы раскольниковъ, бѣжавшихъ туда въ прежніе годы, при чемъ прощала всѣ ихъ вины и указала имъ мѣста для поселенія, съ освобожденіемъ на 6 лѣтъ отъ всякихъ податей, въ нынѣшнихъ Астраханской, Саратовской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, но

[1]) Арх. Колыв. Воскр. гор. начальства, въ столпѣ д. № 94.
[2]) Арх. К. Воскр. гор. нач., въ столпѣ д. № 30, листъ 170.

болѣе всего въ Сибири близъ Тобольска, въ Барабинской степи и въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорска. Хлынули волной раскольники изъ-за рубежа въ давно покинутое отечество, но, однако, не всѣ. Жители Польской Вѣтки и раскольническихъ слободъ около нея изъ-за рубежа выходить не хотѣли и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ сопредѣльныхъ россійскихъ мѣстахъ. Упорство и буйства бѣглецовъ заставили императрицу послать туда генералъ-майора Маслова съ войскомъ. Масловъ раззорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до 20000 раскольниковъ, которые и были затѣмъ препровождены на поселеніе въ Сибирь. Немало ихъ было поселено въ Барабинской степи, но особенно много въ Алтайскихъ горахъ по рр. Убѣ, Ульбѣ, Глубокой и прочимъ притокамъ Иртыша съ правой стороны. Это были прадѣды тѣхъ раскольниковъ, которые нынѣ составляютъ самое зажиточное населеніе въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ и которые извѣстны тамъ подъ страннымъ именемъ „поляковъ“ (выходцы изъ Польши)[1]).

При Колывано-Воскресенскихъ заводахъ, въ царствованіе Екатерины II значительно умножившихся въ числѣ[2]), состоялъ всегда огромный штатъ рабочихъ: мастеровыхъ, рудокоповъ, угольщиковъ, плавильщиковъ и проч., которые несли чрезвычайно обременительный и изнурительный трудъ. Рабочіе набирались изъ крестьянъ всѣхъ селеній, причисленныхъ къ заводамъ и отбывали заводскій трудъ, какъ воин-

---

[1]) Варадиновъ. Исторія Мин. Вн. Дѣлъ. Кн. VIII, стр. 31; сп. Мельниковъ. Истор. очерки поповщины, стр. 255.

[2]) Въ 1764 г. былъ построенъ *Павловскій* заводъ на р. Космалѣ (притокъ Оби), въ 1765 г. *Сузунскій* мѣдно-плавильный (гдѣ чеканилась мѣдная сибирская монета), въ 1771 г. *Желѣзо-Томскій* на Томь-Чемушѣ, въ 1775 г. *Алейскій*, 1782-1783 г. серебро-плавильный *Локтевскій* и въ 1795 г. *Гавриловскій*. Кромѣ заводовъ, много рабочихъ требовалось на рудники: *Змѣевскій* (Змѣиногорскій), *Богоявленскій, Бутырскій, Гальцовскій, Шеманаихинскій, Таловскій, Золотушинскій, Семеновскій, Салаирскій* (открытъ съ 1881 г.), *Риддерскій* (открытъ съ 1784 г.), *Петровскій* и *Титовскій* (съ 1787 г.), *Зыряновскій* (открытъ съ 1791 г.) и др. — Краткій истор. очеркъ Алт. округа, стр. 15—17.

скую повинность. Кромѣ того, для исполненія многочисленныхъ заводскихъ порученій, наприм., рубки лѣса, приготовленія дровъ или угля, вывозки этого матеріала къ заводамъ, перевозки къ заводамъ руды назначались и сами крестьяне по очереди или цѣлыми деревнями, или отдѣльными семьями изъ деревень. Работы были тяжелыя, а для „бергаловъ"—такъ назывались постоянные рабочіе—каторжныя въ точномъ смыслѣ этого слова[1]). За неисправности въ работахъ, за провинности рабочихъ наказанія царили жестокія. Кнута, плетей, кошекъ и том. подоб. прелестей горные начальники, въ большинствѣ иностранцы, для русской спины не жалѣли. Поэтому естественно, что въ обширномъ вѣдомствѣ „Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства" въ свою очередь происходили безпрестанныя бѣгства. Какъ и слѣдуетъ ожидать, бѣгали преимущественно „бергалы", но случалось, что по ихъ слѣдамъ и заводскіе крестьяне, особенно изъ недавнихъ приписныхъ— пришлыхъ. Бѣгали въ разныя стороны, но самымъ уютнымъ мѣстомъ для укрывательства бѣглецы считали тотъ уголъ юго-восточнаго Алтая, который извѣстенъ подъ именемъ Бухтарминскаго края. Избороженный огромными горами, среди которыхъ высятся такіе гиганты, какъ Катунскіе бѣлки, Холзунъ, сама величавая Бѣлуха, испещренный неисчислимыми пропастями и ущельями, этотъ малодоступный край доставлялъ такія удобства для бѣглаго человѣка въ смыслѣ искомой имъ безопасности и въ отношеніи добычи жизненныхъ

[1]) Огромныя трудности заводскихъ работъ очень ярко изображены въ Краткомъ очеркѣ Алтайск. окр., стр. 13—14 примѣч. Чтобы избавиться отъ непосильныхъ работъ, мастеровые нерѣдко ложно возводили на себя тяжкія преступленія, и нерѣдко-же рѣшались на самоубійство. Какъ страшны были наказанія практиковавшіяся въ Колыванскомъ вѣдомствѣ,—страшны не только для мастеровыхъ, но и для заводскихъ крестьянъ, показываетъ такой, напр., случай. Въ 1834 г. крестьянинъ дер. Жеравлихи Чумышской вол. Спиридонъ Новоселовъ, только-лишь вернувшійся домой съ очередныхъ работъ на Змѣиногорскомъ рудникѣ, нанесъ себѣ тяжелую рану ножомъ въ пахъ. При дознаніи Новоселовъ показалъ, что хотѣлъ лишить себя жизни изъ за того, что жители Жеравлихи возвели на него обвиненіе въ покражѣ 6 лошадей и потому убоялся, что „его будетъ тѣснить начальство". Арх. Колыв. Воскр. связка дѣлъ подъ заглав.: „Частныя происшествія" за 1834—5 г.

средствъ—какихъ не могла дать дремучая тайга. Бѣжать въ горы Бухтарминскаго Алтая—это, по выраженію томскихъ крестьянъ, значило уйти „въ Камень". Отсюда бухтарминскіе бѣглецы носили названіе „каменьщиковъ". Въ 1748 г. бѣжали „въ Камень" шмельцеры Битковъ и Плотниковъ. Но прежде чѣмъ успѣли удалиться въ глубь „Камня", они были пойманы. На распросахъ, подъ кнутомъ, бѣглецы разсказали, что ушли въ бѣга для того, чтобы „жить въ легкости" и что съ ними на р. Убѣ были и другіе товарищи, ушедшіе дальше въ горы съ тѣмъ, „чтобы ихъ никто и никогда не могъ отыскать"[1]). Въ другихъ случаяхъ бергалы уходили къ Бухтармѣ цѣлыми толпами. Въ 1764 г. сюда сразу ушло 25 человѣкъ изъ рабочихъ Зміевскаго рудника. Кромѣ бергаловъ и заводскихъ крестьянъ, сюда же за Камень, текли преступники съ каторги и особенно часто раскольники, искавшіе того загадочнаго Бѣловодья, гдѣ будто бы во всемъ сіяніи царитъ красота древняго благочестія. Имѣется указаніе, что на это мѣсто впервые зашли именно раскольническіе старцы, забредшіе сюда чуть-ли не во времена Петра В.[2]). Словомъ, здѣсь постепенно накопилось населеніе въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Оно завело хлѣбопашество, но главнымъ образомъ содержалось отъ звѣроловства и отъ рыбнаго промысла на р. Черномъ Иртышѣ и на оз. Зайсанъ. Звѣриныя шкуры горныхъ козловъ, мораловъ, бѣлки, выдры, соболя и бобра каменьщики сбывали китайцамъ, а иногда русскимъ изъ ближайшихъ къ нимъ пограничныхъ поселеній, куда иногда бѣглецы позволяли себѣ являться потаенно. Потаенно же они ѣз-

---

[1]) Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. столпъ д. № 79.

[2]) Принтцъ. „Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Том. губерніи", Зап. Рус. Географ. Общества т. I, 1867. Стр. 547. Въ 1773 г. въ Красноярскую земскую избу (на Иртышѣ) привели бѣглаго раскольника Гордѣя Еремѣева. Онъ показалъ, что пришелъ изъ Россіи въ Сибирь вмѣстѣ съ раскольниками—поляками, а затѣмъ скрылся въ Камень по р. Бухтармѣ, жилъ тамъ «съ прочими бѣглецы, питаясь рыбою и звѣрьемъ». Арх. Кол. Воск. Гор. Нач., столпъ д. № 718.

дили за солью къ солянымъ озерамъ въ 50 верстахъ отъ Локтевскаго завода. Недоставало въ ихъ бѣглой средѣ женщинъ, и это вынуждало бѣглецовъ на рискованные подвиги похищенія женъ. „Сабинянокъ“ въ своемъ родѣ они доставали изъ тѣхъ же русскихъ пограничныхъ деревень, куда скрытно являлись для торга или мѣны добытыхъ звѣриныхъ шкуръ. Въ цѣляхъ лучшаго укрывательства, каменьщики жили избушками, раскиданными врознь. Сходились или съѣзжались вмѣстѣ, какъ запорожцы на раду, только въ экстренныхъ случаяхъ для рѣшенія какихъ-либо общихъ дѣлъ, а также для суда и расправы. Буйствъ, воровства и убійствъ въ этой вольной компаніи было довольно. За тяжкія преступленія каменьщики наказывали виновныхъ, привязывая ихъ къ маленькому плоту и пуская послѣдній по чрезвычайно быстрой Бухтармѣ, а иногда преступника убивали тутъ-же, на мѣстѣ суда.

Разные непорядки въ жизни, раздоры между собою, а главное сознаніе, что нельзя же жить вѣчно своей одинокой, отъ всѣхъ отчужденной, партіей заставили каменьщиковъ чаще и чаще подумывать о явкѣ. Но кому явиться? Русскому начальству. Это было очень рисковано, потому что за бѣгство и преступленія, предшествовавшія бѣгству, можно было пострадать очень жестоко.

Сохранилось извѣстіе, что бѣглецы просили о принятіи ихъ въ Китайское подданство. Но Бохдыханъ отказалъ, ненаходя ничего лестнаго для Небесной имперіи въ подданствѣ русской буйной голытьбы. Да и сами каменьщики разочаровались въ задуманномъ намѣреніи, когда ихъ довѣренные, посланные для переговоровъ съ китайскими властями, вернувшись изъ Китайскаго города Хобдо, разсказали до какой степени часто совершались предъ ихъ глазами казни у Китайцевъ, казни мучительныя даже за ничтожныя преступленія. Между тѣмъ на Бухтармѣ былъ открытъ серебряный Зыряновскій рудникъ, и горное начальство принялось усиленно сна-

ряжать отряды рабочихъ и мастеровъ на новое мѣсто своей горной дѣятельности. Каменьщики не могли болѣе оставаться въ безызвѣстности. Въ 1790 г. они объявились прибывшему въ Бухтарму чиновнику Пріѣзжеву, изъявляя, въ случаѣ, если имъ дано будетъ прощеніе, готовность на всякую услугу, какую бы ни потребовало отъ нихъ правительство. Дѣло пошло по инстанціямъ и дошло до Государыни. Указомъ, даннымъ на имя сибирскаго генералъ-губернатора Пиля, Екатерина обрадовала каменьщиковъ своимъ полнымъ прощеніемъ, подчинивъ ихъ наравнѣ съ алтайскими телеутами управленію инородческой управы, почему до 1882 г. они именовались страннымъ для русскихъ именемъ ясачныхъ инородцевъ[1]).

Ходатайствовали о прощеніи 250 мужчинъ и 67 женщ., но послѣ всѣхъ каменьщиковъ оказалось значительно большее число. Вышедъ изъ отдѣльныхъ избушекъ, каменьщики образовали деревни Сѣнную, Огневую, Александровку, Быкову, Бѣлую, Язовую и др.

Изъ мѣропріятій, направленныхъ въ продолженіе XVIII в. къ колонизаціи насъ занимающаго края вполнѣ легальнымъ элементомъ, намъ прежде всего извѣстно заселеніе военныхъ линій: Иртышской, Колыванской и Кузнецкой. Повелѣніемъ Петра В. въ 1714 г. изъ Тобольска снаряжена была экспедиція въ „Яркань“, или въ Восточный Туркестанъ, для отысканія мѣсторожденій золота по рр. Аму и Сыръ-Дарьямъ. Экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ сначала подполковника Бухгольца, потомъ Ступина и гвардіи-майора Лихарева, до золота не добралась, но за то оказала ту услугу Сибири, что по Иртышу построила крѣпости Ямышевскую, Омскую, Желѣзинскую, Долонскую, Семипалатную, Убинскую, Усть-Каменогорскую (1715—

[1]) О каменьщикахъ см. указанную выше статью въ Зап. Рус. географ. общества, а также у Щеглова: Хронологич. перечень важнѣйш. данныхъ изъ истор. Сибири, стр. 324 и дал. и „Краткій истор. Алтайскаго округа“; стр. 10—11 примѣч.

1720 г.). Это и составило линію Иртышскихъ крѣпостей, которая была чрезвычайно важна для обереженія сибирскаго населенія отъ набѣговъ калмыковъ и киргизъ. Колыванская линія была устроена въ 1759 г. и проходила отъ Иртыша вдоль р. Убы до впаденія въ нее рч. Шеманаихи. Далѣе чрезъ форпостъ Шеманаиху, д. Екатерининскую, Старо-Алейскую, Змѣиногорскій рудникъ, Колыванскій заводъ, Бѣлорѣцкій форпостъ она тянулась до дер. Моралихи. Третья военно-Кузнецкая линія, открытая въ 1760-хъ годахъ, шла отъ Устькаменогорска до Кузнецка чрезъ Телецкое озеро и Бійскую крѣпость[1]). Обѣ послѣднія линіи проведены были для обереженія южныхъ предѣловъ Томскаго края отъ вторженій не столько уже со стороны калмыковъ, сколько китайцевъ. Крѣпости и форпосты по всѣмъ линіямъ сначала были заселены исключительно солдатами изъ Тобольска, солдатами изъ ссыльныхъ[2]) и казаками изъ городовъ Томска, Нарыма и Сургута съ присоединеніемъ сюда нѣкоторой части казаковъ съ Дона и даже ссыльныхъ запорожцевъ[3]). Но правительство и мѣстныя власти заботились о заселеніи пустыхъ, прилегавшихъ къ крѣпостямъ, земель и болѣе надежнымъ, болѣе постояннымъ, крестьянскимъ элементомъ. Такъ, въ 1758 г., когда открытіе Колыванской линіи только еще проектировалось, Сибирская губернская канцелярія указомъ предписала Енисейской провинціальной канцеляріи

---

[1]) Въ 1771 г. въ составъ Кузнецкой линіи входили: поселокъ Ульбинскій, Бобровская защита, Сеитовскій редутъ, Верхъ-Убинская защита, Большерѣцкая, Плоская, Ключевскій маякъ, Верхъ-Бѣлорѣцкая защита, форпосты: Тигирецкій, Яровскій, Чарышскій, маякъ Сосновскій, шанцы Моральихъ рогъ, маякъ Слюденскій, форпостъ Антоновскій, маякъ Николаевскій, Терскіе шанцы, крѣпости: Ануйская, Катунская, Бійская, Бехтемірская, форпостъ Новиковскій, Курбѣевскій и гор. Кузнецкъ.—Князь Костровъ „г. Кузнецкъ“ (Историко-статистическій очеркъ). Отд. оттискъ изъ Томскихъ Губ. Вѣдом. за 1879 г.

[2]) См. арх. Колыв.-Воскр. Г. Нач. № 448. Въ 1773 г. были пойманы солдаты —дезертиры Тимофеевъ изъ Москвы и Ивановъ изъ Петербурга. По наказаніи ихъ отправили на Иртышскую линію. Арх. К.-Воск. Г. Нач. столпъ д. № 718.

[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ истор. Сибири. 1883, стр. 292.

опубликовать немедленно о вызовѣ желающихъ переселиться изъ Енисейской провинціи къ Бійской крѣпости крестьянъ, разночинцевъ и посадскихъ людей. Вызовъ былъ объявленъ и въ результатѣ оказалось, что въ 1759 изъ Енисейской провинціи пожелало перейти къ Бійску сначала 197 душъ муж. пола,[1]), а затѣмъ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго[2]). Кромѣ крестьянъ изъ Енисейской провинціи, къ Бійску въ тоже время явились на переселеніе пахари изъ другихъ сибирскихъ мѣстъ въ количествѣ 66 д. муж. пола и 37 женскаго[3]). При учрежденіи Кузнецкой линіи генералъ-маіоръ Веймарнъ и бригадиръ Фрауендорфъ сдѣлали въ Сенатъ представленіе о необходимости переселенія къ Усть-Каменогорску и на земли по рѣкамъ Удѣ, Ульбѣ, Березовкѣ и Глубокой, по крайней мѣрѣ, 2000 „настоящихъ работниковъ", хотя бы насильственнымъ нарядомъ изъ крестьянъ Тобольской провинціи. Переселенія насильственнымъ путемъ Сенатъ не одобрилъ и предписалъ ограничиться переведеніемъ тѣхъ только, „кои сами того пожелаютъ" съ трехъ-лѣтней льготой отъ всякихъ податей и повинностей[4]).

Въ 1760 г. добровольно захотѣли переѣхать на тѣ рѣки пашенныхъ крестьянъ изъ Тобольскихъ дистриктовъ 211 душъ мужского и 150 д. женскаго пола[5]). И кромѣ того, въ этомъ и слѣдующихъ 1761 и 1762 гг. изъ Тобольскихъ же уѣздовъ много шло сюда крестьянъ отдѣльными семьями[6]). Нѣтъ сомнѣнія, что случаи добровольныхъ крестьянскихъ переселеній какъ къ Бійску, такъ и къ Устькаменогорску бывали не разъ и потомъ, но вполнѣ основательное опасеніе на счетъ возможнаго закрѣпощенія въ

[1]) Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матеріалы для истор. Сибири 1867. кн. 2. Стр. 259, 260.
[2]) Тамъ-же, стр. 266.
[3]) Тамъ-же, стр. 262, 263.
[4]) П. Соб. Зак. т. XV, № 14124.
[5]) Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матер. для исторіи Сиб. 1867. Кн. 2, стр. 263—265.
[6]) Тамъ-же, стр. 265.

пользу Колыванскихъ заводовъ все-таки должно было сильно тормозить свободное движеніе въ эти благодатныя под-алтайскія мѣстности крестьянскихъ семей изъ разныхъ др. частей сибирской страны. Насильственное переведеніе сюда раскольниковъ съ Вѣтки мы уже видѣли.

Въ 1773 г. изъ Сената послѣдовалъ запросъ коллегіи Экономіи: сколько въ Московской провинціи такихъ селъ и деревень, крестьяне которыхъ имѣютъ недостатокъ въ землѣ и сколько изъ такихъ малоземельныхъ крестьянъ можно было-бы выселить въ другія мѣста? Коллегія Экономіи отвѣтила, что по одному Московскому уѣзду крестьянъ съ малыми надѣлами найдется „очень довольное число“. Сенатъ опредѣлилъ высылать таковыхъ въ Сибирь для заселенія „нужныхъ сибирскихъ мѣстностей“[1]). Но намъ неизвѣстно, было-ли это опредѣленіе приведено въ исполненіе и если было, то попало-ли сколько нибудь подмосковныхъ экономическихъ крестьянъ на поселеніе въ нашъ Томскій край?

Гораздо болѣе опредѣленными свѣдѣніями мы располагаемъ относительно заселенія принадлежащей Томскому краю Барабинской степи. Обширная степь до половины XVIII вѣка, за исключеніемъ рѣдкихъ инородческихъ поселеній и трехъ русскихъ военныхъ пунктовъ, представляла пустопорожнее мѣсто. Между тѣмъ населеніе здѣсь было нужно и для развитія земледѣлія, и для того, что продолжить по Барабѣ устройство большого сухопутнаго Сибирскаго тракта, доведеннаго къ 1750-мъ годамъ только до Тары, и, наконецъ, для ямской гоньбы по этому тракту отъ Тары до Томска. Въ 1755 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ выхлопоталъ разрѣшеніе на переведеніе сюда ямщиковъ изъ старинныхъ сѣверныхъ сибирскихъ ямскихъ селеній Демьянка и Самарова (по самому низовью р. Иртыша). Вскорѣ ямщичье населеніе на Барабѣ

---

[1]) Соловьевъ. Истор. Рос. XXIX, гл, II. По изданію товарищества Общ. Пользы кн. 6, стр. 1023.

значительно умножилось. Въ 1761 г., по представленію начальника колыванскихъ заводовъ полковника Порошина, сюда изъ Демьянска-же и Самарова было переведено еще 1559 человѣкъ, такъ что названныя ямскія селенія опустѣли почти совершенно[1]). Какъ упомянуто выше, въ началѣ царствованія Екатерины II въ Барабу прибыла часть раскольниковъ, выведенныхъ изъ Польши. А губернаторъ Чичеринъ, кромѣ того, усиленно причислялъ къ составу барабинскихъ ямщиковъ и крестьянъ еще „посельщиковъ", т. е. людей сосланныхъ изъ Россіи. Въ общемъ при Чичеринѣ степь оживалась населеніемъ, которое, исполнивъ трудное дѣло проведенія тракта по низменной, болотистой мѣстности, взялось и за земледѣліе[2]).

Большую дорогу отъ Томска по направленію къ Иркутску тотъ же Чичеринъ старался заселять крестьянами изъ разныхъ сибирскихъ мѣстъ и въ особенности изъ Енисейской провинціи. Онъ присылалъ ихъ сюда взамѣнъ рекрутчины. Безъ ссыльныхъ не обошлось и въ этомъ восточномъ углу Том. края[3]).

Остается сказать о ссыльныхъ спеціально. Колодники идутъ изъ Россіи въ Сибирь во все продолженіе XVIII в. цѣлыми партіями и во многихъ случаяхъ останавливаются въ Тобольскѣ и въ Томскѣ для распредѣленія ихъ отсюда по селамъ и деревнямъ. Длинный рядъ ссыльныхъ, пришедшихъ къ Томску и осѣвшихъ въ немъ и около него, открывается, за XVIII в., партіею плѣнныхъ шведовъ, пришедшею сюда изъ

---

[1]) Село Самарово. Хрисанфа Лопарева. СПБ. 1896, стр. 28.

[2]) Въ 1764 г. Колывано-Воскрес. канцелярія свидѣтельствовала, что крестьяне, „переселенные по проэктамъ Сибир. губернаторовъ Мятлева и Соймонова въ Барабинскую степь для устройства дороги и гоньбы ямщиной, совершили трудное и изнурительное для нихъ дѣло и только теперь начинаютъ приниматься за пашню". Арх. К. В. Г. Н. столпъ д. № 461. Но это трудное дѣло проложенія дороги продолжалось и при губернаторѣ Чичеринѣ. При Чичеринѣ отъ 1762 по 1780 г. были основаны и распространены слѣдующія по Барабѣ селенія: Мураши, Ново-Тутальское, Назарово, Карачинское, Козловское, Ичинское, Туруморское, Верхне-Омское, Ново-Разино, Антошкино, Осиновые Колки, Колмаково, Крутологовское, Чулымское, Сергино, Иткульское.—Князь Костровъ. „Каинская Бараба", стр. 35. Отд. оттискъ изъ Том. Губ. Вѣд. за 1874 г.

[3]) „Тобольскъ и его окрестности". Тобольскъ стр. 66. Соловцевъ. Истор. Обозрѣніе Сибири, II, стр. 36, 40. Изд. 1886 г.

Тобольска въ 1814 г. Тоскливо этимъ несчастнымъ было уже въ Тобольскѣ, гдѣ, доходя до крайней степени въ своей печали о потерѣ родины, многіе изъ нихъ посягали на свою жизнь и нѣкоторые застрѣлились. Еще тоскливѣе они должны были чувствовать себя въ болѣе отдаленномъ и значительно менѣе культурномъ, чѣмъ Тобольскъ, г. Томскѣ. Можетъ быть и въ Томскѣ кто-нибудь изъ нихъ старался разсѣевать тоску тѣмъ же благороднымъ дѣломъ, какимъ шведы занимались въ Тобольскѣ, т. е. обученіемъ грамотѣ дѣтей мѣстныхъ гражданъ[1]). Мы не знаемъ объ этомъ съ достовѣрностію, но знаемъ, что въ Томскѣ нѣкоторые изъ военноплѣнныхъ занимались столярнымъ ремесломъ и плотничной работой, или же вели мелочную торговлю, при чемъ иногда не гнушались торговать виномъ, добытымъ закономъ запрещенной самосядкой[2]). Несомнѣнно, многіе изъ плѣнниковъ остались въ Томскѣ и ближнихъ къ нему деревняхъ навсегда, слившись съ мѣстнымъ населеніемъ и растворившись въ немъ. Въ 1730 г. Иванъ-Шведъ подрядился построить надворныя строенія на монастырской заимкѣ, существующей и доселѣ на р. Киргизскѣ[3]).

Въ 1759 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы, въ виду недостаточности женщинъ въ Сибири и въ особенности въ мѣстностяхъ около крѣпостей по линіямъ Иртышской и Колыванской, ссыльныхъ женокъ и дѣвокъ Тобольское начальство препровождало для поселенія преимущественно къ тѣмъ окрайнымъ мѣстамъ[4]). И въ томъ-же 1759 г. начальникъ Иртышской линіи Фрауендорфъ получилъ изъ Тобольска

---

[1]) von Wreech. Historie Schwedisch. Gefangenen in Russland und Siberien. Sorau, 1725, s. 33, 250, 565.

[2]) Въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря имѣется реестръ дѣлъ комендантской канцеляріи отъ 1721 года. Въ реестрѣ означены три дѣла о провозѣ шведскими плѣнниками «посторонняго вина съ винокуреннаго посудою».—Здѣсь же помѣчено и такое обстоятельство: «Янв. 10 дня взята записка Шведскаго плѣнника капитана.... объ убійствѣ брата его шведскаго плѣнника, зажегѣ его квартиры и о грабежѣ пожитковъ».—Связка 3.

[3]) См. наше изслѣдованіе „Стар. монастыри Том. края“, стр. 69.

[4]) Щегловъ. Хронолог. переч. стр. 261.

слѣдующую промеморію: „Оказавшихся по осмотру въ губернской канцеляріи годныхъ на поселеніе женскаго пола колодницъ всего 43 для препровожденія къ Вашему Высокоблагородію отданы плывущему въ Иртышскія крѣпости съ провіантомъ квартирмейстеру Боголѣпову. И Ваше Высокоблагородіе соблаговолили-бъ тѣхъ женокъ и дѣвокъ въ назначенныя Вами мѣста опредѣлить на поселеніе съ дозволеніемъ, ежели тѣхъ женокъ и дѣвокъ кто пожелаетъ взять въ замужество, то дозволять только осѣдлымъ крестьянамъ и разночинцамъ, а не военнослужащимъ, дабы они не могли съ мужьями изъ тѣхъ мѣстъ выбывать“[1]).

Подобныя же партіи присылались на Иртышскую и Колыванскія линіи не разъ и потомъ. Колодницъ направляли сюда въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ. А каковы эти женщины были по своему нравственному состоянію, видно изъ слѣдующихъ показаній. Въ одной партіи, состоявшей изъ 42 женщинъ, 3 было сослано за зажигательство помѣщичьихъ имѣній, 16—за мужеубійство, 7 за дѣтоубійство, 4 за укрывательство воровъ, 5 за воровство, 1 за побѣгъ, 1 за ложное показаніе на мужа и за 5-ью винъ не помѣчено. Женщины другой партіи (изъ 33 челов.) подверглись ссылкѣ: 4 за зажигательство, 1 за отцеубійство, 8 за мужеубійство, 8 за убійство, 2 за воровство, 3 за побѣги, 2 за волшебство, 3 за дѣтоубійство, 1 за кровосмѣшеніе съ отцомъ и 1 за укрывательство преступленія[2]).

Тѣмъ не менѣе колодницы быстро находили себѣ жениховъ и не только въ средѣ крестьянъ и разночинцевъ, но и военно-служащихъ казаковъ. Что касается другихъ военныхъ чиновъ вмѣстѣ съ офицерами, то они довольствовались тѣмъ только, что изъ „присыльныхъ“ отбирали ту или другую себѣ „въ услуженье“.

Еще чаще на линіи отправляли колодниковъ изъ мужчинъ

---

[1]) Матер. для истор. Сибири. Чт. общ. истор. и др. 1867 г., кн. 2, стр. 266.
[2]) Тамъ-же, стр. 267.

и въ цѣляхъ заселенія пустопорожнихъ мѣстъ, и затѣмъ, чтобы доставить крѣпостямъ дешевыхъ работниковъ для починки крѣпостныхъ сооруженій. Въ 1761 г. Сибирскій губернаторъ Соймановъ писалъ въ Сенатъ, что лѣтомъ этого года въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ изъ Тобольска выслано въ Нерчинскъ колодниковъ 312 чел., и кромѣ того имѣется къ отсылкѣ еще 210 чел., „а уповательно, что скоро и того больше оныхъ (въ Сибирь) пришлется". Соймановъ находилъ, что если направить къ Нерчинску всю массу сосланныхъ чрезъ Тобольскъ преступниковъ, то тамъ „въ провіантѣ окажется недостатокъ". Въ виду этого губернаторъ просилъ у Сената дозволенія указанныхъ 210 человѣкъ, а равнымъ образомъ колодниковъ, которые будутъ присылаться впредь, направлять или на Барнаульскіе серебряные заводы, или на Иртышскую линію для починки и передѣлки тамошняго крѣпостного строенія. Велѣно было отправлять на Иртышскую линію до тѣхъ поръ, пока „въ Нерчинскихъ заводахъ хлѣба довольно не заготовится"[1]). Такія-же распоряженія повторялись и въ послѣдующіе годы, при чемъ преступниковъ отсылали не только на Иртышскую, но и на Колыванскую и Кузнецкую линіи къ китайскимъ предѣламъ. Въ своемъ архивномъ матеріалѣ намъ встрѣчались не разъ заявленія со стороны отдѣльныхъ изъ колодниковъ лицъ, въ которыхъ, заявленіяхъ, они просили поторопиться ихъ браковѣнчаніемъ въ виду необходимости идти на поселеніе къ китайской границѣ[2]).

Послѣ 1747 г. не мало шло колодниковъ для работъ и на Колывано-Воскресенскихъ серебряныхъ заводахъ. Въ нерѣд-

[1]) Полн. собр. зак. т. XV, № 11331.

[2]) См. наприм. П. соб. зак. № 18610.

[3]) Палласъ при своемъ путешествіи по Сибири видѣлъ ссыльныхъ у одного Маяка, входившаго въ линію Иртышскихъ крѣпостей. Эти ссыльные занимались ломкою камня въ горахъ и перевозкою его къ крѣпостямъ. Онъ же передаетъ, что ссыльные въ то время имѣлись въ Алтайскихъ деревняхъ: Красноярской на Иртышѣ, Крутой Березовкѣ и Екатерининской (на Алеѣ). — Палласъ. Путешествіе Кн. II, ч. 2, стр. 183, 212, 222 и 253.

кихъ случаяхъ ссыльные трудились здѣсь съ кандалами на ногахъ, пока не отбывали сроки наказаній, послѣ чего начальство распредѣляло ихъ по деревнямъ, или же, за старостію и болѣзнію, отправляло въ заводскія богадѣльни. Съ 1762 года Колывано-Воскресенскія власти начали отказываться отъ пріема сосланныхъ преступниковъ на заводскія работы изъ опасенія „крайняго помѣшательства и совершеннаго вреда“ въ заводской дѣятельности[1]).

Но по извѣстію, которое мы встрѣтили въ рукописной тетради Гуляева, въ 70 и 80 годахъ прошлаго столѣтія въ Змѣевскомъ рудникѣ отбывали каторгу нѣкоторые „генералы“ изъ босоногой арміи Пугачева.

На линіи и къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ преимущественно отсылались преступники, сосланные въ Сибирь „въ работы“, т. е. приговоренные къ каторгѣ. Что-же касается до ссыльно-поселенцевъ, число которыхъ въ Сибири особенно умножилось съ тѣхъ поръ, какъ помѣщикамъ дано было право ссылать на сибирское житье своихъ крѣпостныхъ, то людей этого разряда можно было встрѣтить во множествѣ томскихъ селъ и деревень, не говоря уже о Барабѣ или о поселкахъ по Иркутскому тракту.

Вообще сколько ссыльныхъ перешло въ населеніе Томскаго края за протекшій XVIII в. статистики на этотъ счетъ нѣтъ, да о ней въ то время не хлопотали. Владѣемъ въ этомъ случаѣ только отрывочными показаніями. Наприм., населеніе Иткульскаго прихода (въ Барабѣ) за 1782 г. состояло сплошь изъ ссыльныхъ. Ихъ насчитывалось здѣсь съ малолѣтками 1560 душъ муж. пола и 1104 женскаго. Въ слѣдующемъ 1783 г. въ приходѣ с. Семилужнаго, въ самомъ Семилужномъ и дер. Халдѣевой, сосланныхъ проживало 173 д. муж. и 158 ж. пола. Среди многочисленныхъ деревень, входившихъ въ составъ прихода с. Спасо-Яйскаго, находились:

[1]) П. собр. зак. т. XV, № 11414.

Колыонскій станецъ, Почитанская и станецъ Турунтаевскій. Они также исключительно были заселены ссыльными. За указанный 1783 г. въ первомъ насчитывалось ссыльныхъ 225 д. муж. и 120 д. ж. пола, во второй 48 м. и 46 ж. пола и въ третьемъ 78 м. и 44 ж. пола[1]). Извѣстно, что всѣ перечисленныя здѣсь деревни (нынѣ большія селенія) находятся, начиная отъ Семилужнаго, на востокъ отъ Томска по Иркутскому тракту. На этомъ же тракту въ предѣлахъ нынѣшней Томской губ. имѣлись и имѣются селенія Боготольское и Краснорѣчинское. По словамъ Палласа, посѣтившаго Томскій край въ 1771 г., с. Боготольское состояло за этотъ годъ изъ 160 дворовъ, изъ которыхъ 50 принадлежало крестьянамъ—переведенцамъ изъ Енисейской провинціи, а всѣ остальные ссыльнымъ. Населеніе с. Краснорѣчинскаго состояло изъ 150 семействъ, „кои по большей части были сосланы изъ Россіи на поселеніе“[2]).

Имѣется свѣдѣніе, что въ 1804 г. въ Томской губерніи было предпринято водвореніе болѣе 7000 ссыльныхъ съ обезпеченіемъ ихъ въ хозяйственномъ отношеніи на сумму 383000 руб. асс. Но сколько ихъ было водворено въ дѣйствительности, въ источникѣ, которымъ въ настоящемъ случаѣ пользуемся, указаній нѣтъ и только глухо замѣчено здѣсь, что водвореніе удалось невполнѣ[3]). Изъ дѣлъ Томскаго Дух. Правленія намъ извѣстно, что во второмъ десяткѣ лѣтъ нынѣшняго столѣтія томская Экспедиція о ссыльныхъ выдавала ссыльнымъ брачныхъ разрѣшеній отъ 30 до 50 и болѣе въ годъ.

Въ то время ссыльные женились на ссыльныхъ-же, и вотъ обращики такихъ браковъ:

Ссыльный Михайло Веселой и таковая-же Аксинья Михайловская просятъ у томскаго губернатора дозволенія соче-

---

[1]) Всѣ эти цифры заимствуемъ изъ Духов. росписей за 1782 и 1783 г. Росписи хранятся въ арх. Том. д. консисторіи.

[2]) Палласъ. Путешествіе кн. II, ч. 2 1789. СПБ., стр. 449—442.

[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 357.

таться законнымъ бракомъ. А по справкамъ въ Канцеляріи о водвореніи ссыльныхъ оказалось:—Михаило Веселой приведенъ въ Томскъ 11 октября 1817 г. изъ Бессарабской области послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей за смертоубійство. Подлежалъ ссылкѣ въ Иркутскую губернію на каторжную работу, но, по болѣзненному состоянію, оставленъ въ Томскѣ для причисленія къ поселенію. Невѣста Аксинья Михайловская поступила въ Томскъ въ 1820 году изъ Таврической губ.—бывшая прапорщица. Сослана по сомнѣнію въ убійствѣ мужа,—тѣлесному наказанію не подвергалась. Препятствій къ браку не оказалось, и онъ былъ повѣнчанъ[1]).

Другой примѣръ. Женихъ—посельщикъ Каравайниковъ изъ Ярославскихъ мѣщанъ. Сосланъ послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей за кражи и грабежъ. Невѣста—Ульяна Иванова, изъ крестьянскихъ женокъ Саратовской губ., сослана также по наказаніи кнутомъ за принятіе и сокрытіе грабленныхъ вещей. Оба слѣдовали въ Иркутскую губ.; но оставлены для водворенія въ Томскомъ уѣздѣ первый по его кузнечному мастерству, вторая по болѣзненному состоянію.

Примѣръ третій.—Женихъ посельщикъ Василій Филипповъ изъ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи. Сосланъ безъ наказанія по оговору въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Невѣста Матрена Григорьева изъ крестьянскихъ дѣвокъ. Сослана безъ наказанія по подозрѣнію въ таковомъ же преступленіи[2]).

Браковъ въ подобномъ видѣ мы могли-бы представить въ громадномъ множествѣ.

Въ своемъ общемъ очеркѣ мы представили всѣ элементы, изъ которыхъ сложилось крестьянское населеніе, колонизовавшее томскую страну. Какъ и всю Сибирь, ее колонизовали „мужики схожіе“ изъ разныхъ мѣстъ и среди нихъ наиболь-

[1]) Арх. Томской духовной консисторіи, столпъ дѣлъ за 1820—1822 годы.
[2]) Арх. Том. д. консисторіи, столпы д. Том. Д. Правл. за 1812 и 1819 г.

шее количество составляли люди, которыхъ вытолкали изъ Россіи или лихота отъ разныхъ гражданскихъ горестей и тягостей, или бѣда отъ содѣяннаго преступленія.

Прежде чѣмъ говорить, какъ „схожіе" люди устраивались среди необозримыхъ полей и дремучихъ лѣсовъ томской шири и пустоши въ бытовомъ смыслѣ, намъ должно еще привести показанія о постепенномъ наростаніи томскаго крестьянства, сколько этихъ показаній можно собрать по нашему матеріалу въ цифровыхъ данныхъ, какъ равно и о количествѣ томскихъ селеній и деревень.

Мы уже видѣли, что при переписи I ревизіи въ Кузнецкѣ и его обширномъ уѣздѣ (нынѣшніе округа Кузнецкій, Барнаульскій и Бійскій) было найдено крестьянъ 2874 души[1]). Непосредственно послѣ второй ревизіи въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, куда принадлежали слободы: Бѣлоярская, Малышевская съ ихъ деревнями и деревни, прилегавшія къ Бикатунской крѣпости и Бердскому острогу вмѣстѣ съ этими крѣпостію и острогомъ состояло 8948 душъ муж. пол. А въ 1759 г. въ Кузнецкѣ и во всемъ его обширномъ уѣздѣ крестьянскаго населенія насчитывалось уже въ количествѣ 17698 д.[2]).

Третья ревизія (1763 г.) обнаружила, что при Барнаульскомъ заводѣ цеховыхъ, посадскихъ, разночинцевъ и крестьянъ состояло мужскаго пола: . , ... 737 д.

При Колыванскомъ заводѣ и въ деревняхъ по рр. Чарышу и Алею жило крестьянъ, цеховыхъ, посадскихъ и разночинцевъ . . . . 2642 д.

При Шульбинскомъ на Иртышѣ . . . . . 103 д.

---

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. начальства. Столпъ дѣлъ по описи № 461, л. 253.

[2]) Эту цифру извлекаемъ изъ отвѣта, даннаго Колывано-Воскресенской канцеляріей военному начальству въ 1751 г. Арх. Колывано-Воскр. Горн. нач. Столпъ дѣлъ по описи № 94, л. 329. Сн. столпъ № 259.

При Ирбинскомъ заводѣ[1]	196 д.
Въ городѣ Кузнецкѣ и Бочатскомъ селѣ съ его деревнями разночинцевъ и крестьянъ	5280 д.
Въ Бердскомъ острогѣ и его деревняхъ посадскихъ и крестьянъ	3587 д.
Въ Малышевской слободѣ съ деревнями . .	3797 д.
Въ Бѣлоярской слободѣ съ деревнями . . .	4835 д.
Въ вѣдѣніи Бійской земской избы	1461 д.
Въ гор. Томскѣ и пригородныхъ деревняхъ разночинцевъ и крестьянъ	4922 д.
Въ Сосновскомъ, Чаусскомъ и прочихъ острогахъ съ прилегавшими къ нимъ селеніями и деревнями и въ Каинскомъ форпостѣ	12,479 д.
Всего м. п. . .	40,039 д.[2])

Щегловъ въ своемъ „Перечнѣ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири" сообщаетъ, что при 6-ой ревизіи въ 1797 г. всего населенія въ Томской губерніи было 209,785 душъ, кромѣ ясачныхъ (32155 д.)[3]), но, къ сожалѣнію, у него не указано въ какихъ размѣрахъ нужно понимать тогдашній районъ Томской губерніи, которая, какъ губернія, была открыта только съ 1804 г. Изъ другихъ источниковъ[4]) намъ извѣстно, что за 1808 г. все населеніе Томской губерніи состояло изъ 220000 душъ, но сюда кромѣ округовъ Томскаго съ Нарымскимъ краемъ, Кузнецкаго и Бійскаго, включено еще населеніе уѣздовъ Красноярскаго, Енисейскаго и Туруханскаго, которые въ то время причислялись къ Томской губерніи[5]) и, которыхъ мы въ настоящемъ обозрѣніи о колонизаціи Томскаго края въ виду не имѣли.

[1]) Ирбинскій заводъ принадлежалъ по мѣстоположенію къ Енисейской провинціи, хотя и состоялъ въ вѣдомствѣ Кол.-Воскр. Горнаго Начальства.

[2]) Арх. Колывано-Воск. Горн. начальства. Столпъ дѣлъ по описи № 511, л. 218—220. Здѣсь нѣтъ исчисленія крестьянскаго населенія въ Нарымскомъ краѣ, гдѣ крестьянъ было очень мало, но все-таки было.

[3]) Щегловъ. Хронол. Перечень, стр. 82.

[4]) Справка изъ архива Томскаго губернскаго правленія.

[5]) См. Пол. собр. зак. т. XXVIII, № 21183.

Обѣ послѣднія изъ приведенныхъ нами цифръ по отношенію къ численности крестьянскаго состава въ занимающей насъ странѣ являются так. обр. очень неопредѣленными.

Ясно одно, именно то, что послѣ 3-й ревизіи крестьянское населеніе нашего края должно было сильно возрасти и вслѣдствіе прибытія на Алтай и Барабу раскольниковъ изъ Польши, и по причинѣ усиленнаго распредѣленія по томскимъ деревнямъ многочисленнаго ссыльнаго элемента.

Обозначить постепенное появленіе въ Томскомъ краѣ за протекшій XVIII в. новыхъ селеній представляется дѣломъ не только труднымъ, но, при настоящемъ состояніи томскихъ архивовъ, едвали и возможнымъ. Мы знаемъ только, что очень много новыхъ деревень явилось въ нынѣшнемъ Барнаульскомъ округѣ въ царствованіе Петра В. и за время, непосредственно слѣдовавшее за этимъ царствованіемъ. А въ промежутокъ отъ 1748 по 1760 въ при-Алтайской странѣ были вновь застроены деревни:

По р. *Локтевкѣ*: а) на мысу р. Локтевки на $6^1/_2$ верстъ ниже курьи, б) на мѣстѣ, въ то время извѣстномъ подъ именемъ „Озерки“ (на правой сторонѣ Локтевки), и в) пониже Озерокъ на 9 верстъ. Въ первой было къ 1760 г. 20, во второй 50 и въ третьей 15 дворовъ.

По р. *Алею* 14 деревень, изъ которыхъ самой меньшей по количеству дворовъ была деревня при устьѣ рѣчки Гольцевой (9 дворовъ) и самой большой деревня при устьѣ рѣчки Усть-Янцевой (60 дворовъ).

По р. *Чарышу* 3 деревни съ 66 дворами во всѣхъ и форпостъ Казанской Божіей Матери съ сотнею дворовъ.

По р. *Бѣлой* деревня Рычкупово съ 20 дворами и форпостъ при переѣздѣ чрезъ Бѣлую по дорогѣ Чакырской (30 дворовъ).

По р. *Убѣ*—форпосты Шеманаевскій, Красноярскій и де-

ревни: Убинская съ 16 дворами и Колыванка (?) на рѣчкѣ Верхней Колыванкѣ съ 15 дворами[1]).

Въ 1771 г. Палласъ на своемъ пути отъ Усть-Каменогорска до Барнаула нашелъ деревни: *Прапорщикову*, *Уваровскую* (казачья), *Глубокую*, *Крутую Березовку*, *Красноярскую* на Иртышѣ (20 дворовъ), *Красноярскій* форпостъ (200 дворовъ) и *Зевакину*—всѣ близъ Усть-Каменогорска;—*Шеманаиху* на р. Убѣ около Шеманаихинскаго форпоста, *Екатерининскую* на р. Алеѣ около Екатерининскаго форпоста, *Старо-Алейскую* (150 дворовъ);—*Карболиху* и *Гилеву* близъ Змѣиногорскаго рудника;—*Колыванку* (17 дворовъ пришлыхъ изъ подъ—Иркутска) близъ Колыванскаго завода;—*Карлову* (20 дворовъ) и *Карпову* (13 дворовъ) на р. Чарышѣ;—отъ Алтайскихъ горъ по Барнаульской дорогѣ: *Курьинскую*, *Луговой станецъ* (15 дворовъ), *Бѣлоглазову* (3 двора), с. *Кашино* (20 дворовъ), къ которому, по словамъ ученаго, было причислено около *сотни* мелкихъ деревень;—*Каримому*, *Порожеву* и *Барнаульскую*[2]) около Барнаульскаго бора;—*Панюшеву*, *Чистюньку*, *Усть-Калманку*, *Шадрину* и *Буранову*[3]). Не причисляемъ сюда упоминаемыя ученымъ военныя поселенія по Колыванской и Кузнецкой линіямъ[4]) и поселенія заводскія (заводы Шульбинскій, Колыванскій, Барнаульскій, Ново-Павловскій и Змѣиногорскій рудникъ).

Такимъ образомъ южная Алтайская сторона Томскаго края въ періодъ отъ 1748 по 1770 г. начала заселяться уже очень

[1]) Матер. для исторіи Сиб. чт. общ. истор. и древ. Россіи 1867. кн. 270—274.

[2]) Деревню Барнаульскую нужно отличать отъ Барнаульскаго завода (нынѣшняго г. Барнаула).

[3]) Палласъ. Путешествіе кн. II, ч. 2, стр. 203—374. Красноярская, Крутая-Березовка, Шеманаиха, Екатерининская, Старо-Алейская, по сообщенію Палласа, были населены преимущественно польскими выходцами (раскольниками съ Вѣтки).

[4]) Военныя поселенія были иногда ничтожны по количеству населенія. Въ Бѣлорѣцкой защитѣ проживало, наприм., только 3 драгуна и нѣсколько казаковъ; не больше военныхъ жителей было и въ Тигирецкомъ и нѣкоторыхъ др. форпостахъ.—Палласъ. Тамъ-же, стр. 276 и 283.

значительно. Между тѣмъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный путешественникъ по Сибири Гмелинъ (старшій), проѣхавшій отъ Семипалатинска на Томскъ чрезъ Усть-Каменогорскъ, Барнаульскій заводъ и Кузнецкъ, сообщилъ намъ, что по всему протяженію своей дороги отъ Усть-Каменогорска до Барнаула онъ почти совсѣмъ не встрѣтилъ русскихъ селеній. За исключеніемъ Колывано-Воскресенскаго завода, онъ нашелъ здѣсь только нѣсколько деревенекъ по р. Чарышу, построенныхъ Демидовскими рабочими изъ Невьянска съ населеніемъ во всѣхъ этихъ деревняхъ около 50 д. муж. п. Вообще сообщенія Гмелина о русскихъ поселеніяхъ въ Томской странѣ, чрезъ которыя ему довелось пройти, для насъ небезынтересны, потому постараемся ихъ исчислить.—Около нын. Барнаула въ 1734 г. Гмелинъ побывалъ въ деревнѣ *Космалѣ* на рѣчкѣ того-же имени, при впаденіи ея въ Обь. Близъ Космалы онъ встрѣтилъ еще *двѣ* маленькихъ деревни съ 2 дворами въ каждой и затѣмъ по направленію къ Кузнецку прошелъ чрезъ русскія селенія: *Устъ-Чумышъ*, *Тайменьку*, *Онисимову* (Боровлянка), *Кашгарай*, основанное русскимъ крестьяниномъ Колесниковымъ, *Легостаеву*, *Бѣлоголову* близъ р. Берди, *Брюханову*, *Бочатскую*, *Ильинскій погостъ* или Красноярское *Безрукову*, *Муратову*, *Шумарину*, *Задеву* на берегу Кондомы и городъ Кузнецкъ. Отъ этого послѣдняго ученый прослѣдовалъ къ Томску чрезъ *Мамышеву* (деревня татарскаго и рус. населенія), *Мунгатскій* острогъ, *Бородину*, *Верхо-Томскій*, *Сосновскій* остроги и г. Томскъ. Изъ Томска Гмелинъ посѣтилъ деревни *Нелюбину* и *село Богородское*, а потомъ, направляясь къ Енисейску, проѣхалъ деревню *Семилужки* и села: *Спасское* на р. Яѣ и *Суранское*. Далѣе при путешествіи по Томскимъ предѣламъ упоминаются татарскія становища и среди нихъ только одно русское поселеніе, именно *Мелесскій* острогъ[1]).

[1]) Johann. G. Gmelins Reise d. Sibirien. Th. I, S. 213—336.

На обратномъ пути отъ крайнихъ предѣловъ сѣверо-восточной Сибири нашъ путешественникъ, достигнувъ Томска въ 1741 г., отправился въ дальнѣйшій къ Россіи путь чрезъ Барабу и, въ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи, нашелъ русскія селенія и деревни: *Калтайской станецъ*, *Варюхину*, *Лонщикову*, *Санкину* или *Панову*, *Черную*, *Елизарову*, *Пашкову*, *Жукову*, *Умревинскій* острогъ, *Скалинскую*, *Чаусскій острогъ*, *Большую Оешскую* съ 80 дворами, *Малую Оешскую*, *пять* маленькихъ деревень вверхъ по рѣкѣ Оешъ, *Подволошную* и въ Барабѣ—казачьи форпосты: *Убинскій*, *Каинскій* и *Тартасскій*[1]).

Перечень, извлеченный изъ Гмелина, доказываетъ, какъ еще рѣдко тогда въ Томской области встрѣчались жилыя мѣста съ русскимъ населеніемъ.

По именному указу императрицы Екатерины II отъ 1 мая 1779 г.[2]) все протяженіе Томскаго края отъ сѣвера на югъ до китайской границы и отъ запада на востокъ отъ Омска до Абакана было включено въ составъ Колыванской области съ раздѣленіемъ ея на четыре уѣзда: Томскій, Барнаульскій, Кузнецкій и Бурлинскій. Въ одномъ изъ томскихъ архивовъ намъ посчастливилось найти составленный въ 1782 г. списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ указанной новооткрытой Колыванской области. Полагая, что въ этомъ спискѣ мы встрѣтили немаловажный документъ для исторіи заселенія насъ занимающей страны, признаемъ умѣстнымъ воспроизвести его въ приложеніи къ настоящему труду.

---

[1]) Gmelin. ibidem. 4 Th. S. 1—125.
[2]) Полн. собр. зак. т. XX, № 14868.

II.

Какъ жили пришельцы въ Томскій край—русскіе крестьяне, его первые насельники?

Въ матеріальномъ отношеніи на первыхъ порахъ жили, конечно, очень скудно.

Вотъ—свидѣтельства о томъ прежде всего за XVII вѣкъ.

Кузнецкіе служилые люди въ 1680 г. говорили о себѣ, что они „нуждны и бѣдны, а Кузнецкое де мѣсто украйное, стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ, а пашни свои на себя пашутъ съ великою нужею, и киргизы и калмыки къ нимъ подъ Кузнецкой и подъ уѣзды войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скотъ отгоняютъ и на поляхъ хлѣбъ толочатъ безъ остатку, и всѣхъ ихъ розоряютъ“[1]). „Нуждны и бѣдны“ должны были показывать о себѣ и новопоселенные крестьяне и даже тѣ изъ нихъ, которые назывались „государевыми“ и которые приходили къ Томску или къ Кузнецку съ царскою подмогою[2]). Многое изъ подмоги истрачивалось уже на пути, при длинныхъ переѣздахъ, положимъ, изъ-подъ Туринска, Верхотурска или Тобольска. Остатковъ едва хватало на покрытіе самыхъ насущныхъ нуждъ при домообзаводствѣ на новыхъ мѣстахъ[3]). Еще менѣе состоятельны должны были быть насельники изъ гулящаго класса или людей бѣглыхъ. „Наги и босы“ говорили, указывая на себя, крестьяне, пришедшіе къ Томску въ 1663 г. съ Исети послѣ Башкирскаго разгрома тамошнихъ мѣстъ и были рады, что имъ удалось записаться за Томскимъ

¹) Акты истор. V, № 67.

²) О царской денежной подмогѣ крестьянамъ переводимымъ къ Томску по 10 руб. на семью, кромѣ грамоты цитованной на 5 страницѣ этого труда, см. еще царскую грамоту Верхотурскому воеводѣ отъ 1632 г. мая 25. Рус. истор. библіот. II, № 149.

³) Случались и злоупотребленія подмогою со стороны мѣстныхъ властей. Въ 1688 году Томскій сынъ—боярскій Соболевскій получилъ изъ Сибирскаго приказа на подмогу и въ ссуду крестьянамъ Уртамской слободы 200 р., но Томскій воевода кн. Семенъ Вяземской удержалъ у Соболевскаго 150 руб.— Истор. акты, собран. Кузнецовымъ I, № 26.

Алексѣевскимъ монастыремъ, какъ нерѣдко записывались за нимъ и другіе такіе же пришельцы, не смотря на то, что условія записи были для нихъ очень не легки.

Многіе изъ гулящихъ охотно шли на первыхъ порахъ въ „половники" къ казаку или жили на положеніи захребетника за хозяиномъ изъ государевыхъ крестьянъ.

А какъ, по прибытіи въ Сибирь, скитались бѣглые, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Крестьянинъ Бояркинъ, пришедшій въ Томскую область въ 1736 г., разсказывалъ о себѣ, что 12 лѣтъ жилъ съ семьей на рч. Бурлѣ и питался, „промышляя рыбу и мѣняя рыбу на хлѣбъ у проѣзжающихъ людей"[1]). Крестьянинъ Койновъ говорилъ, что, пришедъ изъ Тобольскаго вѣдомства на р. Карасукъ, проживалъ въ кое-какъ построенной избушкѣ 2 года и прокармливался здѣсь почти исключительно птичьимъ и звѣринымъ мясомъ[2]). Бѣглые братья Кондратій и Евсей Плотниковы передавали, что когда съ родителями пришли въ Томское вѣдомство, то, остановившись на пустомъ мѣстѣ около р. Кырзы, жили долго въ земляной избѣ. Отецъ умеръ здѣсь, оставивъ ихъ малолѣтками. Безъ отца перешли въ другую избушку, гдѣ жили три года и содержались милостынею, которую собирала мать, „бродя по жилымъ мѣстамъ". Послѣ смерти матери въ 1733 г. они, ставши уже взрослыми, перебрались съ другими пришлыми крестьянами Шестаковымъ и Голубцовымъ на новое мѣсто къ устью р. Кырзы, гдѣ вчетверомъ построили совмѣстный домъ, и въ этомъ домѣ вчетверомъ же „живутъ и понынѣ" (1749 г.)[3]). Бѣглый Ивановъ, пришедшій въ Сибирь около 1766 г. проживалъ довольно долгое время на берегу озера въ Барнаульскомъ бору, пропитываясь „отъ звѣрья и отъ рыбной ловли, такъ какъ

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач., столпъ дѣлъ о пришлыхъ безъ описи отъ 1734 г.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач. въ столпѣ д. № 35.

[3]) Списокъ 30 семей бѣглыхъ крестьянъ, найденныхъ по р. Кыргизинской. Арх. Том. Алексѣевск. монастыря, связка 4.

завести хлѣбопашество средствъ не имѣлъ“[4]). Въ 1779 г. одинъ изъ бѣглецовъ показывалъ, что, по прибытіи изъ Россіи съ отцомъ, матерью и братомъ, остановился сначала въ вѣдомствѣ Сосновскаго острога около дер. Смолиной, а потомъ со всею семьею переѣхалъ Бочацкаго села въ дер. Горскую, гдѣ жили съ годъ въ домѣ крестьянина-старожила. Отсюда ушли „въ суху степь къ озерамъ Соловьевымъ“ и, живя на этомъ мѣстѣ въ одиночной избушкѣ, питались отъ рыбной добычи. Рыбу излишнюю продавали проѣзжающимъ людямъ или мѣняли на хлѣбъ и одежу[1]).

Примѣровъ подобнаго скитальничества и таковой-же бѣдности въ средѣ бѣглыхъ мы могли бы исчислить во множествѣ. Но для краткости ограничимся только еще слѣдующими сообщеніями.

Гмелинъ на пути отъ Кузнецка къ Томску, между прочимъ, останавливался въ деревнѣ Мамушевой, гдѣ среди татаръ проживала и семья русскаго крестьянина. Домишко, принадлежавшій этой послѣдней семьѣ, своимъ убожествомъ рѣшительно изумилъ иностраннаго путешественника[2]). Въ концѣ 1750-хъ годовъ начальникъ колыванскихъ заводовъ генер. Порошинъ снарядилъ экспедицію изъ солдатъ и горныхъ рабочихъ для розысканія рудныхъ мѣстъ на Алтайскихъ вершинахъ. Среди дикихъ горъ въ вершинѣ р. Тигерека экспедиція нашла деревню изъ русскихъ бѣглецовъ, которые, вслѣдствіе недавняго перехода въ дальную сторону, жили чрезвычайно скудно[3]).

Когда съ 1747 г. самовольно—пришлыхъ въ Сибирь начинаетъ забирать въ свое вѣдѣніе Колывано-Воскресенское Горное начальство и селитъ ихъ подъ своимъ надзоромъ на кабинетскихъ земляхъ, новопоселенные не малое время живутъ еще въ большой нуждѣ.

[1]) Арх. К.-В. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 991.
[2]) I. G. Gmelins Reise d. Sibirien, B. I, 298 S.
[3]) Фалькъ. Пол. собр. ученыхъ путешествій. Изд. Акад. наукъ. 1824. VI стр. 442.
[4]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 511.

Въ 1750 г. Колывано-Воскресенская канцелярія, указывая на трудность продовольствія военныхъ людей, содержавшихся для охраны заводовъ, объясняла недостатки провіанта тѣмъ, что „новопоселенные крестьяне и донынѣ еще домами и пашнями и прочимъ крестьянскимъ заводомъ не исправились и многіе у себя лошадей не имѣютъ и живутъ скудно, такъ что и дневное пропитаніе съ немалою нуждою имѣютъ“[1]). Переселенцы, вышедшіе къ Бійску изъ Енисейской провинціи въ 1759 г. въ количествѣ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго, на первыхъ порахъ имѣли въ своемъ достаткѣ лошадей 118, коровъ 13 и овецъ 1[2]). Свидѣтельство Колывано-Воскресенскаго начальства о разореніи и бѣдности Барабинскихъ крестьянъ, вслѣдствіе того, что весь свой трудъ они вынуждены были отдавать на устройство и исправленіе большой Сибирской дороги на топкихъ, болотистыхъ мѣстахъ,— это свидѣтельство мы уже приводили.

Иное дѣло, когда крестьяне уже обживались на новыхъ мѣстахъ и, подгоняемые нуждою, а иногда и мѣрами отъ начальства, не жалѣли труда для своего крестьянскаго дѣла. Земледѣльческій трудъ на дѣвственныхъ земляхъ былъ благодарный; урожаи, особенно въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда въ XVII и прошломъ столѣтіяхъ причислялись земли Барнаульскія и Бійскія, были обильны. Но трудъ требовался отъ крестьянина огромный. Нужно было плохой старо-русской сохой поднимать цѣлину и притомъ въ большинствѣ случаевъ поросшую вѣковымъ лѣсомъ. Слѣдовательно, нужно было предварительно расчищать почву для пашни, снимать лѣсъ, выкорчевывать деревья. Иркутскіе ссыльные крестьяне въ одной изъ челобитныхъ говорили о себѣ, что пришли въ Сибирь „на пень да на колоду“[3]). Тѣмъ болѣе такъ должны были

[1]) Арх. Колыв.-Воск. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 94.
[2]) Чт. общ. истор. и древн. 1867. Кн. 2, стр. 266.
[3]) Доп. къ Акт. истор. т. X, № 57.

сказать о себѣ томскіе крестьяне, потому что въ томскомъ районѣ лѣсовъ было значительно больше. Но за то томскіе крестьянскіе насельники и истребляли лѣсъ, какъ своего заклятаго врага. Его не только рубили, но и жгли сотнями, а иногда и тысячами десятинъ. Начальство мало обращало вниманія на эту крестьянскую войну съ деревомъ, а иной разъ готово было ее и поощрять. Правда, въ 1755 г. Тобольская губернская канцелярія особымъ указомъ предписала крестьянамъ, „чтобы въ хоромное и всякое строеніе лѣсу особливо матераго кедровнику напрасно и тщетно для малыхъ своихъ бездѣльныхъ корыстей, кромѣ суще законныхъ надобностей и нуждъ, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные съ тѣхъ кедровъ орѣшки и шишки обирали, а не порубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли“[1]). Но, во-первыхъ, не было возможности услѣдить за исполненіемъ этого приказанія во всѣхъ углахъ обширнаго края, а во-вторыхъ у властей и не было особеннаго желанія слѣдить по этому дѣлу. По крайней мѣрѣ въ 1800 г. начальство по вопросу объ обереженіи сибирскихъ лѣсовъ разсуждало уже иначе. Оно находило, что „растущіе въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ лѣса по отдаленности и за неимѣніемъ водяной коммуникаціи въ пользу адмиралтейства обращены быть не могутъ, а по обширности ихъ и по числу обитателей въ тѣхъ губерніяхъ едва-ли могутъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ истребиться, то, судя по сему, не настоитъ надобности упоминаемымъ лѣсамъ дѣлать подробнаго описанія, при томъ-же гораздо нужнѣе въ тамошнемъ краю ободрять разведеніе пашень и расчистки для населенія, нежели сохранять лѣса, кои ни къ какимъ портамъ доставлять не можно“[2]).

[1]) Это распоряженіе Сибирской канцеляріи мы нашли прописаннымъ въ указѣ Тобольской духовной консисторіи томскому архимандриту Исаіи отъ 25 авг. 1755 г. за № 1783. Арх. Том. Алек. монаст., св. 16. Впрочемъ, еще ранѣе запрещалось сибирякамъ жечь лѣса, гдѣ производился соболиный ловъ. П. соб. зак. XII, № 8881.

[2]) Арх. Том. Алекс. монастыря; среди бумагъ 1800 г., связка 9.

Когда первый сибирскій и вчастности томскій русскій насельникъ принимался за хозяйство во всю свою силу, въ захватахъ полей, луговъ и всякихъ угодій онъ уже не стѣснялся. Захватывалъ земли, что называется larga manu. Московское правительство требовало, впрочемъ, чтобы Кузнецкіе служилые люди пахали за хлѣбное жалованіе 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“[1]). Но само же это правительство знало, что въ Сибири „у служилыхъ и у посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ, пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ занято много, а не однѣ заимки и тѣ свои лишнія земли иногда продаютъ и закладываютъ, а иные даютъ въ закладъ по душамъ въ монастыри“, и, зная это, на своихъ требованіяхъ объ ограниченіи надѣловъ особенно не настаивало, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ мѣстностямъ, „гдѣ людей было мало, а земель порожнихъ много“[2]). А таковъ именно и былъ въ то время Томскій край. Въ первой половинѣ XVIII в. ограничительныя на счетъ надѣла требованія если и предъявлялись, то опять таки только на бумагѣ. Кто и какъ могъ узнать сколько забирали себѣ земли крестьяне, селившіеся во многихъ случаяхъ самовольно, да притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, куда властямъ добираться было не всегда легко и гдѣ насельники дѣлались явными спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ своего прихода въ новую сторону?

Во всякомъ случаѣ первый томскій крестьянинъ бралъ земли столько, сколько хотѣлъ. Въ 1767 году импер. Екатерина II съ упрекомъ указывала, что томскіе крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи „отъ 500 до 1000 десятинъ на душу, кромѣ луговъ и лѣсовъ, коимъ и числа нѣтъ, но и тѣмъ они остаются не довольны, отнимая земли у инородцевъ[3]).

---

[1]) Акт. истор. т. V, № 67.
[2]) Тамъ-же, т. III, № 138.
[3]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. столпъ д. № 510.

Въ самомъ дѣлѣ первые русскіе поселенцы Томской страны постоянно вторгались въ исконныя владѣнія ясашныхъ инородцевъ, насильственно забирая огромныя части этихъ владѣній въ свою пользу. Дѣлалось это тѣмъ съ большею ревностію, что въ нерѣдкихъ случаяхъ пашенныя поля и сѣнокосныя луга русскіе находили у инородцевъ къ пользованію уже готовыми, т. е. отъ кустарника и лѣса ихъ прежнимъ давнимъ трудомъ уже очищенными. Мы имѣли предъ собою огромное дѣло о притѣсненіи ясашныхъ, поднятое сибирскимъ губернаторомъ Д. И. Чичеринымъ. Слѣдственная комиссія, назначенная по этому дѣлу изъ Тобольска и дѣйствовавшая въ Томскѣ и Кузнецкѣ въ 1764—6 годахъ, раскрыла, что русскіе обижали ясашныхъ тѣмъ, что селились на ихъ земляхъ, отнимали у нихъ лѣса, разныя угодья и рыбныя ловли. Члены комиссіи, во главѣ съ капитаномъ Борошковымъ и лейбъ-гвардіи поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, осмотрѣли у кузнецкихъ крестьянъ владѣнныя записи, выданныя имъ кузнецкими воеводами, и оказалось, что множество записей дано было въ ущербъ инородцамъ и въ нарушеніе ихъ старинныхъ владѣнныхъ правъ. Особенно не церемонились съ ясашными чиновники Колывано-Воскресенскаго вѣдомства Кругликовъ и Молчановъ, которые, какъ сказано въ дѣлѣ, „подъ претекстомъ размноженія хлѣбопашества нарочно, выжидая отъ ясашныхъ взятокъ, переселяютъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ на такія мѣста, гдѣ у ясашныхъ были звѣриные промыслы—лисьи, бобровыя и соболиныя гнѣзда“. Тѣ мѣста ясашные берегли и „старались всегда ловить звѣря столько, чтобы въ тѣхъ лѣсахъ заводъ оставался“,—между тѣмъ новопоселенные русскіе „вылавливаютъ и выбиваютъ звѣря безъ остатку“. Вообще Кругликовъ и Молчановъ своими произвольными, притѣснительными и корыстными дѣйствіями довели ясашныхъ до того, что „великое множество иновѣрцовъ перебѣжало въ китайскія владѣнія, а

другіе ушли въ самые отдаленные лѣса, гдѣ и сыскать ихъ не можно“[1]).

Кромѣ насильственнаго захвата земель, русскіе безпокоили инородцевъ и своимъ общимъ истребительнымъ отношеніемъ къ лѣсамъ. Въ 1754 г. ясашные пожаловались, что обыватели Верхотомскаго округа бр. Сусловы пустили отъ себя огонь и пожгли край тайги версты на $1^1/_2$ шириною, „а въ этой тайгѣ прежде былъ звѣрь—лось, а нынѣ того звѣря стало меньше“[1]).

Какъ ни велики были земельные участки у старинныхъ томскихъ крестьянъ, часто они оставались не довольны и ими и, поживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, переходили въ другія мѣстности, на ихъ взглядъ, болѣе удобныя и болѣе изобильныя. Переходили подъ предлогомъ, что на прежнемъ жилищѣ поля выпахались, или они всегда были малоплодородны. Но мы думаемъ, что у насельниковъ изъ бѣглыхъ передвиженіе нерѣдко входило въ привычку. И еще резоннѣе находимъ объясненіе въ томъ, что, при огромномъ множествѣ и просторѣ не занятыхъ мѣстъ, у крестьянъ, въ дѣлѣ выбора лучшихъ для осѣдлости участковъ земли и угодій, разбѣгались глаза.

Крестьянскія передвиженія изъ одного угла Томскаго края въ другой были постояннымъ явленіемъ въ продолженіи XVII и начала XVIII в. Но они продолжаются и позднѣе, когда начальство кабинетскаго вѣдомства взяло томскую колонизацію подъ свой надзоръ, подчинило ее своей регистраціи. Въ 1759 г. сама Колывано-Воскресенская канцелярія свидѣтельствовала, что „въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне, имѣющіе пашни и земли, оныя оставляютъ и вновь распахиваютъ не по малому числу, а иные затѣмъ и деревни прежнія тупе оставляютъ и, переѣзжая, въ дру-

[1]) Дѣло о притѣсненіи ясачныхъ инородцевъ. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач., столпъ № 510. См. столпъ №461 „объ обидахъ ясашнымъ“.

[1]) Арх. Кол.-В. Горн. Нач. столпъ дѣлъ № 461, л. 134–135.

гихъ мѣстахъ селятся"[1]). Въ 1746 г. просили дозволенія на переселеніе въ Кулундинскую степь къ р. Кулундѣ многіе изъ крестьянъ Малышевской слободы и въ томъ же году нѣкоторые изъ крестьянъ Бѣлоярской слободы перешли на новое мѣсто къ Усть-Каменогорску[2]). А въ 1761 г. крестьянинъ Боровиковъ съ товарищи нашелъ нѣкоторыя неудобства и въ жительствѣ подъ Усть-Каменогорскомъ и обыскалъ мѣсто для заведенія новой деревни близъ „старицы Зевакиной"[3]).

Въ 1773 г. „за крайнимъ оскудѣніемъ прежнихъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ" перешли на лѣвую сторону Чарыша на Елбанскій мысъ жители дер. Урюпиной и къ Чарышу же направились и крестьяне Парфеновскаго зимовья[4]).

Въ 1777 г. „за неимѣніемъ на прежнихъ жительствахъ довольныхъ по крестьянскому обряду выгодъ" вышло нѣсколько хозяевъ изъ деревень Соколовой, Тырышкиной, Базуновой, Боровлянской, Разсказихи (нынѣшнихъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ) и основали деревню Плѣшкову близъ р. Катуни[5]).

Въ продолженіе 1779 г. „за тою причиною, что прежнія поля выпахались", крестьяне деревни Морозовой (Бердскаго округа) перешли въ Малышевскую слободу на „порозжее" мѣсто между деревнями Островной и Сусловой. Крестьяне изъ дерев. Прижималовой, Язовой и Шишкиной (Бѣлоярской слободы) переселились на устье р. Ребрихи, крест. дер. Чупиной (Бердскаго острога) на новыя мѣста къ р. Алею и многіе изъ крестьянъ Чаусскаго острога во вновь заведенную деревню Карасуцкую и т. дал., т. д.[6]).

---

[1]) Чт. Общ. истор. и древ. Р. 1867, II, стр. 262.
[2]) Тамъ-же, стр. 255.
[3]) Тамъ-же, стр. 265.
[4]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Начальства въ столпѣ дѣлъ № 718.
[5]) Дѣло объ отдачѣ рыбн. ловель по рѣкѣ Катуни.
[6]) См. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. столпъ д. № 991. Не укрылось обыкновеніе сибиряковъ-томичей переходить съ мѣста на мѣсто для выбора лучшихъ полей и отъ вниманія ученаго путешественника Палласа. Путешествіе. Кн. II, ч. 2, стр. 307.

Въ настоящее время сибиряки очень часто порицаютъ переселенцевъ изъ Россіи за то, что непосѣдливы, что бродятъ по Сибири, ища лучшихъ мѣстъ. Но, очевидно, сибиряки-старожилы порицаютъ новоселовъ за то, что когда-то, въ лицѣ своихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, переживали сами.

Прежде чѣмъ говорить до какой степени томскій крестьянинъ могъ развить свое матеріальное благосостояніе въ случаѣ прочной осѣдлости на одномъ мѣстѣ, остановимся на изображеніи сторонъ, въ нѣкоторой мѣрѣ тормозившихъ его внѣшнее благополучіе.

Первые русскіе насельники Томскаго края должны были жить съ великимъ береженіемъ. Они должны были жить такъ въ виду постоянныхъ вторженій въ край со стороны внѣшнихъ враговъ. Къ востоку отъ Томскаго района по рр. Абакану, Уйбату, Унѣ и обоимъ Юзамъ, изъ сліянія коихъ образуется р. Чулымъ, обитали киргизы[1]), а къ югу и юго-западу отъ него жили калмыки, принадлежавшіе обширному Джунгарскому царству. Тѣ и другіе изъ кочевниковъ искони привыкли считать земли Томской области своимъ достояніемъ, постоянно врываясь сюда или для кочевья, или для сбора даней съ слабосильныхъ инородческихъ аборигеновъ края. Съ занятіемъ этого послѣдняго русскими людьми озлобленные киргизы и калмыки являются сюда иногда въ огромныхъ массахъ съ цѣлію или вытѣснить отсюда новыхъ пришельцевъ отъ бѣлаго царя, или, по крайней мѣрѣ, вернуть свою власть надъ ясачными, которыхъ русскіе перетянули къ себѣ и подчинили въ свою пользу.

Къ самому Томску киргизы враждебно подходили въ 1614, 1624, 1630, 1654, 1668, 1672, 1674, 1680[2]) и особенно часто, начиная съ этого послѣдняго года, при чемъ являлись, какъ говорили тогдашніе служилые люди,

---

[1]) Акты истор. V, № 104.

[2]) См. старинные синодики Том. Алексѣевскаго монастыря и Томской Благовѣщенской церкви и Доп. къ акт. истор. V, № 92.

главнымъ образомъ въ сѣнокосъ и страдную пору „многолюдствомъ, съ ружьемъ, съ пищалями, съ сайдаки и съ сабли, въ пансыряхъ и куякахъ и иныхъ воинскихъ доспѣхахъ и чинили всякое разореніе: деревни жгли, скотъ отгоняли, на пашняхъ людей побивали и промышленныхъ и ясашныхъ людей разоряли и побивали".

Въ 1668 г. киргизы разорили только-лишь заведенную монастырскую деревню Пачинскую, а немного прежде подъ самымъ Томскомъ не только пожгли нѣсколько русскихъ поселковъ, но не пощадили опустошеніемъ и Томскаго Алексѣевскаго монастыря, стоявшаго въ тѣ времена внѣ города, въ нѣкоторой дали отъ крѣпости[1]). При нападеніи 1672 г. кочевники перебили много служилыхъ людей, не мало пашенныхъ крестьянъ и на ряду съ ними крестьянскихъ женщинъ, дѣвицъ и даже дѣтей-младенцевъ муж. и жен. пола[2]).

Въ 1680 г. приказчикъ Сосновскаго на Томи острога Матвѣй Кулаковскій извѣстилъ томскихъ служилыхъ людей: „пришли де войной на Томскій уѣздъ и подъ Сосновскій и Верхотомскій остроги и на села и на слободы и на деревни киргизскіе воинскіе люди и киргизскій князецъ Шалдычко Сетикѣевъ, да вора и измѣнника Еренячка сынъ Шапчко, да зять его Еренячковъ Кашка. И тѣ воры Томскій уѣздъ, села, слободы и деревни воевали и государевыхъ всякихъ чиновъ людемъ уронъ учинили, дворы жгли и всякій скотъ отогнали безъ остатку и въ кладяхъ сжатые снопы во многихъ деревняхъ сожгли". На этотъ разъ вышелъ съ войскомъ противъ „вороговъ" сынъ боярскій Старковъ и сразился съ ними въ трехъ дняхъ пути отъ Томска вверхъ по Томи. Киргизы потерпѣли полное пораженіе, многіе изъ нихъ были убиты, многіе потонули въ рѣкѣ. Былъ убитъ и князецъ

---

[1]) Доп. къ акт. истор. т. V, № 92.
[2]) Сvнодикъ Том. Алексѣевск. монаст. л. 36.

Шалдычко. Голову его служилые съ торжествомъ принесли въ Томской на копьѣ[1]).

Въ 1697 г. тѣ же недруги снова подъѣзжали подъ Верхотомскій острогъ и воровски отогнали у верхотомскихъ крестьянъ 17 лошадей, 50 штукъ рогатой скотины и „бѣгучи дорогою, того скота перекололи многое число"[2]).

Часто и прежде киргизы хозяйничали среди ясашныхъ по р. Чулыму, откуда иногда простирали грабежи до самаго Кетскаго острога[3]), а въ упомянутомъ 1697 г. въ мѣстностяхъ по той рѣкѣ они дѣйствовали съ особою свирѣпостію: „ясашныхъ грабили, и разоряли и которые звѣри у ясашныхъ были съ промыслу въ ясакъ, и тѣ всѣ звѣри, соболи и лисицы и горностали и котлы и топоры и ножи и огнива и лошади грабежомъ взяли, и къ Мелесскому острогу боемъ приступали и стояли подъ тѣмъ острогомъ 8 дней, побивъ служилыхъ 4 человѣка"[4]). Въ слѣдующемъ 1698 г. тамъ-же, на Чулымѣ (въ районѣ нынѣшняго Маріинскаго округа), киргизы въ русскихъ деревняхъ убили муж. и жен. полу 14 человѣкъ, домы ихъ разграбили, а одного человѣка, „поймавъ, ногами вверхъ привязали на дерево, распороли у него грудь и ругались всячески"; лошадей угнали на этотъ разъ 310 головъ[5]).

Особенно большой походъ въ томскія русскія владѣнія киргизы замыслили и совершили въ 1700 году. Они шли тогда къ Томску двумя отдѣльными отрядами. Одинъ двигался отъ р. Яи и на пути разорилъ русскія деревни Бурнашеву, Бедрину и Долгову, при чемъ было убито русскихъ 15 челов.[6]). Другой шелъ правымъ берегомъ Томи и въ свою очередь успѣлъ разорить 6 дворовъ и у

---

[1]) Допол. къ акт. истор. т. VIII, № 15, стр. 44, 45, 47.
[2]) Памятники Сибир. исторіи ч. I, № 13, стр. 70.
[3]) Доп. къ акт. истор. т. VIII, № 15.
[4]) Пам. Сиб. истор. ч. I, № 1, стр. 9.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 70.
[6]) Тамъ-же, стр. 90 сп. 101.

Верхотомскихъ крестьянъ убить бабъ и дѣвокъ 5 человѣкъ[1]). Противъ отряда, шедшаго отъ Яи, выступилъ изъ Томска со служилыми Осипъ Качановъ, а противъ киргизъ, грабившихъ по Томи, томскій воевода командировалъ сына—боярскаго Тупянскаго. Послѣдній сразился съ непріятелемъ близъ помянутой монастырской деревни Пачинской и разбилъ ихъ на голову[2]).

И въ этомъ 1700 г. киргизы не забыли Чулыма, гдѣ пожгли дер. Серединину, „человѣкъ съ 30 русскихъ и ясашныхъ побили до смерти, а инымъ носы и уши рѣзали; и скота угнали много"[3]).

Земли Кузнецкаго вѣдомства безпокоили не только киргизы, но еще калмыки и пожалуй не столько первые, сколько послѣдніе, а иногда и тѣ и другіе вмѣстѣ. Какъ часто вторгались враги въ Кузнецкій уѣздъ и подходили подъ Кузнецкій городъ, видно изъ слѣдующаго историческаго документа. Въ 182 (1674) г. въ Томской съѣзжей избѣ подали заручную челобитную Кузнецкаго острога дѣти—боярскіе, конныхъ и пѣшихъ казаковъ атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые конные и пѣшіе казаки и всякихъ чиновъ служилые люди и пашенные крестьяне, и въ ихъ челобитной было написано: „въ прошломъ 1638 г. воръ и измѣнникъ Табунковъ отецъ Кока съ своими улусными приходили подъ Кузнецкой войною, и кузнецкихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей и подгородныхъ юртовыхъ татаръ многихъ побили и лошадей и рогатый скотъ отогнали безъ остатку и на твоей великаго государя десятинной пашнѣ и у служилыхъ и всякихъ чиновъ людей жатой хлѣбъ пожгли, а нежатой потоптали"...

„Да въ прошломъ 1639 г. тѣ-же воры и измѣнники бѣлые калмыки приходили подъ Кузнецкой острогъ обманомъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 6—7.
[2]) Тамъ-же, стр. 19.
[3]) Тамъ-же, стр. 96.

будто съ торгомъ и на калмыцкомъ торговищѣ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей многихъ побили и русскіе товары побрали". Затѣмъ въ челобитной изложено исчисленіе калмыцкихъ нападеній въ 1665, 1666, 1667, 1672, 1673 годахъ, при каковыхъ нападеніяхъ калмыки „у кузнецкихъ служилыхъ людей деревни жгли и въ деревняхъ людей побивали и лошадей и рогатый скотъ отгоняли и ясашныхъ людей побивали-же"[1]).

Въ 1674 г. разорялъ и жегъ деревни по Томи калмыцкій князецъ Ирка съ товарищи. Русскіе погнались за Иркою и догнали за р. Обью, гдѣ успѣли нанести ему полное пораженіе[2]).

Къ концу XVII в. калмыки и киргизы приходили въ Кузнецкій уѣздъ чуть „не по вся годы"[3]).

Киргизы, разбитые Тупянскимъ на Томи „въ трехъ днищахъ" отъ Томска (1700 г.), кинулись къ Кузнецку и здѣсь, соединившись съ калмыками, осаждали городъ въ продолженіе 10 дней, грозясь Кузнецкой и его уѣздъ разорить „всеконечно". Храбрые служилые кузнецкіе люди во главѣ съ воеводою Иларіономъ Синявинымъ частыми вылазками и стрѣльбою изъ пушекъ кочевниковъ отъ своего города отогнали. Тѣмъ не менѣе многолюдное скопище враговъ нанесло Кузнецку и его окрестностямъ большой уронъ и на этотъ разъ. Сожжены были близкія къ городу деревни, разоренъ Кузнецкій Христорождественскій монастырь. Враги побили до смерти сына—боярскаго Петра Буткѣева, пѣшаго казака Хлыновскаго, Преображенской церкви понамаря Кирилла, казачьихъ дѣтей 12 челов., крестьянъ, застигнутыхъ на пашняхъ, 2 челов. муж. пола и 16 женскаго. Нѣкоторыхъ захватили въ плѣнъ. Полонили съ пашень казачьяго сына Өеодора Шелковникова,

---

1) Доп. къ акт. истор. т. VI, № 93.
2) Истор. акты, собр. Ив. Кузнецовымъ. Вып. II, стр. 84.
3) Памятн. Сиб. истор. ч. I, стр. 8, 9, 11.

казачью вдову Ѳедосью Бызову да вдову убитаго понамаря Кирилла—Анну[1]).

Сколько разъ ходили въ непріятельскія земли для устрашенія недруговъ сами русскіе,—исчисленіе этихъ походовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Удовольствуемся указаніемъ, что послѣ усиленныхъ нападеній киргизъ на Томскій и Кузнецкій уѣзды въ концѣ XVII в., кочевниковъ громили въ самыхъ ихъ улусахъ томскіе служилые люди въ 1700 г. подъ начальствомъ сыновей—боярскихъ Юрія Роецкаго и Осипа Качанова[2]), въ 1701 г.—Семена Лаврова и Алексѣя Кругликова, въ 1703—Михаила Лаврова, въ 1704 г. опять Осипа Качанова съ казачьимъ головою Саввою Цыцуринымъ[3]).

Но въ то-же время ихъ били еще изъ Красноярска и Кузнецка и кочевники присмирѣли. Киргизы пріутихли. Но калмыки еще долго давали о себѣ знать. Джунгарское царство было еще сильно. Когда русскими была построена линія Иртышскихъ крѣпостей, Джунгарскій ханъ Цеванъ-Роптанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и отправилъ къ Ямышевской крѣпости войско изъ 10000 калмыковъ подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Цэринъ-Дондуба[4]). Дондубъ долженъ былъ разорить крѣпость до-тла. Русскіе отстояли ее, хотя потомъ на время все-таки же вынуждены были отсюда выйти. Подверглась временному разоренію и Бійская крѣпость вскорѣ послѣ ея построенія[5]). Отдаленная крѣпость Усть-Каменогорская во многихъ случаяхъ переживала крайнія опасности для своего существованія. Демидовъ, построившій на Алтаѣ заводы Колывано-Воскресенскій, Шульбинскій и Барнаульскій, старался огораживать ихъ надежными крѣпостными сооруженіями,—имѣлъ при заводахъ пушки, содер-

---

[1]) Памятн. Сиб. истор. ч. I, № 20, стр. 92—96.
[2]) Пам. Сиб. истор. I, стр. 36—37 сн. 108.
[3]) Тамъ-же, стр. 288—2?9.
[4]) Рукописная тетр. Ст. Ив. Гуляева. Сн. Щегловъ. Хронологич. переч., стр. 164.
[5]) Gmelins Reise. Th. I, s. 2 3.

жалъ на свой счетъ солдатъ и требовалъ, чтобы и мастеровые въ стрѣльбѣ были искусны[1]). Съ переходомъ заводовъ въ казну, ихъ охраняло правительственное войско.

Въ 1740-хъ годахъ прошлаго столѣтія русскія Алтайскія владѣнія часто безпокоили своими вторженіями подчиненныя Джунгаріи племена Урянхайцевъ и Каракольцевъ. Въ 1749 г. бухаретенинъ Адамъ и прапорщикъ Подзоровъ дали знать, что въ скоромъ времени намѣренъ идти большимъ походомъ на земли Кабинетскаго заводскаго вѣдомства и самъ Джунгарскій ханъ съ огромнымъ войскомъ, и вся колыванская линія начала усиленно готовиться къ боевому отраженію[2]). Гроза миновала. Смуты и междоусобія, возникшія въ Джунгарскомъ царствѣ къ половинѣ XVIII ст., сильно пошатнули его прежнюю мощь. Это какъ разъ было на руку китайцамъ, для которыхъ Джунгарія издавна составляла самое ненавистное сосѣдство. Китайцы покончили съ Калмыцкимъ владѣніемъ, присоединивъ большую часть его земель къ своей имперіи. Но начинаютъ за то вторгаться въ русскіе предѣлы и сами ки-

---

[1]) Гмелинъ сообщилъ, что въ 1734 г. Колыванскій заводъ обнесенъ былъ валомъ съ 4 крѣпостными бастіонами и имѣлъ защитниковъ, кромѣ мастеровыхъ, въ отрядѣ кузнецкихъ солдатъ изъ сотни человѣкъ, которыхъ Демидовъ содержалъ на свой счетъ. I. G. Gmelins. Reise... I, S. 255—256. При постройкѣ Барнаульскаго завода (1739—1740 г.) Демидовъ вошелъ съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы, въ виду опасностей отъ непріятелей, ему было позволено построить въ Барнаулѣ крѣпость и отпустить для этой крѣпости надлежащее число чугунныхъ пушекъ «за указаную цѣну». Канцелярія Главн. Управл. Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ находила, что «около означеннаго Барнаульскаго его, Демидова, завода крѣпость для безопасности отъ находящихся въ тамошнихъ мѣстахъ народовъ построить и потребное для содержанія оной число пушекъ отпустить надлежитъ». И нынѣ ему, Демидову, «для безопасности, дабы находящіеся при строеніи завода люди паче чаянія какъ-либо въ непріятельскія руки не попались или погублены не были, ею, канцеляріею, велѣно уже сдѣлать укрѣпленіе, какое за способное усмотрится». Кабинетъ Министровъ, выслушавъ мнѣніе канцеляріи Главн. Управл. заводовъ, постройку крѣпости въ Барнаулѣ на собственный счетъ Демидова разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобы въ крѣпости было 8 пушекъ и ружья человѣкъ на 100.--Пол. соб. зак. XI, № 8444. 16 сентяб. 1741 г.—Крѣпостныя сооруженія около заводовъ Шульбинскаго, Колыванскаго, Барнаульскаго и Змѣиногорскаго рудника не опустили описать ученые путешественники по Сибири Палласъ и Фалькъ.—Палласъ. Путешествіе, кн. II, ч. 2, стр. 204, 311, 358, 382. Фалькъ. Собраніе ученыхъ путешествій. т. VI, стр. 449, 473, 495, 498.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач., столпъ дѣлъ безъ описи за 1750 г.

тайцы. Въ 1750 годахъ китайская армія, истребивъ множество Джунгарскихъ калмыковъ, проливъ въ Джунгаріи рѣки крови чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова[1]) и преслѣдуя затѣмъ Урянхайцевъ, дошла до Колыванскаго завода, при чемъ произвела въ этомъ, какъ и въ другихъ заводахъ, страшный переполохъ[2]). Огромное китайское войско въ 1755 г. появилось за Телецкимъ озеромъ. Китайцы пришли сюда съ требованіемъ подданства отъ алтайскихъ кочевниковъ[3]).

Послѣ разгрома Джунгаріи приблизили свои кочевья къ р. Иртышу, между Омскомъ и Устькаменогорскомъ, доселѣ подчиненные джунгарцамъ киргизъ-кайсаки[4]). Въ свою очередь и они производили набѣги по направленію къ русскимъ селеніямъ съ цѣлями грабежа и воровства[5]).

Чужеземныя вторженія за первую половину XVIII в. не были такъ опустошительны, какъ киргизскія и калмыцкія нападенія въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе и теперь, помимо убійствъ, бывали захваты людей въ плѣнъ, слѣдовали за вторженіями и разныя убыли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Посланный въ Джунгарію въ 1731 или 1732 плацъ-маіоръ Угрюмовъ вытребовалъ у калмыцкаго хана Галданъ-Церика многихъ плѣнныхъ, захваченныхъ калмыками въ разныхъ частяхъ южной окраины Сибири, въ томъ числѣ и въ южныхъ предѣлахъ Томской страны. Русскіе плѣнники, какъ сказано о нихъ въ указѣ, „живя межъ калмыкъ, имѣли при себѣ вмѣсто женъ плѣнницъ, а другіе калмычекъ, жили съ ними беззаконно и прижили дѣтей муж. и женск. полу, и тѣ дѣти

---

[1]) Извѣстно, что въ 1754 г. китайцы избили до 1 милліона джунгарцевъ. Щегловъ, 256.

[2]) Изъ рукописи Гуляева.

[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 255.

[4]) Тамъ же, стр. 260.

[5]) Кромѣ вторженій отдѣльными группами, киргизы входили изъ за Иртыша къ русскимъ алтайскимъ селеніямъ иногда массами, при чемъ любили останавливаться для кочевья преимущественно по р. Алею. Въ такихъ случаяхъ кровавыя схватки кочевниковъ съ русскими были обычнымъ явленіемъ. Арх. К.-В. Горн. Нач., № 448.

—не крещены". Въ свою Томско-Кузнецкую сторону явились плѣнные: дворянскій сынъ Дмитрій Лавровъ съ женою, казачьи дѣти: Иванъ Соломатовъ и Трофимъ Петровъ съ сыномъ, солдатъ—Степанъ Ковалевъ, посадскій Ив. Фолинъ, крестьянинъ Семенъ Яковлевъ, бобыль Флоръ Потеряевъ и гулящій человѣкъ Ив. Хомутовъ съ 3 дочерьми[1]).

Въ 1747 г. крестьянинъ Иванъ Стремляновъ показывалъ объ отцѣ своемъ Алексѣѣ Стремляновѣ, что онъ не былъ записанъ въ I ревизію затѣмъ, что былъ *„въ полону* у калмыковъ" и прожилъ въ томъ полону 19 лѣтъ[2]).

Въ 1763 г. слѣдовалъ чрезъ нынѣшніе Змѣиногорскій и Бійскій округа бухарскій торговый караванъ. Въ числѣ женщинъ, бывшихъ при караванѣ, одна крестьянка опознала свою полоненную въ малолѣтствѣ дочь, теперь уже взрослую, говорившую по татарски и одѣтую въ татарское платье[3]).

Въ 1750 году прибыли къ одной Алтайской новопоселенной деревнѣ нѣсколько человѣкъ Телеутскихъ калмыковъ. Крестьяне всполошились, приняли пришельцевъ за враговъ и затѣмъ, переловивъ ихъ, перевязали, надѣли на нихъ колодки и повезли въ Колыванскую горную контору. Но здѣсь оказалось, что эти калмыки шли къ русскимъ селеніямъ съ мирными торговыми цѣлями[4]). Въ слѣдующемъ году жители деревни Иконниковой (около Катунской

---

[1]) Епархіальная Тобольская власть распорядилась: „плѣннымъ, какъ обрѣтающимся въ Тобольскѣ, такъ и отпущеннымъ Угрюмовымъ въ Томскъ, Кузнецкъ и оставленнымъ имъ въ Тарѣ—заповѣдать: обычный постъ до дня Успенья Пресв. Богородицы, а прочимъ, по полученіи указа, какъ приличнѣе, выучить молитвы: Отче нашъ, Богородицу, Вѣрую во единаго, а некрещеныхъ дѣтей крестить во имя Отца, Сына и св. Духа. Послѣ поста и крещенія всѣхъ удостоить причащенія св. таинъ. А которые изъ оныхъ имѣютъ у себя на Руси женъ и поженились на другихъ, бывшихъ въ плѣну, то тѣхъ второпоятыхъ женъ приказать оставить, а велѣть жить съ первоначальными женами, хотя оныя и въ замужество безъ нихъ посягнули, и жить имъ по прежнему съ своими мужьями.—Указъ Том. архим. Порфирію изъ Тобольск. Архіер. канцеляріи отъ 11 іюля 1733 г. № 331. Арх. Том. Алек. монаст., связ. 15.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 35, 1748 г.

[3]) Изъ арх. Барн. Д. Прав.

[4]) Арх. Кол.-В. Горн. Нач., въ столпъ дѣлъ № 94.

крѣпости) просили переселить ихъ на другое мѣсто и мотивировали просьбу тѣмъ, что „находятся близъ границы, гдѣ жить не безопасно"[1]).

Естественно, что враги съ ихъ постояннымъ рвеніемъ ко вторженіямъ и нападеніямъ заставляли томское населеніе держаться въ условіяхъ готовности на боевой отпоръ. Должны были быть готовы къ оборонѣ не только служилые люди, но и крестьяне. Царь Петръ Алексѣевичъ грамотой отъ 1700 г. потребовалъ, чтобы „въ Тобольскомъ уѣздѣ и Тобольскаго разряду въ городѣхъ и слободахъ служилые всякаго чина люди и крестьяне жили съ опасеніемъ, чтобы не только у служилыхъ, но и у крестьянъ пищали, копья и сайдаки были непремѣнно. А буде у крестьянъ у кого ружья нѣтъ, покупали-бъ и на хлѣбъ вымѣнивали. А когда у нихъ, крестьянъ, зимою дѣла нѣтъ, устроя у ста человѣкъ по капитану и поручику, ихъ братію, мужиковъ, воинскому дѣлу учить безъ отговорки... А около слободъ и деревень покопали бы рвы и около рвовъ учинили бы надолобы и всякія крѣпости и ставили-бъ караулы. А во время пашни, жатвы и сѣнокосу выходили бы на поля съ ружьемъ готовымъ, чтобы всегда, какъ непрія-

[1]) Тамъ-же. Впрочемъ, иногда русскіе и дружили съ заграничными обитателями, сбывая имъ съ выгодою для себя лошадей или производя съ ними мѣновой торгъ контрабадой. „При настоящихъ съ китайцами обстоятельствахъ, читаемъ мы въ дѣлѣ о притѣсненіи ясачныхъ (Арх. Кол.-В. Гор. Нач. стол. № 510), по границѣ строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ и подъ жестокимъ штрафомъ лошадей въ китайскую сторону отнюдь не выпускать. Но не взирая на то, крестьяне заводскіе, соединясь съ отложившимися ясачными, великими табунами лошадей туда прогоняютъ и мѣняютъ китайцамъ и, хотя за нѣсколькими промѣнниками болѣе 100 лошадей команды гнались, но однако взять не могли" (1767 г.). Въ 1772 г. Начальникъ Кузнецкой военной линіи Шрингеръ объявилъ распоряженіе, чтобы крестьяне за границу, за Антоніевскую крѣпость на промыслы не ходили. Распоряженіе было сдѣлано въ виду того, что «промышленники многіе годы вездѣ шатаются, а паче подъ видомъ пріисканія рудъ, въ звѣриныхъ промыслахъ какъ въ жилищахъ ясашныхъ татаръ, такъ и далѣе за границею употребляются, и отъ того всякія неудобства и опасности происходятъ".Ар. К.-В.№665. Въ началѣ 1780-хъ годовъ Бійскій комендантъ преміеръ-маіоръ Богдановъ настаивалъ, что рыбныя ловли по р. Катуни въ оброкъ не отдавались, „дабы не воспослѣдовало отъ промышленниковъ злоупотребленія въ разсужденіи проѣздовъ до китайской линіи безъ всякаго дозволенія для потаеннаго торга". Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катуни.

тель подойдетъ, могли бы съ нимъ биться и себя оборонять и ставить въ то работное время, гдѣ служилыхъ нѣтъ изъ своей братіи крестьянъ караульщиковъ, перемѣняясь... А начальнымъ людямъ и приказчикамъ безоружнымъ людямъ и за оплошку карауловъ чинить наказаніе, смотря по винѣ. А на тѣхъ непріятелей, которые подъ наши великаго государя городы — подъ Кузнецкой, Томской и Красноярскій приходили и всякое разореніе и побіеніе чинили и скотъ отгоняли,— на тѣхъ непріятелей въ удобное время нашихъ, великаго Государя, ратныхъ людей съ ружьемъ, пушками и съ ручными гранаты посылать и, сколько Господь Богъ помощи дастъ, промыслу воинскаго надъ ними искать и ихъ войско смирять, чтобы они впредь опасны были подъ наши, великаго Государя, городы и слободы приходить"[1]).

Всѣ указанные предосторожности вмѣнены были въ обязанность и томскимъ крестьянамъ, хотя по малолюдству здѣшняго крестьянскаго населенія онѣ около Томска и Кузнецка едва-ли могли быть примѣнены во всей точности. Впрочемъ, надолобы вокругъ болѣе или менѣе крупныхъ деревень ставились и здѣсь. Мы знаемъ, наприм., что-то въ родѣ крѣпостныхъ сооруженій имѣли села Пачинское на Томи[2]) и Богородское на Оби.

Въ 1741 г. отправляя къ южнымъ предѣламъ Зап. Сибири войсковые отряды изъ Тобольска для предосторожности отъ нападеній Зюнгарскаго владѣльца Голданъ-Церина, правительство напоминало, чтобы въ случаяхъ столкновеній съ калмыками, солдатамъ помогали бы и крестьяне „изъ мѣстныхъ жителей"[3]).

Горное Алтайское вѣдомство въ свою очередь настаивало, чтобы крестьяне, особенно близкихъ къ границѣ селеній, имѣли при себѣ оружіе непремѣнно. И даже въ 1773 г. оно

[1]) Памятники Спб. истор. ч. I. стр. 132—136.
[2]) См. Старинные монастыри Том. края, стр. 21.
[3]) Полн. соб. зак. т. XI, № 8332.

указомъ писало крестьянамъ:— „всегда признавалось необходимымъ здѣшняго вѣдѣнія живущимъ по деревнямъ крестьянамъ имѣть для всегдашней предосторожности отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія порохъ и свинецъ. Теперь повторяется это распоряженіе съ требованіемъ, чтобы крестьяне пріобрѣтали вооруженіе за свой счетъ“[1]). А крестьянамъ вѣдѣнія Красноярской избы близъ Усть-Каменогорска то и дѣло напоминали изъ Барнаула, чтобы выѣзжали въ поле съ заряженными ружьями. Это было необходимостью въ виду частыхъ грабежей, какіе производили киргизъ-кайсаки изъ-за Иртыша[2]).

Когда опасности отъ нападеній внѣшнихъ враговъ начинаютъ исчезать, выступаютъ для томскаго крестьянства иныя бѣды, шедшія отъ враговъ внутреннихъ. Разумѣемъ усиленіе разбоевъ. Разбойничали бѣглые арестанты и среди нихъ каторжники, а также бѣглые заводскіе рабочіе—бергайеры.

До какихъ размѣровъ бѣглые колодники доводили свои разбои въ Сибири, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1745 г. колодники, препровождаемые изъ Тобольска къ Томску въ количествѣ 200 чел., когда плыли по Иртышу, взбунтовались, перебили конвой и приступили къ Сургуту съ цѣлью разгромить весь городъ[3]). А вотъ разбои, собранные по нашимъ матеріаламъ изъ исторіи Томскаго края.

Въ 1748 г. въ Колывано-Воскресенской канцеляріи состояло въ производствѣ очень крупное дѣло о разбояхъ, тамъ и здѣсь произведенныхъ разбойничьими атаманами бр. Селезневыми съ собранною ими большою шайкою. Судили только нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Селезневыхъ, а сами атаманы продолжали дѣйствовать въ чистомъ полѣ и темномъ бору[4]). Изъ другого дѣла отъ 1756 г. мы видимъ, что Селезневы не унялись еще

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 718.
[2]) Тамъ-же, въ томъ-же столпѣ.
[3]) Соловьевъ, т. XXII, стр. 336. Изд. Товар. „Общ. польза“.
[4]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 79.

въ своихъ подвигахъ и въ это время. Они разбойничали тогда въ районѣ Космалинскихъ и Малышевскихъ деревень, гдѣ „грабили и людей рѣзали“[1]).

Разбойничья слава Селезневыхъ привлекала къ нимъ сподвижниковъ изъ другихъ иногда очень дальнихъ мѣстъ. Въ 1749 г. въ степи близъ Иртышскихъ крѣпостей были схвачены два малороссійца Солодщичевъ и Береутъ. Оба показали о себѣ, что были прежде въ ссылкѣ около Иркутска, откуда будто-бы были освобождены. Изъ ссылки отправились на Донъ чрезъ Семипалатную и Ямышевскую крѣпости, но на дорогѣ остановились въ дер. Меретской на Оби (близъ Барнаула), гдѣ, прослышавъ о Селезневыхъ „приходили къ нимъ, чтобы вмѣстѣ грабить Бухарцевъ, ѣхавшихъ съ товарами изъ Зюнгорской землицы“. Отъ Селезневыхъ ушли для разбоевъ къ Колундинской степи, а оттуда къ Кабановымъ озерамъ, гдѣ проживали въ промышленныхъ избушкахъ. Разбойничая независимо отъ Селезневыхъ, они имѣли сношенія съ крестьянами: Бѣлоярской слободы Шипкихъ и Малышевской—Мухинымъ[2]).

Вообще упомянутымъ въ этомъ эпизодѣ бухарцамъ, ѣздившимъ съ торговыми караванами къ Томску, доставалось напути отъ воровъ и разбойниковъ очень нерѣдко. Въ 1750 г. бухарскій караванъ пожаловался, что близъ с. Космалинскаго у него похищено много цѣнныхъ товаровъ и отогнано 10 лошадей[3]). Виновными оказались бѣглые, впрочемъ, въ данномъ случаѣ воровавшіе при участіи самихъ космалинскихъ крестьянъ. Опускаемъ жалобы бухарцевъ въ др. случаяхъ.

Весною 1764 г. убѣжали изъ Томска „съ канатовъ“ разбойники въ числѣ 18 человѣкъ. На берегу только лишь вскрывшейся рѣки бѣглецы раздобыли лодки, выбрали себѣ атамана и поплыли внизъ по Томи. На первый разъ разбойничья шайка высадилась

[1]) Арх. К.-Воскр. Г. Нач., столпъ № 224. О Селезневыхъ см. еще у Максимова „Сибирь и Каторга“. Ч. 2, стр. 164.

[2]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 79.

[3]) Тамъ-же, въ столпѣ д. № 518.

на островѣ близъ дер. Иштанской, гдѣ проживалъ съ семьею Иштанскій крестьянинъ Ив. Лоскутовъ,—разграбили имущество этого послѣдняго, обезчестили его дочерей и отправились въ дальнѣйшій путь. Изъ Томи перешли въ Обь, поплыли вверхъ этой рѣки, часто высаживаясь по берегамъ и наводя панику на всѣхъ побережныхъ жителей грабежами и убійствомъ[1]).

Въ 1772 году видимъ еще большую партію каторжныхъ, бѣжавшихъ изъ Томска же „съ каната“. Сначала бѣжавшіе чинили воровства, грабительства и убійства въ самомъ Томскѣ, а потомъ принялись грабить по дорогамъ и особенно по большому Московскому тракту. Томская комендантская канцелярія назначила для ихъ поимки оберъ-офицера, унтера, капрала и 20 человѣкъ изъ самыхъ рослыхъ и сильныхъ рядовыхъ. Колывано-Воскресенская канцелярія не замедлила разослать распоряженіе и отъ себя, чтобы крестьяне оказывали военнымъ поимщикамъ вспоможеніе, выѣзжая на помощь съ оружіемъ, „съ какимъ кто можетъ“. Вскорѣ отъ крестьянъ узнали, что разбойники „проплыли вверхъ по Оби мимо Чаусскаго острога и людямъ, бывшимъ на рыбномъ промыслу, а также по берегамъ на пашняхъ и въ деревняхъ чинили мучительства, а ихъ пожиткамъ большіе грабежи, при этомъ нѣсколькихъ человѣкъ ножами до смерти закололи“. Около с. Ирменскаго разбойники произвели новые грабежи и убійства. Ирменцы кинулись за ними цѣлымъ селомъ и на этотъ разъ покончили почти со всѣми. Спаслись только двое, убѣжавшіе въ Каргацкую степь[2]).

Какъ вообще часто появлялись въ нашемъ краѣ разбои, это ясно можно видѣть изъ ихъ перечня за упомянутый 1772 г. Въ этомъ году въ Томскомъ уѣздѣ, кромѣ указанной шайки, избитой жителями с. Ирменскаго, разбойничали еще каторжники Панкрушинъ

---

[1]) Арх. Том. Алексѣевск. монастыря. Дѣло 1764 г., св. 11.
[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 665.

и Элунинъ, имѣвшіе пристанище въ с. Зеледѣевѣ[1]). А около Барнаула въ то же время дѣйствовали двѣ партіи, одна выходившая изъ Барнаульскаго бора, а другая на дорогѣ изъ Барнаула въ Барабу. Въ послѣдней главенствовалъ атаманъ Лебеденокъ, воспоминаніе о которомъ, какъ память и о Селезневыхъ, долго хранилась среди барнаульцевъ[2]). Была еще разбойничья шайка около Змѣиногорска, состоявшая изъ 8 человѣкъ. При поимкѣ этихъ воровъ сержантъ Бронниковъ и его солдаты оказали самую явную трусость, за что Бронникова постигло разжалованіе на 1 мѣсяцъ въ рядовые, а солдатъ нещадное битье батогами[3]).

Мы сказали о разбояхъ, производимыхъ шайками, а сколько было разбойниковъ, орудовавшихъ въ одиночку?

Бродяга, странствующій за милостынею по деревнямъ,—это самое заурядное явленіе въ современной жизни на всемъ пространствѣ Томской губерніи. Въ прежнее же время въ предѣлахъ Томской страны бродягъ должно было быть значительно больше, ибо, кромѣ бѣглыхъ каторжниковъ и поселенцевъ, здѣсь сновали еще бѣглые съ заводовъ и рудниковъ Колывано-Воскресенскаго кабинетскаго вѣдомства. До какой степени развиты были бѣгства среди рабочихъ этого вѣдомства, это отчасти мы указали, когда приводилось говорить о каменьщикахъ. Теперь добавимъ, что случаевъ бѣгствъ отъ заводскихъ работъ и порученій, а также отъ тамошнихъ штрафованій и наказаній въ каждомъ году насчитывалось во всемъ заводскомъ вѣдомствѣ едва-ли менѣе сотни[4]). Недаромъ Колывано-Воскресенская канцелярія почти каждогодно снаряжала команды съ спеціальнымъ назначеніемъ розыска и поимки бѣглецовъ. Заводскіе бѣглецы не всегда

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 665.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Въ томъ-же столпѣ.
[4]) Въ 1830 г. Барнаульская Военно-судная коммиссія рѣшила 75 дѣлъ о бѣгствахъ.—Опись рѣшенныхъ дѣлъ Военно-судной коммиссіи съ 1826 по 1837 г. въ Барнаул. Горномъ архивѣ.

утекали за Камень въ Бухтарму. Во многихъ случаяхъ они наравнѣ съ бродягами изъ ссыльныхъ кружились межъ деревень или устраивали себѣ пристанища въ пустыхъ мѣстахъ[1]): въ степи или лѣсахъ и, понятно, для добычи пропитанія, какъ и всѣ бродяги, не брезговали ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни убійствомъ.

Беремъ примѣры изъ XIX ст., но при этомъ не думаемъ, что выступаемъ изъ предѣловъ своего обозрѣнія незаконно, такъ какъ въ первые десятки лѣтъ нынѣшняго столѣтія условія заводской жизни были тѣ же, что и въ прошломъ вѣкѣ и даже уже успѣли нѣсколько потерять въ своей суровости и жесткости. Въ 1835 г. около дер. Красиловой бродилъ бѣжавшій заводскій служитель Пестеревъ, при чемъ буйствомъ, воровствомъ и грабежами вывелъ крестьянъ этой и сосѣднихъ деревень изъ терпѣнія. Они рѣшили было выдать его начальству, но должны были отступиться отъ рѣшенія въ виду страшныхъ угрозъ со стороны Пестерева для ихъ жизни и благосостоянія. Одновременно съ Пестеревымъ жителей деревень Чингизскаго прихода сильно безпокоилъ грабежами бѣглый горный рабочій Клепиковъ. Въ 30-же годахъ нынѣшняго столѣтія бѣглые изъ заводскихъ служителей Яренсковъ и Дмитріевъ угнѣздились около деревень Кузнецкаго округа: Усятской, Зенковой, Монастырской и с. Томскаго завода. Иногда эти бѣглецы ходили по этимъ деревнямъ для сбора милостыни, иногда въ страдное время работали у разныхъ хозяевъ по найму, а очень нерѣдко обворовывали крестьянъ въ ихъ домахъ, или останавливали ихъ для грабительства въ лѣсахъ. Разъ встрѣтили въ лѣсу двухъ дѣвицъ и принудили ихъ къ

---

[1]) Бывали бѣгства и заграницу «въ калмыки». Въ 1754 г. намѣревались къ побѣгу въ калмыки изъ Колыванскаго завода плавильный мастеръ Паутовъ, пробирщикъ Крыловъ съ товарищи и тарскій житель Прасоловъ. Всѣ за это намѣреніе были биты кнутомъ и сосланы въ каторжныя работы къ Нерчинску, за исключеніемъ Паутова и Крылова, которые, послѣ наказанія плетьми, посланы въ простые работники до выслуги.—Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 110.

блуду съ собою, послѣ чего наградили ихъ ситцемъ и платками, пограбленными у крестьянина Уксунайской волости Сорокина[1]). Подобныхъ бѣглецовъ, повторяемъ, было множество.

Случалось, что и заводскіе бѣглецы группировали изъ себя цѣлыя разбойничьи шайки. Вышеупомянутые разбойники, грабившіе изъ Барнаульскаго бора и около Змѣиногорска, состояли, несомнѣнно, изъ бѣжавшихъ бергаловъ. Изъ бѣглецовъ того же разряда составилась партія, работавшая подъ атаманствомъ бр. Бѣлоусовыхъ.—Братья Константинъ, Прокопій и Елевферій Бѣлоусовы бѣжали съ заводовъ около 1825 г. и, собравъ около себя такихъ же бѣглецовъ въ числѣ 11 человѣкъ, угнѣздились въ верховьяхъ р. Убы, откуда воровствомъ, грабежами и смертоубійствомъ тревожили множество алтайскихъ селеній и деревень. Шайку, наконецъ, переловили, всѣхъ тяжко наказали кнутомъ и приговорили къ вѣчной каторгѣ. Но Бѣлоусовы бѣжали и съ каторги, и, присовокупивъ себѣ товарища въ лицѣ каторжнаго же Минѣева (изъ рабочихъ Салаирскаго рудника), возобновили грабежи въ прежнихъ мѣстахъ. На этотъ разъ ихъ рѣшились изловить крестьяне деревень Чечулихи и Каргонской. При поискахъ поимщики застигли разбойниковъ въ верховьяхъ р. Чарыша, но въ виду отчаянной храбрости послѣднихъ и хорошаго у нихъ вооруженія „взять ихъ не посмѣли“. Выступило на дѣло само горное начальство. Оно выслало противъ бѣглыхъ хорунжаго, двухъ урядниковъ и 20 казаковъ. Въ 15 верстахъ отъ деревни Каргонской вверхъ по рѣчкѣ того-же названія, среди горъ и утесовъ, казаки замѣтили человѣческіе слѣды, ведшіе въ крутизну большой сопки. Отрядъ, крадучись, пошелъ по слѣдамъ и, увидѣвъ избушку, кинулся на нее вразъ съ крикомъ „ура“!. Застигнутые врасплохъ разбойники отдались безъ сопротивленія[2]).

[1]) Всѣ эти примѣры взяты мною изъ Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. столпъ д. о чрезвычайныхъ происшествіяхъ за 1834, 1835 и 1836 г.

[2]) Арх. Канцеляріи Главн. Начальника Кабинетскаго вѣдом. 1833 г. № 23.

Мысленно мы созерцаемъ Томскую деревню за прошлое время XVII и XVIII столѣтій. Въ XVII в. эта деревня состоитъ изъ 2, 3, 5 или много 10 дворовъ. Въ селахъ дворовъ было больше, но, какъ мы видѣли уже, села были чрезвычайно рѣдки. Въ слѣдующемъ столѣтіи деревня населеннѣе, но она все-таки въ большинствѣ случаевъ мала. „Крестьяне здѣшнихъ мѣстъ привыкли жить малыми деревнями", говорила Горная Алтайская Канцелярія въ 1764 году[1]). А нѣсколько ранѣе въ 1758 г. Сибирская Губер. Канцелярія предписывала бригадиру Фрауендорфу строго слѣдить за тѣмъ, чтобы новопоселяемые крестьяне въ нынѣш. Бійскомъ округѣ селились линіею въ одной деревнѣ, а не однодворками, и „для поселенія однодворками отнюдь никому мѣста не показывать и тѣми однодворками селиться накрѣпко запретить"[2]).

Расположена деревня на берегу степной рѣчки или у озера, вдали отъ котораго виднѣются колки или небольшія лѣсныя заросли. Это степная деревня гдѣ-нибудь въ глуши Кулундинской степи или на Барабѣ. Въ другихъ случаяхъ деревня находится на берегу большой рѣки, на Оби или Томи, или скрывается на небольшой полянѣ среди таежнаго еще почти не тронутаго лѣса или, наконецъ, пріютилась въ долинѣ, протянувшейся между неправильно раздвинувшимися хребтами Алтайскихъ вершинъ. Во всякомъ случаѣ деревни, раскинутыя на широкомъ пространствѣ дикихъ, маловоздѣланныхъ мѣстъ, находятся другъ отъ друга въ неблизкихъ разстояніяхъ. Одиночество и закинутость должны были придавать томскому поселку не веселый колоритъ.

Въ XVII в., если деревня находилась гдѣ-нибудь близъ Томи, жители ея, выѣзжая въ поле на работу, должны были совершать ее съ большой оглядкой: не покажется-ли гдѣ на быстрой малорослой лошади полудикій всадникъ въ мохнатой шапкѣ—

---

[1]) Арх. Колын.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 448.
[2]) Чт. общ. истор. и др. 1867 кн. 2, стр. 259.

этотъ передовой развѣдчикъ для огромной толпы кочевниковъ, ринувшейся для опустошеній къ Томску или Кузнецку. Тогда крестьянину нужно было бросать работу, спѣшить къ односельчанамъ съ вѣстію о грядущей бѣдѣ и затѣмъ укрываться съ имуществомъ или въ самое глухое недоступное мѣсто, или, что было гораздо надежнѣе, спасаться за тыномъ острога, охраняемаго храбростію служилыхъ людей. Съ такою же осторожностію долгое время въ продолженіе XVIII в. вынуждены были жить и обитатели новозаведенныхъ алтайскихъ деревень, потому что и новопоселенный алтайскій крестьянинъ нѣтъ, нѣтъ да услышитъ, что тамъ или здѣсь калмыки, или киргизъ-кайсаки отогнали у русскаго лошадей, а иногда и хозяина связали и помчали въ свои становища въ качествѣ полонянника.

Миновали времена чужеземныхъ вторженій, но томскій крестьянинъ все еще не спокоенъ. Онъ продолжаетъ имѣть при себѣ заряженное ружье въ виду постоянныхъ слуховъ о разбояхъ, да и по собственному опыту ему вѣдомо, что на болѣе или менѣе дальнемъ пути, по которому нужно ѣхать для хозяйственныхъ или другихъ какихъ дѣлъ, рѣдко обойдется, чтобы не встрѣтить бѣглаго изъ тюрьмы или съ заводовъ. Иногда такая встрѣча пройдетъ совершенно благополучно. Оборванецъ смиренно подойдетъ къ крестьянину-путнику, попроситъ хлѣба, распроситъ о дорогѣ, завяжется бесѣда, которая закончится, пожалуй, тѣмъ, что крестьянинъ пригласитъ бѣглеца къ себѣ на страдную работу: живи де и работай, будешь сытъ и одѣтъ, а по праздникамъ и пьянъ, а отъ начальства въ лѣсу около нашей деревни есть гдѣ укрыться.

Но иногда бѣглый стремительно бросается подузцы лошади и на ея хозяина машетъ топоромъ. Тогда, понятно, безъ ружья плохо. Убилъ бродягу, тѣло—въ болото или въ сторону въ лѣсъ: никто не найдетъ, а если и найдетъ, то не обратитъ никакого вниманія.

Страхъ отъ непріятельскихъ вторженій и разбойничьихъ нападеній служилъ тормозомъ развитію благосостоянія томскаго крестьянина, но однакоже не настолько важнымъ, чтобы въ данномъ случаѣ этотъ страхъ могъ представлять существенную препону[1]). Повторяемъ: томскій пахарь могъ пахать и косить сколько хотѣлъ;—на своемъ огромномъ участкѣ онъ могъ постоянно поднимать цѣлину лишь-бы не залѣниться выкарчевывать древесные корни и чистить луга отъ кустарника. Въ лѣсу безъ особаго утомленія можно было добыть цѣннаго звѣря[2]), въ рѣкахъ наловить много рыбы. Дичи можно было бы набить цѣлые воза, еслибы только было куда сбывать ее продажею. Бѣдно существовалъ въ деревнѣ развѣ только недавно приписанный къ ней крестьянинъ изъ пришлыхъ. Онъ помимо того, что поселился ни съ чѣмъ, кромѣ маленькой подмоги, заработанной на Колыванскихъ заводахъ, —онъ, отъ долгаго шатанья въ бѣгахъ, иной разъ отвыкъ отъ крестьянскаго дѣла. Но противъ его лѣни существовалъ окрикъ чиновника отъ горнаго начальства, а въ этомъ окрикѣ упоминались не только розги, но и плети[3]). А разъ пришлый сломилъ лѣнь, онъ выбьется изъ нужды непремѣнно. Въ общемъ матеріальная жизнь слагалась въ условія, при которыхъ томскій обыватель могъ существовать значительно привольнѣе, чѣмъ крестьянинъ центральной Россіи. Жившій посельски безмѣстный попъ Ипатъ еще въ концѣ XVII в.

[1]) Впрочемъ, нужно замѣтить, что нынѣшній Маріинскій округъ Томской губ. въ XVII и началѣ XVIII в. почти пустовалъ русскими селеніями. Несомнѣнно русскіе боялись селиться здѣсь именно въ виду частыхъ киргизскихъ нападеній и грабежей.

[2]) Въ срединѣ прошлаго столѣтія лоси, моралы, дикія козы, кабаны и проч. въ большомъ изобиліи находились тамъ, гдѣ этого звѣрья уже нынѣ нѣтъ, напр. по рр. Локтевкѣ, Алею. См. Матер. для истор. Сибири—Чт. общ. истор. и древ. 1867, кн. 2, стр. 270—273.

[3]) Для понужденій новопоселенныхъ крестьянъ къ занятію хлѣбопашествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «къ жительству дворами въ деревняхъ» Колывано-Воскресенское начальство назначало особые военные отряды. Въ концѣ 1740-хъ годовъ такіе отряды изъ драгунъ разъѣзжали въ одномъ случаѣ подъ начальствомъ капитана Шанскаго, въ другомъ шихтмейстера Звѣздочетова. Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 94.

на одной изъ своихъ заимокъ пахалъ по 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“, и на той же заимкѣ имѣлъ за собою дикаго поля и дубровъ по 40 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ; сѣнныхъ покосовъ на 400 копенъ. На другой заимкѣ пахалъ по 6 дес. въ полѣ, „въ дву потому-жъ“ и при ней же нераспашенной земли, дикихъ полей и дубровъ имѣлъ по 30 десят. въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“; сѣнныхъ покосовъ на 300 копенъ. И на третьей заимкѣ пахалъ по 4 дес. въ полѣ, въ дву потому-жъ и здѣсь же владѣлъ дикимъ полемъ въ 60 десятинъ и сѣннымъ покосомъ на 300 копенъ[1]).

Количество болѣе 10 лошадей во дворѣ было самымъ обычнымъ явленіемъ среди томскихъ крестьянъ-старожиловъ въ прошломъ столѣтіи. За то же столѣтіе крестьяне платили церковнымъ причтамъ за браки отъ 10 до 50 руб. Отдѣльные домохозяева деревень, принадлежавшихъ Томскому Алексѣевскому монастырю, въ 1750-хъ годахъ въ состояніи были принести во взятки кто по 20 р., кто по 50 и даже по 100 руб., хотя, разумѣется, и не безъ натуги для себя. Крестьяне деревни Комаровой (близъ Бійска), состоявшей изъ 22 дворовъ, въ 1786 г. распахивали въ каждомъ полѣ по 260 десятинъ и ставили сѣна болѣе 10000 копенъ. Въ то же время крестьяне деревень Плѣшковой и Соколовой показывали о себѣ, что первые при 27 дворахъ пахали земли 200 десятинъ въ полѣ и ставили сѣна до 15000 копенъ, вторые при 13 дворахъ пахали 142 десятины и ставили сѣна 7000 копенъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что обыватели всѣхъ упомянутыхъ здѣсь трехъ деревень не столько были заняты хлѣбопашествомъ, сколько налегали на рыбную ловлю въ богатомъ рыбою Иткульскомъ (близъ Бійска) озерѣ[3]) и, кромѣ того, имѣли поводы показывать не всю правду.

[1]) Ин. Кузнецовъ. Истор. акты. I, стр. 80.
[2]) Дѣло о волненіяхъ среди монастыр. крестьянъ. Монаст. арх., св. 16.
[3]) Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыб. ловель по р. Катуни.

Въ 1783 г. отставной заводскій мастеровой жаловался начальству, что жена его по безпорядочному поведенію „разнымъ его домашнимъ вещамъ чинила ущербленіе", именно промотала „на пьянство и табакъ": двѣ юфтевыя кожи, пять паръ чарковъ, двѣ бязи, александрійскую и дабовую рубахи, четыре бумажныхъ платка, чабанъ камчатскаго (sic) бобра, три юбки китайчатыхъ, гарусную опояску, еще два платка—бумажный и шелковый, два блюда оловянныя, 3 ложки мѣдныя, три аршина бахты, перчатки и т. д.

Почти въ то же время горный мастеровой въ прошеніи о разводѣ съ женой описывалъ, что жена истратила у него изъ его „домашняго шкарба": платокъ шелковый штофный въ 4 руб., юбку китайчатую алую въ 3 руб., скатерть бѣлую бранную въ 75 коп., рубаху мужскую дабинную въ 1 руб. 10 коп., тафты $1^1/_4$ арш. на 1 р. 56 коп., чабанъ парчевый, „опушенъ соболемъ", въ 4 руб. и еще два шелковыхъ платка—одинъ „модный", другой малиновый. Но мастеровой, жившій при заводахъ или только-лишь ушедшій съ завода, былъ значительно бѣднѣе обстоятельно жившаго деревенскаго обывателя, хотя, разумѣется, и форсистѣе его[1]).

Палласъ, описывая необычайное плодородіе земель, занятыхъ многочисленными деревнями, входившими въ округа Малышевской слободы, Бердскаго и Чаусскаго остроговъ, говоритъ, что крестьяне жили здѣсь изобильно и хлѣбомъ и скотомъ. Лошадей каждая малая деревня имѣла большіе табуны. Тоже самое передалъ онъ о благосостояніи жителей нынѣшней Легостаевской волости (по р. Берди)[2]).

Въ 70-ые годы прошлаго столѣтія успѣли оправиться въ хозяйственномъ отношеніи и новопоселенные крестьяне въ Барабинской степи. На этомъ случаѣ имѣемъ свидѣтеля въ лицѣ путешественника Фалька.—„Крестьяне въ Барабѣ, писалъ Фалькъ,

[1]) Брако-разводныя дѣла изъ архива Барнаульскаго Д. Правленія за 1780—1783 г.

[2]) Палласъ. Путешествіе. Часть II, кн. 2, стр. 403, 417.

вообще дѣятельны и зажиточны. Земледѣліе у нихъ такое-же, какъ и въ деревняхъ по Иртышу. Они сѣютъ озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овесъ, полбу, яровую рожь, горохъ, ленъ и конопель. Плодоносная земля вознаграждаетъ въ 5 и 10 разъ и не требуетъ удобренія. Земли у нихъ довольно. Но употребленіе времени для посѣва, по причинѣ холодныхъ ночей, требуетъ немалаго вниманія. У всякаго крестьянина есть небольшой огородъ, а у нѣкоторыхъ и хмѣльники. Они держатъ нынѣ много лошадей, нѣсколько коровъ и овецъ—русскихъ и киргизскихъ. Новые поселенцы примѣтнымъ образомъ распространяютъ скотоводство. Здѣсь, на обширныхъ пажитяхъ, скотоводство было-бы весьма велико, еслибы не подвергалось падежамъ“[1]).

Удручалъ домашній бытъ стариннаго томскаго крестьянина одинъ очень существенный недостатокъ,—относительный недостатокъ въ женщинахъ. Среди найденныхъ нами архивныхъ показаній о количествѣ населенія въ томъ или иномъ изъ приходовъ томскаго района за XVIII в. цифровое преобладаніе мужскаго пола предъ женскимъ является чуть не зауряднымъ фактомъ и въ особенности по отношенію къ приходамъ Барнаульскаго вѣдомства. Такъ, въ 1771 г., т. е. тогда, когда жизнь въ краѣ уже развилась и вышла изъ круга многихъ прежнихъ ненормальностей, свойственныхъ новопоселеннымъ мѣстамъ, въ приходѣ Змѣиногорской церкви состояло душъ 1940 м. п. и 1084 жен., Колывано-Воскресенской 495 м. 400 ж., Павловскаго завода 974 м. п. 818 жен. Это были заводскіе приходы, гдѣ среди рабочихъ должно было проживать много холостыхъ людей изъ др. подчиненныхъ Кабинету мѣстъ. Но вотъ чисто земледѣльскіе приходы: Въ приходѣ Бѣлоярской слободы за тотъ же 1771 г. насчитывалось мужскихъ 1587 д., женскихъ 1387,—Кособоков-

[1]) Фалькъ. Полн. собр. ученыхъ путешествій. Т. VI, стр. 429.

скомъ 705 м. 648 ж., Кашинскомъ 1107 м. 983 ж.[1]). Такое же отношеніе мы часто встрѣчаемъ и въ приходахъ Томскаго вѣдомства. Именно, за 1785 г. въ приходѣ Спасскаго села было 567 душъ м. п. и 503 ж., с. Семилужнаго 395 м. 385 ж., с. Яйскаго 920 м. 732 ж.,—с. Иткульскаго 1587 м. 1135 ж.[2]). Отсюда можно понять, почему брачный вопросъ былъ чуть-ли не самымъ жгучимъ дѣломъ въ томскомъ крестьянствѣ за прошлое время. Приспѣвало въ крестьянской семьѣ время женить сына. Гдѣ взять невѣсту? Въ своей деревнѣ. Но здѣсь или уже всѣ давно перероднились или невѣсты были разобраны. Нужно ѣхать въ какое-нибудь отдаленное селеніе, но и тамъ или просили невѣстѣ большую „кладку", или ее вовсе не хотѣли выдавать замужъ.

Дѣло въ томъ, что при веденіи хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ томскіе крестьяне дорожили каждымъ членомъ семьи и потому очень часто не хотѣли отпускать изъ своего дома и дочерей, какъ нужныхъ для дома работницъ. Какъ взрослая, поневолѣ оставшаяся въ дѣвицахъ, дочь вела себя въ нравственномъ смыслѣ,— это никого не смущало. На это своеобразное явленіе нежеланія со стороны родителей выдавать дочерей въ замужество обратило вниманіе горное начальство, и въ 1773 году затребовало отъ земскихъ избъ списокъ дѣвицъ отъ 20-лѣтняго возраста съ объясненіемъ противъ каждой причинъ, почему не выдана замужъ? Оказалось, что въ деревняхъ, подвѣдомыхъ Бѣлоярской земской избѣ, дѣвицъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ насчиталось 208, въ вѣдомствѣ Томской земской конторы въ возрастѣ отъ 25 до 40 л. 35 ч., въ вѣдомствахъ др. конторъ и избъ гдѣ 30, гдѣ 20. Больше всего не выдавали замужъ „за домашностію", иногда „за

[1]) Изъ вѣдомости о священно-церковно-служителяхъ Барнаульскаго вѣдомства за 1771 г. Арх. Барнаул. дух. правленія.

[2]) Изъ духов. росписей селеній Томс. вѣдомства. Арх. Том. д. консисторіи.

сердечною скорбію", или затѣмъ, что кромѣ сердечной скорби имѣетъ еще „икоту". Но весьма часто сельскіе грамотѣи противъ 20-лѣтнихъ дѣвицъ писали курьезы въ такомъ видѣ: „не выдана по молодости лѣтъ и за такимъ порокомъ женихи не сватали".... „покоитъ вдоваго отца, и за тѣмъ порокомъ замужъ не выдана". Выслушавъ донесенія, начальство опредѣленіемъ отъ 28 октября 1773 г. постановило: „крестьянскихъ дочерей-дѣвокъ, которыя, не выходя замужъ, заявили себя зазорнымъ поведеніемъ, за беззаконіе наказать плетьми, а родителямъ накрѣпко подтвердить, чтобы въ выходѣ дочерямъ замужъ препятствій отнюдь не чинили"[1]).

Трудность добычи невѣстъ мирнымъ, законнымъ путемъ породила обычай красть дѣвицъ и увозить ихъ для брака насильственно въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Примѣровъ насильственнаго повѣнчанія съ дѣвицами, захваченными гдѣ-нибудь въ полѣ, лѣсу, на крестьянскихъ гулянкахъ такъ обильно, что намъ не вмѣстить ихъ въ размѣры бѣглаго обозрѣнія. Поѣхала дѣвица съ теткой изъ Сузунскаго завода въ гости въ другую деревню. Пристали на дорогѣ парни, тетку выкинули изъ саней, дѣвушку схватили и быстро помчали въ с. Иткульское, гдѣ, несмотря на сопротивленіе невѣсты, бракъ повѣнчалъ свящ. Поникаровскій[2]). Въ 1775 г. недавно поселенный крестьянинъ обманомъ завелъ къ себѣ въ гости дѣвушку 13 лѣтъ и затѣмъ насильно повезъ ее въ село Крохалевское, гдѣ заранѣе условленное повѣнчаніе не заставило себя долго ждать[3]). Въ третьемъ случаѣ увезли дѣвицу съ луга, куда отправилась она сбирать черемшу, въ четвертомъ—съ рѣки, гдѣ полоскала бѣлье, и когда везли деревней, зажали ей ротъ, чтобы не кричала. Знаемъ случай, когда насильственно брачимую невѣсту нужно было держать за руки и за голову, чтобы не сбросила вѣнецъ[4]).

---

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д № 718.
[2]) Изъ дѣлъ Тоб. Д. конс. въ арх. Томской консистор. по описи № 227.
[3]) Ук. Тоб. консисторіи въ Том. дух. прав. отъ 12 апр. 1776.
[4]) Изъ арх. Барн. Дух. Правленія. Жалоба кр. В. Плотникова, 13 янв. 1784 г.

Насильственное похищеніе дѣвицъ для замужества шло рядомъ съ браками, совершаемыми „уходомъ“, т. е. такими, когда женихъ напередъ тайно уговаривался съ дѣвушкой повѣнчаться, при чемъ послѣдняя выражала свое согласіе выдачею жениху „заклада“ въ видѣ платка, кольца или даже платья. И въ этихъ случаяхъ часто устраивалось похищеніе, но уже притворное, только для отвода глазъ родителей или родственниковъ невѣсты. Недовольные родители гнались въ погоню, происходили свалки, драки и всякіе безпорядки, а иногда и огромныя кощунства въ храмахъ, гдѣ убѣгшіе хотѣли повѣнчаться или уже повѣнчались.

Вотъ сцена:—20 янв. 1776 г. причтъ Кособоковской церкви собрался въ храмъ позднимъ вечеромъ, для повѣнчанія дѣвицы Вдовиной съ женихомъ, за котораго Вдовина выходила уходомъ. На всякій случай церковный трапезникъ Рычковъ храмъ извнутри заперъ. Вскорѣ на паперть съ шумомъ вбѣжала толпа крестьянъ, состоявшая изъ отца невѣсты Василія Вдовина, ея брата Петра съ односельчанами Шумиловымъ, Романовыхъ, Дмитріевымъ и др. Прибѣжавшіе съ страшнымъ шумомъ и бранью начали ломиться въ двери и трапезникъ, наконецъ, вынужденъ былъ ихъ отпереть. Ворвавшись въ храмъ, отецъ невѣсты вынулъ изъ „ноженъ“ ножъ и бросился на дьячка „колоть“ его, „выговаривая почто дочь повѣнчали“. Отца силою удержали отъ убійства его сынъ Петръ съ трапезникомъ Рычковымъ, между тѣмъ крестьянинъ Шумиловъ поощрялъ готовившееся преступленіе, говоря: „надо же надъ ними, священникомъ и причетникомъ, сдѣлать примѣръ, чтобы безъ нашей воли нашихъ дѣтей не вѣнчали“. Отецъ порывается затѣмъ въ алтарь бить или убить скрывавшагося тамъ священника, и, несомнѣнно, священникъ пострадалъ бы очень существенно, еслибы не Рычковъ, вступившій съ озвѣрѣлымъ человѣкомъ въ ожесточенную борьбу. Нѣсколько успокоившись, крестьяне принялись искать невѣсту подполомъ. Пересмотрѣли все под-

поле, не обращая вниманія на увѣренья дьячка, что невѣсты въ церкви нѣтъ. „А зачѣмъ же ты въ церкви поздно ночью"? —спросилъ одинъ изъ крестьянъ. „Сбирался здѣсь уснуть, отвѣтилъ дьячекъ, такъ какъ дома вымораживаю тараканъ". Между тѣмъ женихъ съ невѣстой скрывались гдѣ-то вблизи храма и, увидѣвъ погоню, услышавъ ея грозный шумъ, потаенно вышли изъ села, куда поѣзжане успѣли вывести и лошадей, а затѣмъ поскакали вѣнчаться въ Колыванскій заводъ[1]).

Что укоренившійся обычай похищеній невѣстъ или брачныхъ заключеній путемъ ухода поддерживался, кромѣ недостатка въ женщинахъ, нежеланіемъ родителей выдавать дочерей замужъ изъ хозяйственныхъ соображеній, это доказывается между прочимъ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1773 г. дѣвица изъ дер. Кротовой уговорилась повѣнчаться уходомъ съ крестьян. сыномъ Чановымъ и предъ бракомъ заявила въ Дух. Правленіи, что она совершеннолѣтняя и желаетъ повѣнчаться безъ дозволенія родителей потому, что за своими домашними работами родители не дозволяютъ ей выходить въ замужество, „а ей желаніе имѣется быть лучше въ законномъ супружествѣ, нежели жить грѣшно и зазорно"[2]).

Недостаткомъ женщинъ нужно объяснить и тотъ постоянно встрѣчавшійся въ нашихъ матеріалахъ фактъ, что гдѣ бы женщина ни появилась, разъ заявляла о себѣ, что она дѣвица или вдова, тотчасъ же находила себѣ жениха.

Въ 1750 году ушла отъ мужа изъ Томска крестьянка Курчиковой волости Марія Никифорова и отправилась вверхъ по Оби „ради работъ—страдовать". Въ Умревинскомъ острогѣ встрѣтилась съ отпускнымъ изъ службы солдатомъ Петромъ Вторушинымъ. Завязалась бесѣда, кончившаяся предложеніемъ Маріи выдти за него, Вторушина, замужъ. Марія

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 976.
[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 718.

согласилась. Бракъ былъ повѣнчанъ въ церкви Чаусскаго острога. Предъ вѣнчаніемъ замужняя невѣста для отвода глазъ у причта, заплела себѣ косу подѣвичьи[1]).

Въ 1771 г. подалъ въ Змѣиногорскую контору заявленіе крестьянинъ дер. Секисовки Денисъ Пименовъ изъ „поляковъ", т. е. изъ раскольниковъ, присланныхъ въ Томскую сторону, изъ Польской Вѣтки, и въ доношеніи объявлялъ, что сбѣжали отъ него три снохи, изъ которыхъ одну, Варвару Онуфріеву, нашелъ вышедшею уже въ новое замужество за промывальщика въ Змѣиногорскѣ Степана Пестрякова,—другую, Авдотію Андрееву, по слухамъ, увезъ крестьянинъ Бѣлоярской слободы дер. Дрянной Ив. Зажигаевъ, „гдѣ обрѣтается третья—ему неизвѣстно". Пименовъ просилъ розыскать всѣхъ женщинъ и вернуть ихъ снова въ его домъ. Вызвана была первая Варвара Ануфріева, и на допросѣ дала слѣдующее любопытное въ бытовомъ смыслѣ показаніе. Отъ роду ей 16 лѣтъ. Была вѣнчана съ сыномъ Пименова Иваномъ въ православной церкви Семипалатной крѣпости во время слѣдованія изъ Польши, когда ей было 11 лѣтъ. Однако въ то время она была уже *вдовою*, ибо еще находясь въ Польшѣ, была обрачена, какъ слышала отъ многихъ польскихъ выходцевъ, съ крестьяниномъ Никитою, „а чей сынъ и какъ прозывался не знаю, да и о самомъ вѣнчаніи съ Никитою заподлинно сама увѣрить не могу, потому что находилась тогда въ сущемъ малолѣтствѣ. Знаю только, что Никита умеръ". Со вторымъ мужемъ ей, какъ прочимъ невѣсткамъ, жилось тяжело. Свекровь производила разныя каверзы. Подкладывала въ затѣянныя квашни щепъ и волосья и послѣ „якобы нашедъ оныя, свекору и нашимъ мужьямъ сказывала и тѣмъ подводила подъ побои безвременные и немилосердные. Да и сама свекровь за всякія малыя неисправности часто обухомъ и др. тяжелыми вещами бивала, отчего у меня на лбу

[1]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. столпъ, не включенный въ опись за 1750 г.

были проломы и правая рука отъ такихъ побой въ завити не разгибается. Въ минувшемъ 1769 г. за недѣлю до вешняго Николы свекровь послала меня съ другими снохами въ дер. Глубокую выкурить къ празднику вина; хлѣба же на винокуреніе не дала и наказывала, чтобы хлѣба мы выпросили милостиною. Мы выпросили и только лишь занялись винокуреніемъ, увидалъ староста и вино курить запретилъ. Изъ боязни придти домой безъ вина и хлѣба, затраченнаго уже на бражку, мы всѣ втроемъ рѣшили бѣжать. Сначала жили въ дер. Убинской, потомъ Красноярской, называясь бѣглыми дѣвками и перемѣнивъ имена. Авдотью для замужества увезъ Бѣлоярскій крестьянинъ, а меня сговорили къ вѣнчанію въ церкви съ молодымъ рабочимъ Пестряковымъ, съ которымъ живу и понынѣ". Не сказано куда дѣвалась третья сноха, но, несомнѣнно, быстро нашла себѣ новаго мужа и эта послѣдняя[1]).

Вотъ еще примѣръ.—Дѣвица Прасковья была выдана замужъ за крестьян. Чумышской вол. дер. Омутной Алексѣя Назарова. По ея словамъ, мужъ обращался съ нею дурно. Разъ домашніе отправили ее въ недалекую деревню Крутинскую за полученіемъ долга съ крестьян. Архипа Назарова, при чемъ мужъ будто бы наказалъ ей, „чтобы въ Крутинской ночевать не оставалась, а если де ночуешь, не уйдешь отъ меня жива". Но она ночевала. На утро, осѣдлавъ коня, поѣхала домой. На дорогѣ, вспомнивъ угрозу мужа, рѣшила повернуть обратно. Въ поскотинѣ дер. Крутинской остановилась, сняла съ головы „шамшуру", заплела изъ двухъ одну косу, т. е. постаралась придать себѣ дѣвичій видъ и того же дня доѣхала до деревни Погорѣлки. Здѣсь ночевала у незнакомаго человѣка, назвавшись дѣвицей Татьяной, ѣздившей изъ Бѣлоярской слободы къ брату, работающему на Желѣзо-Томскомъ заводѣ. „Назвалась она такъ, чтобы

[1]) Арх. Кол.-В. Г. нач., въ столпѣ д. № 745.

мужъ ее дольше не нашелъ и чтобы его настращать". Потомъ на томъ же конѣ переѣхала въ дер. Ирбинскую, гдѣ прожила два дня у крестьянина Мальцева и, съ семейными послѣдняго, отправилась въ с. Тогульское на праздникъ Михаила Архангела. На праздничьихъ въ с. Тогульскомъ пирушкахъ познакомилась съ крестьян. Ащауловымъ, который „началъ склонять ее къ браку съ собою". Она рѣшилась на новое замужество и, въ видѣ задатка, выдала жениху платокъ. На другой день бракъ былъ совершенъ, за что священникъ, прежде уже много разъ судившійся за незаконныя повѣнчанія безъ соблюденія установленныхъ предосторожностей, поплатился лишеніемъ сана[1]).

Частое двумужество женъ нерѣдко вовлекало въ двуженство и мужей. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ слѣдующее дѣло. Марфа Иванова Серенкова вышла за крестьянина Богданова. Спустя 5 лѣтъ послѣ брака, Богданова взяли въ солдаты. Долго не получая вѣстей отъ мужа, Марфа сочла его умершимъ и повѣнчалась съ крестьяниномъ Монастырской деревни (Кузнецк. вѣд.) Арыковымъ. Чрезъ полгода Богдановъ явился изъ службы, отобралъ Марфу отъ Арыкова и увезъ ее въ дер. Усть-Чарышъ. Изъ этой деревни имъ привелось переѣхать въ Бійскую крѣпость. На пути жена упросила Богданова отпустить ее въ дер. Казанкову повидаться съ родными. Получивъ дозволеніе, Марфа воспользовалась имъ для того, чтобы выдти замужъ въ третій разъ. Вышла за крестьянина дер. Калачевой Аѳанасія Калачева, предварительно увѣривъ причтъ въ своемъ вдовствѣ. Арыковъ, у котораго внезапно отобрали Марфу, также женился,— по прежнему примѣру женился на солдаткѣ же отъ живого мужа Маріи Березовской.—Можно себѣ представить сколько труда доставило это дѣло консисторіи, которая была обязана разобраться въ его огромной путаницѣ[2]).

[1]) Дѣло въ арх. Томской консисторіи за 1826 г.
[2]) Ук. Тоб. Д. Конс. въ Барн. Д. Прав. отъ 5 мая 1778.

Въ 1779 году свящ. Удинцовъ повѣнчалъ отъ живого мужа жену Томскаго казака Щелканова Прасковью Ѳедорову съ крестьяниномъ Вас. Монаковымъ. На слѣдствіи открылось, что Щелкановъ продалъ жену Манакову „за 5 руб. и за игренняго коня“ и послѣ продажи вручилъ купившему „поступное письмо“[1]).—Продажа и покупка женъ опять-таки являются одною изъ выдающихся особенностей въ прошлой жизни томской крестьянской среды.

Много разъ уже приводилось повторять, что томскіе крестьяне селились и жили малыми деревнями. Деревни, раскиданныя тамъ и здѣсь, отстояли отъ немногочисленныхъ, въ большинствѣ построенныхъ на казенный счетъ, церквей иногда на 50, иногда на 80, иногда на 100 и болѣе верстъ. При этомъ нужно еще взять во вниманіе, что на такихъ разстояніяхъ постоянно встрѣчались естественныя преграды въ видѣ горъ, широкихъ рѣкъ и таежныхъ мѣстъ. Отсюда понятно, что томскій крестьянинъ въ церкви могъ бывать только изрѣдка. Точнѣе онъ бывалъ въ ней одинъ разъ въ жизни, когда приводилось вѣнчаться. Между тѣмъ храмъ является не только выраженіемъ религіозной настроенности, но и могучимъ возбудителемъ этой послѣдней. Оставшись безъ храма, крестьянинъ постепенно отвыкалъ отъ него и отвыкъ, наконецъ, до такой степени, что долго не хотѣлъ идти въ церковь даже тогда, когда вновь выстроенное зданіе ея появлялось уже не особенно далеко отъ его жилья.

Священники, завѣдуя большими, разбросанно-раскинувшимися приходами съ 20, 30, 50 деревнями, бывали въ нихъ рѣдко. Они объѣзжали приходскія деревни раза два въ годъ для совершенія накопившихся требъ крещенія и служенія литій надъ могилами покойниковъ, умиравшихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, безъ христіанскаго напутствія. Разумѣется, при своихъ приходскихъ объѣздахъ священники

[1]) Ук. Тоб. Д. Конс. въ Бар. Д. Прав. отъ 16 іюля 1779 г. за № 978.

могли бы найти время и учить народъ, своими назиданіями должны были бы содѣйствовать поддержанію въ немъ религіозныхъ чувствъ и потребностей. Но, къ сожалѣнію, сибирское и въ частности томское приходское духовенство, вышедшее изъ служилаго сословія, было и само не учено почти сплошь, а слѣдовательно доставлять назиданія находило себя почти не въ силахъ ни путемъ слова, ни тѣмъ болѣе, нужно добавить, дѣломъ примѣра.

Еще въ 1649 году Государю вѣдомо учинилось, что въ Сибири... мірскіе всякихъ чиновъ люди, жены ихъ и дѣти въ воскресные и господскіе дни и дни великихъ святыхъ во время святопѣнія къ церквамъ Божіимъ не ходятъ и умножилось въ людяхъ „пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство" и, увѣдавъ о семъ, царь потребовалъ, чтобы въ церковь Божію люди ходили и церковное пѣніе слушали внимательно[1]). Такъ было по всей Сибири. А о томскихъ крестьянахъ, много лѣтъ спустя, консисторія писала, что прихожане, живущіе въ приходскихъ деревняхъ въ отдаленности отъ церквей, а другіе и поблизости не только не бываютъ въ храмахъ, но и для обмолитвованія у нихъ вновь рожденныхъ младенцевъ и родившихъ женъ по приходскимъ своимъ священникамъ не ѣздятъ и нарочныхъ не посылаютъ, да и о самомъ крещеніи новорожденныхъ не заботятся, такъ что многія изъ дѣтей умираютъ не возрожденные таинствомъ"[2]).

Это было писано въ 1776 г., но еще раньше, въ 1764 г., Колывано-Воскресенское Горное начальство требовало отъ своихъ заводскихъ крестьянъ, „чтобы для обмолитвованія новорожденныхъ и рожницъ, для крещенія и прочихъ духовныхъ требъ крестьяне священниковъ въ домы свои звали и безъ отпѣваній *въ лѣсахъ* умершихъ не хоронили"... А какъ

[1]) Акты истор., т. IV, № 35.
[2]) Ук. Тоб. Д. Консист. въ Том. Д. Прав. отъ 15 ноября 1776 г.

въ здѣшнихъ пустыхъ и маложилыхъ мѣстахъ, говорило начальство, крестьяне живутъ малыми деревнями въ весьма знатномъ иногда болѣе чѣмъ разстояніи на 100 верстъ отъ церквей, и при томъ за великими рѣками и болотами и прочими обширными водами и степями, то въ привозѣ умершихъ до церквей бываетъ немалое препятіе. Посему просить Его Преосвященство со священническимъ отпѣваніемъ хоронить умершихъ при самыхъ деревняхъ, гдѣ и сдѣлать для погребенія способныя ограды"[1]).

Только на почвѣ томскаго религіознаго равнодушія и возможны были такія случаи, какъ случай съ крестьяниномъ Дм. Усольцевымъ, который, будучи уже пожилымъ и многосемейнымъ, оказался некрещенымъ. Свящ. Чигизской слободы Павелъ Поповъ встрѣтилъ этого крестьянина въ одной изъ многочисленныхъ приходскихъ деревень при объѣздѣ своего прихода въ 1790 г. Прослышавъ о его некрещеніи, Поповъ распросилъ мать Дмитрія: какъ это могло статься съ ея сыномъ? Старуха-мать разсказала, что когда Дмитрій родился, она, оправившись отъ болѣзни, поѣхала для окрещенія младенца въ Малышевскую слободу, но священника дома не застала, а ждать его ей показалось долго. На обратномъ пути попросила окрестить ребенка одну старую дѣву. Дѣва крестила въ озерѣ и, когда погружала, то кричала одно: „держите лодку, держите лодку!", такъ какъ на глубокомъ мѣстѣ лодка колыхалась. Родители на первыхъ порахъ удовольствовались такимъ крещеніемъ, а послѣ, хотя имъ и приходило въ голову, что указаннаго крещенія какъ будто бы недостаточно, но боялись объявить, „дабы не послѣдовало за сіе какого-нибудь взысканія". Тобольскій епископъ Варлаамъ, на разсмотрѣніе и рѣшеніе коего доложено было это дѣло, опредѣлилъ: крестьянина Усольцева окрестить полнымъ крещеніемъ[2]).

[1]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 448.
[2]) Дѣла Тоб. Д. Консисторіи въ арх. Том. конс. за 1797 г.

Къ исповѣди и св. причастію крестьяне въ многочисленныхъ по количеству душъ приходахъ являлись человѣкъ по 15, 20 въ годъ. И это тогда, когда правительство взимало за небытіе на исповѣди штрафы, какъ извѣстно, обращая штрафныя деньги изъ этого источника на содержаніе военныхъ госпиталей. Въ 1755 г. изъ многочисленныхъ прихожанъ Бѣлоярской церкви на исповѣди въ первую недѣлю Великаго поста было 1 д. мужскаго и 2 женскаго пола[1]). Въ 1764 году священникъ Кособоковскаго прихода заявилъ въ Барнаульскомъ Д. Правленіи, что его прихожане „на исповѣди не бываютъ и понудить ихъ къ исполненію сего долга никакъ не можно". Священникъ с. Бердскаго въ то же время и въ томъ же Правленіи указалъ, что въ продолженіе В. поста у него было говѣющихъ всего 9 человѣкъ[2]). Въ ряду судныхъ дѣлъ, какія попадались намъ подъ руку при работахъ въ архивахъ, мы то и дѣло наталкивались на престарѣлыхъ свидѣтелей, на исповѣди не бывавшихъ отъ роду и даже почти чуждыхъ, что невѣроятно, всякаго представленія: что такое исповѣдь?

Извѣстно, что не только равнодушіе къ вѣрѣ, но и само невѣріе не исключаютъ въ душахъ равнодушнаго или невѣрующаго склонности и предрасположенности къ суевѣріямъ. И холодный въ дѣлахъ религіозной вѣры томскій крестьянинъ былъ очень суевѣренъ,—суевѣренъ, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ россійскій крестьянинъ. Заклинанія, заговоры и наговоры, ворожба всякаго рода—это такой обильный въ архивахъ матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы составить цѣлую книгу.

Впрочемъ, спѣшимъ оговориться. Думается намъ, что равнодушіе къ церкви томича-крестьянина нужно объяснить не только условіями его жизни вдали отъ храма, но во многихъ

---

[1]) Арх. Бар. Дух. Пр. Донесеніе Бѣлояр. свящ. за 1755 г.
[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 448.

случаяхъ и его наклонностію къ расколу. Мы уже видѣли, какъ часто и много раскольниковъ бѣжало въ Сибирь и въ частности въ нашу Томскую страну изъ центральной Россіи. Во всякомъ случаѣ въ тѣхъ мѣстахъ Томскаго края, гдѣ расколъ успѣвалъ угнѣздиться, онъ жилъ очень интенсивно. А гнѣздился онъ здѣсь главнымъ образомъ около скитовъ, которые въ прошломъ столѣтіи имѣлись въ черни за Мунгатскимъ селомъ (Кузнецкаго округа), въ лѣсахъ по рр. Чумышу, Берди, въ таежныхъ мѣстахъ за Чаусскимъ острогомъ, на Чарышѣ близъ Алтайскихъ горъ и, несомнѣнно, во многихъ другихъ потаенныхъ углахъ обширной области. Въ прошломъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе Елизаветы Петровны, расколъ преслѣдовался вездѣ. Не могли окончательно избѣгнуть преслѣдованій и томскіе старообрядцы. Здѣсь слѣдили за расколомъ Духовныя Правленія, а расправлялись съ раскольниками воеводы и преимущественно Колывано-Воскресенское Горное Начальство. Усиленныя преслѣдованія всюду вызывали вспышки изступленнаго фанатизма. Не обошлось безъ нихъ и въ жизни томскаго раскола. Познакомимся только съ нѣкоторыми на этотъ счетъ примѣрами.

Въ 1743 г. изъ дер. Лепехиной Бѣлоярскаго острогу вышли въ лѣсъ Ѳедоръ Лепехинъ съ матерью и дѣтьми и прочими мужск. и женск. полу людьми, всего въ количествѣ 18 человѣкъ и заперлись въ новопостроенной избушкѣ съ цѣлью самосожженія. Изъ Кузнецка выслали команду разсѣять сборище и предупредить катастрофу. Предупредить не съумѣли. Раскольники сожглись. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, самосожигательство было вызвано сколько религіозными, столько-же и причинами гражданскаго характера. Предъ сгорѣніемъ раскольники кричали офицеру, начальствовавшему надъ командой, что будутъ горѣть отъ того, что приписаны къ заводамъ Демидова въ работу, „а работать имъ весьма натужно“[1]).

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 447.

Въ 1758 г. Барнаульское Дух. Правленіе допрашивало крестьянина дер. Максоровой Степана Максорова: почему отказывается отъ исповѣди самъ и не дозволяетъ приходить на исповѣдь и своимъ домашнимъ. Максоровъ—старикъ 70 лѣтъ отвѣтилъ: „потому, что нынѣ въ церкви все перемѣнилось по новому:—аллилуію поютъ потрижды, а не подважды, а болѣе того, сказать не знаю". Явно, что Максоровъ и его семейные принадлежали расколу. Барн. Дух. Правленіе распорядилось отослать допрошеннаго въ канцелярію Колывано-Воскр. Начальства „съ требованіемъ таковымъ, ежели оный Максоровъ раскается, то для присоединенія его прислать въ оное Правленіе, буде же не обратится и душеспасительнаго довлетворенія конечно отречется, чинить съ нимъ по силѣ указовъ". Кромѣ того, Правленіе просило выслать къ нему дѣтей старика Максорова: Егора и Ѳедора съ ихъ женами.

Явились въ дер. Максорову сотники Бѣлоярской избы Пятковъ и Каркавинъ и потребовали отъ Егора, чтобы снаряжался въ Барнаулъ. Егоръ просилъ дать ему время до утра „для сносу въ амбаръ домашняго шкарба". Сотники уступили и позвали для караула Максоровыхъ, чтобы „не убѣжали или ничѣмъ себѣ повредить не могли", еще нѣсколько крестьянъ. Егоръ съ женой Марьей пожитки въ амбаръ снесли, а когда стемнѣло, взяли дѣтей: Ѳедора 3-хъ лѣтъ, Матрену 4-хъ и Ананію полугодоваго, и всею семью остались въ амбарѣ ночевать. Караульщики спали кто въ избѣ, кто на дворѣ. Утромъ Егоръ съ женою опять прошли въ домъ добрать остальные пожитки. „И при томъ ношеніи, какъ жена въ тотъ амбаръ взошла, то оный Егоръ заперъ дверь изнутри вскорости, а жену и дѣтей рѣзалъ до смерти—кого въ лѣвый бокъ, кого въ горло". Караульщики вышибли дверь. Егоръ вышелъ къ нимъ съ большимъ окровавленнымъ ножемъ и говорилъ: „не ходите, идите прочь", а потомъ самъ побѣжалъ къ р. Чумышу и бросился въ воду. За

нимъ кинулись въ рѣку сотникъ Пятковъ и крестьян. Гусельниковъ, но схватили раскольника тогда уже, когда успѣлъ глубоко прорѣзать себѣ лѣвый бокъ. Егоръ умеръ въ тотъ же день, успѣвъ сказать окружающимъ, что къ зарѣзанію себя и семьи его убѣдила жена—покойная Марья.

Отецъ Егора Степанъ и братъ Ѳедоръ, послѣ продолжительнаго сидѣнія въ кандалахъ, изъ раскола рѣшили обратиться[1]).

Почти въ тоже время произошло крупное самосожигательство въ дер. Мальцевой.

Въ 1756 г. многіе изъ томскихъ раскольниковъ разныхъ мѣстъ начали потаенно стекаться къ этой только лишь названной деревнѣ, находившейся въ страшной глуши за Чаусскимъ острогомъ между великими топями, болотами и озерами. Явились сюда же расколоучители: Семенъ Шадринъ, Ѳедоръ Нѣмчиновъ и еще какой-то неизвѣстный. Секретно раскольники вели дѣло своего постепеннаго скопленія, но власти узнали. Поскакали къ мѣсту собранія томскій воевода Бушневъ и управляющій Чаусскаго острога чиновникъ Копьевъ. Прибыла и команда. Начальство увидѣло, что раскольники построили 9 избъ, обнесенныхъ полисадникомъ „съ немалымъ укрѣпленіемъ". И хотя Бушневъ, Копьевъ и Чаусскій священникъ употребили всѣ усилія въ уговорахъ отъ самосожигательства, „токмо раскольники не послушали", говоря, что собрались страдать за вѣру Христову и за крестъ двуперстнаго сложенія. Сгорѣло всего 174 человѣка. 175-ый, крест. Ив. Кубышевъ, когда пылали избы, кинулся на заборъ и повисъ на немъ. Его сняли солдаты „едва жива, ибо во многихъ мѣстахъ обгорѣлъ и затѣмъ былъ весь распухши". Кубышевъ все-таки выздоровѣлъ и даже потомъ сумѣлъ изъ-подстражи бѣжать[2]).

---

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столнѣ д. № 245, л. 616—622.
[2]) Арх. Барн. Д. Правл. Ук. Тоб. Консист. отъ 4 авг. 1757 г. Сп. Собр. постановленій по части раскола, ч. I, стр. 551—553. СПБ. 1860.

Жизнь въ глухихъ и уединенныхъ мѣстахъ въ соприкосновеніи съ кочевниками и постоянной тяжелой борьбой съ дикой и суровой природой,—всецѣлая погруженность въ интересы матеріальнаго существованія, постоянное блужданіе въ краѣ разбойниковъ и бѣглыхъ,—этихъ людей, выбитыхъ изъ нормальной колеи существованія и готовыхъ на все, приписка къ деревнямъ ссыльныхъ за разныя совершенныя на родинѣ преступленія, отсутствіе облагораживающихъ духовныхъ вліяній, кромѣ развѣ вліяній, шедшихъ отъ раскола съ его бездушной обрядностію, съ его узкимъ требованіемъ стоять только за двуперстное сложеніе и за аллилуію—все это вмѣстѣ взятое представляетъ такое сцѣпленіе условій, при которыхъ никакъ нельзя ожидать въ старинномъ томскомъ сельскомъ населеніи мягкихъ нравовъ. Нравы должны были быть суровы и грубы, и они были дѣйствительно таковы. Не будемъ говорить о безшабашныхъ разгулахъ на крестьянскихъ съѣзжихъ праздникахъ, о праздничьемъ пьянствѣ вообще,—томъ великомъ пьянствѣ, которое своими размѣрами приводило иностранныхъ наблюдателей сибирской жизни въ неописуемое изумленіе. Пропустимъ легкость нравовъ въ отношеніяхъ между полами, легкость, которую на почвѣ безрелигіозности и раскола поддерживали и относительный недостатокъ женщинъ, и долгое невыдаваніе дѣвицъ въ замужество, и развращающія условія заводской жизни.

Въ своемъ бѣгломъ и краткомъ очеркѣ обратимъ вниманіе на другія стороны въ томско-сибирскихъ нравахъ. Въ томской крестьянской семьѣ отецъ внушалъ свой родительскій авторитетъ полѣномъ, оглоблей, а иногда обухомъ. А какъ училъ мужъ жену, чтобы не сопротивничала, чтобы была послушна и вѣрна? Солдатъ, жившій въ деревнѣ въ 1780-хъ годахъ, училъ супругу такъ: „завезетъ ее въ лѣсъ, раздѣнетъ до-гола, привяжетъ къ лѣсинѣ, наберетъ шиповыхъ прутьевъ и бьетъ по обнаженному тѣлу нещадно до

собственной устали“[1]). Изъ другого дѣла видно, что крестьянинъ дер. Колпаковой Яковъ Останинъ смирялъ основательно ревновавшую жену тѣмъ, что „почасту“ привязывалъ ее за руки и за ноги къ столбу на цѣлую ночь, чтобы у столба не могла шевельнуться[2]). Одинъ изъ крестьянъ с. Бочатскаго укрощалъ ревновавшую-же хозяйку при посредствѣ болота, гдѣ имѣлъ обычай топить ее до потери сознанія каждый разъ[3]). Кр. Опаринъ убилъ первую жену, за что наказанъ былъ кнутомъ, но оставленъ на прежнемъ мѣстожительствѣ. На прежнемъ мѣстожительствѣ онъ сумѣлъ жениться во второй разъ, но однодеревенцы вторую его жену постоянно видятъ въ окровавленной одеждѣ;— нужно было заключать, что добьетъ и ее[4]). Другой крестьянинъ бьетъ беременную жену полѣномъ, отчего она выкинула два раза, но и послѣ того онъ не переставалъ учить супругу тѣмъ, что много разъ привязывалъ за руки и за ноги къ брусу и стегалъ веревкою съ завязанными на концахъ узлами, отчего она всегда впадала въ состояніе безпамятства[5]). Казакъ Ульбинскаго поселка, кромѣ того, что звѣрски билъ жену въ лѣсу прутьями; онъ нерѣдко кидалъ ее въ банѣ на раскаленную каменку[6]). Казакъ Пьяноярскаго редута Алексѣй Никоновъ засѣкъ жену плетью до смерти[7]). И случаи подобныхъ засѣченій супругъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются не одинъ разъ. Тотъ же матеріалъ много разъ рисуетъ намъ тяжелыя сцены, когда жены давились, топились и рѣзались отъ жестокостей мужей.

Съ той же дикой мѣрой жестокости томичи расправлялись и съ любовницами. Въ іюнѣ 1723 г. недалеко отъ Томска

[1]) Бракоразводное дѣло за 1786. Арх. Барн. Д. Правленія.
[2]) Арх. Барн. Дух. Правл. въ связкѣ д. 1806 г.
[3]) Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 258.
[4]) Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 270, въ столпѣ д. за 1801 г.
[5]) Ук. Тоб. Конс. Том. Д. Правл. 24 сент. 1810 г., въ арх. Том. Консисторіи.
[6]) Изъ арх. Барн. Д. Правленія.
[7]) Арх. Барн. Дух. Правленія. Указъ Консист. Семипалат. Дух. Правленію отъ 8 ноября 1823 г.

вверхъ по рѣкѣ Ушайкѣ найдена была убитой дѣвица Алена Ильина Нелюбина и „соски у грудей ея были вырѣзаны". Подозрѣніе въ этомъ преступленіи пало на томскаго сына боярскаго Ѳедора Протопопова, у котораго та дѣвка была „въ закладѣ"[1]). А въ первой четверти нынѣшняго столѣтія молодой крестьянскій парень привязалъ любовницу въ лѣсу къ березѣ и сѣкъ ее бичемъ до вырыванія мяса[2]). Въ г. Кузнецкѣ мѣщанинъ Плотниковъ, служившій кабацкимъ повѣреннымъ, въ сотрудничествѣ съ товарищемъ изъ крестьянъ, билъ сожительницу 18-лѣтнюю красивую дѣвицу Пырсикову въ продолженіе 3 часовъ съ перерывами только для собственнаго отдыха и выпивки при отдыхѣ. У умершей подъ бичемъ вся спина отъ головы до пятокъ представляла сплошь синебагровую изсѣченную массу безъ малѣйшаго мѣста, гдѣ было бы замѣтно тѣло въ его натуральномъ цвѣтѣ[3]). Въ 1829 г. горный рабочій билъ сожительницу въ банѣ кулакомъ и, когда она повалилась, взялъ банный деревянный „ожегъ", приставилъ его къ шеѣ лежащей и, навалившись на его тупой конецъ, острымъ—проткнулъ у любовницы горло[4]).

Обходимъ множество другихъ намъ извѣстныхъ примѣровъ въ томъ же родѣ. Не менѣе свирѣпо поступали съ мужьями или сожителями въ свою очередь и женщины. Въ 1772 г. молодая 17-лѣтняя женщина прехладнокровно, при самой потрясающей обстановкѣ, зарѣзала мужа-малолѣтка за то, что былъ малъ и невзраченъ[5]). Въ двухъ случаяхъ жены, желая отдѣлаться отъ постылыхъ мужей, облили ихъ во время сна, какъ бы нечаянно, кипяткомъ изъ цѣлаго чугуна или корчаги. Одинъ

[1]) „Томскій сынъ боярскій Ѳедоръ Протопоповъ". Изд. Кузнецова-Красноярскаго. Томскъ. 1891.
[2]) Арх. Том. Констор., дѣло по описи № 797.
[3]) Дѣло Том. Губ. Суда въ Арх. Губер. Правл., связка 82.
[4]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Дѣла по Канц. Главн. Начальника; въ столпѣ № 15.
[5]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Столпъ д. № 665.

изъ обваренныхъ умеръ послѣ страшныхъ мученій, другой выздоровѣлъ[1]). Въ 1834 г. найденъ былъ въ степи еще на тлѣвшихся угольяхъ, сучкахъ и корьѣ сгорѣвшимъ крестьян. Ординской волости дер. Красноярской Григорій Поламошновъ. Сгорѣлъ онъ живымъ или мертвымъ—осталось невыясненнымъ. Въ преступленіи односельчане обличали жену умершаго съ ея любовникомъ[2]).

Во всемъ этомъ удручающе-печальномъ изображеніи насъ поражаетъ сколько количество преступленій въ малонаселенной сторонѣ, столько же ихъ звѣрскій характеръ.

До какой степени звѣрства способенъ былъ доходить обыватель нашего края показываетъ между прочимъ такой фактъ. Крестьян. Чумышской вол. деревни Зыряновской осердился на своего сосѣда и, улучивъ время, когда послѣдняго дома не было, вошелъ на его дворъ и принялся истязать его лошадь. При истязаніяхъ проломилъ ее голову во многихъ мѣстахъ и, наконецъ, удавилъ возжами[3]).

Понятно, что въ нравственно-огрубѣвшей сферѣ и ужасное дѣло убійства человѣка не производило особаго смущенія. Къ убійству въ Томскомъ краѣ прошлаго времени, при частой повторяемости этого преступленія, привыкли, какъ къ заурядному происшествію, и потому относились къ нему сравнительно очень легко. Убивали изъ-за поломанной лопаты[4]), изъ побужденій самой мелкой злобы, изъ того, чтобы добыть нѣсколько копеекъ, не платить долгъ въ 10 или 15 руб.[5]). Вотъ обращики, съ какимъ хладнокровіемъ рѣшали бродягъ.—Въ деревню Мохнатый Логъ явился

---

[1]) Первый случай былъ въ дер. Малой Ояшской въ 1773 г. (Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 745), —второй въ дер. Завьяловой въ 1800 г. Бердскаго прихода. Арх. Том. Конс. по описи № 255.

[2]) Арх. К.-В. Горн. Нач. Дѣло 1834 г.

[3]) Связка дѣлъ Колыванскаго Горн. вѣдомства подъ заглавіемъ „Частныя происшествія за 1834—1835 г."

[4]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., дѣло за 1753 г., въ столпѣ № 206.

[5]) Тамъ-же; дѣло за 1771 г. въ столпѣ д. № 745. Сн. Фалькъ. Собр. Учен. Путеш. т. VI, стр. 425—426.

для сбора милостыни бродяга, извѣстный въ окрестности подъ именемъ Василія Родименькаго. А предъ этимъ только лишь выѣхалъ изъ названной деревни прапорщикъ Сіонинъ, которому, между прочимъ, поручено было заводскимъ начальствомъ розыскивать и забирать бѣглецовъ. Родименькій хотѣлъ остановиться на квартирѣ въ домѣ крестьянъ Шелковниковыхъ. Послѣдніе хлѣба бродягѣ дали, но въ постоѣ отказали, сказавъ, что нынѣ „съ бѣглыми строго" и принимать ихъ „стало отъ начальства опасно". Родименькій вышелъ изъ поселка. Крестьяне остались, однако, неспокойны. Они подумали, что ушедшій непремѣнно попадется Сіонину и послѣ того ихъ будутъ судить за пристанодержательство. Шелковниковы, Власовы и др. кинулись за Родименькимъ, нагнали, остановили и пристрѣлили, а тѣло упрятали въ оврагѣ[1]).

Въ 1833 году пришли къ Барнаулу бѣглые изъ Иркутской каторги, бывшіе рабочіе Ново-Павловскаго завода Иванъ Чумовъ и Ѳедоръ Ильиныхъ и, скитаясь, забрели въ деревню Боровикову (Шадринской волости), гдѣ остановились у крестьянъ Плесковскихъ, своихъ давнихъ пріятелей. Плесковскіе бродягъ приняли, позволили имъ попариться въ банѣ, накормили, напоили и, повидимому, отпустили съ миромъ. Бродяги взяли лодку у перевоза, чтобы переправиться на др. сторону Оби. Но лишь отплыли отъ берега, какъ одинъ изъ Плесковскихъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ дальнебойнаго ружья. Ильиныхъ повалился въ воду, несомнѣнно, мертвымъ. Чумовъ кое какъ на лодкѣ ускользнулъ[2]).

Убійство бродяги Ильиныхъ произошло въ 1834 году. Въ этомъ же году въ дер. Бобровкѣ (Бѣлоярской вол.) обывательница Екатерина Бѣлкина заявила, что въ домъ ея приплелся, обливаясь кровью, крестьянскій сынъ Дмитрій Забабуринъ. По заявленію, Забабуринъ былъ освидѣтельство-

[1]) Арх. Том. Д. Конс. Дѣло по описи № 962 за 1820 годъ.

[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач.; связка дѣла съ заглавіемъ: Частныя происшествія за 1834—1835 г.

ванъ. У него оказалась глубокая и опасная рана на головѣ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило, что раненаго „сѣкла топоромъ его сестра Аксинья, боясь, что онъ выскажетъ родителямъ ея любовную связь съ парнемъ Алексѣемъ“[1]). Въ 1822 г. въ Барнаульской военно-судной комиссіи производилось дѣло о зарѣзаніи салаирскимъ бергайеромъ Лукіяновымъ 6-лѣтняго ребенка въ Кузнецкомъ уѣздѣ. Подробности этого вопіющаго дѣла намъ неизвѣстны[2]). Но вотъ какъ въ 1833 г. убилъ 14-лѣтняго мальчика горный рабочій Кедровъ. Кедровъ ѣхалъ въ Зыряновскій рудникъ на казенной подводѣ. Лошадью правилъ мальчикъ изъ дер. Снегиревой. Подводчикъ торопилъ коня, а рабочій требовалъ, чтобы ѣхалъ тише, такъ какъ ему нужно было раскурить трубку. Молодой ямщикъ не слушался. Кедровъ остервенѣлъ, схватилъ возжи, остановилъ лошадь и сначала оттрепалъ возницу за волосы, а потомъ, пришедъ еще въ большій азартъ, удавилъ чрезсѣдельникомъ[3]).

До какой степени преступленіе убійства въ нашей странѣ было часто, объ этомъ довольно ярко свидѣтельствуетъ вѣдомость о количествѣ найденныхъ тѣлъ, веденная въ Барнаульской горной канцеляріи за 1834 г. Въ продолженіе этого года всѣхъ тѣлъ, найденныхъ въ степяхъ и по рр. Оби, Алею и Катуни, въ районѣ нынѣшнихъ Барнаульскаго и Бійскаго округовъ, было поднято болѣе 50. Изъ нихъ 6 тѣлъ принадлежали „опивцамъ“, остальныя—людямъ, погибшимъ насильственною смертію. Случаи скоропостижно-умершихъ изъ указанной цифры нами изъяты)[4].

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Опись дѣлъ Военно-Судной коммиссіи отъ 1812 по 1829 г. Въ Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач.

[3]) Дѣло Колыванскаго вѣдомства за 1833. Кедровъ, нужно замѣтить, много разъ состоялъ подъ судомъ и прежде. За преступленіе убійства малолѣтняго онъ былъ наказанъ 80 ударами кнутомъ и ссылкою въ каторгу вѣчно.

[4]) Дѣло по канцеляріи главнаго начальника Горн. вѣдоства 1834 г. № 31.

Условія жизни въ угрюмой и холодной странѣ, среди лѣсовъ, болотъ и степей, сдѣлали сибиряка—томскаго крестьянина сосредоточеннымъ въ себѣ, молчаливымъ и угрюмымъ.

Постоянное оглядываніе по сторонамъ на опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ выработали въ томичѣ-старожилѣ смѣтливость, но съ нею хитрость и затаенность. Въ здѣшнемъ крестьянствѣ едва-ли найдутся типы такихъ задушевныхъ простачковъ, какіе часто встрѣчаемъ въ центральной Россіи и какіе такъ правдиво, любовно и художественно воспроизведены въ произведеніяхъ Тургенева и Толстого.

Постоянная борьба съ дикой и суровой природой выработала въ томскомъ простолюдинѣ сильный, крѣпкій организмъ, выносливый въ какой угодно работѣ и, безспорно, жизнеспособный. Но духовной стороной въ жизни и бытѣ томича въ прежнее время не занимался никто. И удивительно-ли, что на далекой окраинѣ нашего отечества русскій человѣкъ такъ сильно огрубѣлъ.

Разумѣется, чрезвычайно желательно, чтобы образованные люди научили томскаго крестьянина, какъ лучше, прибыльнѣе и раціональнѣе онъ могъ бы поставить свое сельское хозяйство. Но заботы объ экономическихъ и хозяйственныхъ его интересахъ должны идти рядомъ съ заботливостію на другой счетъ.

Старые нравственные недуги въ томской деревнѣ еще не исчезли.

Нужно приподнять и духовную, моральную сторону въ жизни, въ настроеніи томскаго деревенскаго обывателя.

Томичу-крестьянину нужно вручить вмѣсто прежней примитивной сохи современный усовершенствованный плугъ. Для него желательно устроить образцовую сельско-хозяйственную ферму. Но, кромѣ того, ему необходимы церковь съ добрымъ, учительнымъ пастыремъ и хорошо поставленная школа.

СПИСОКЪ

населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

ТОМСКІЙ УѢЗДЪ.

Томскій уѣздъ начало свое имѣетъ отъ устья рѣки Чулыму вверхъ по теченію онаго по лѣвому берегу до самыхъ вершинъ Бѣлаго Юса—отъ вершины Бѣлаго Юса по черни прямо до вершинъ рѣчки Промышленной; отъ вершинъ оной по правому берегу до ея устья,—отъ онаго устья внизъ по рѣчкѣ Томѣ (sic) по правому берегу до устья рѣчки Лебяжьей;—отъ устья Лебяжьей по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины-жъ рѣчки Тугучинъ,—отъ вершинъ Тугучина прямо на вершины рѣчки Бугатакъ,—отъ вершинъ Бугатака по правому берегу до ея устья. Отъ онаго устья на NW 80 градусовъ прямо на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста по лѣвому берегу вверхъ до вершинъ р. Оми;—отъ вершинъ Оми прямо на устье р. Чулыма.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Томскъ.*

Неприписныя къ заводамъ селенія:

Юрты по Чулыму:

Мужаданскія.
Мериновы.
Курлегачевы.
Семеновы.
Тетеевы.
Кургаевы.
Ангулинскія.
Тызрачевы.
Ерошкины.
Сектины.
Кулбеняковы.
Балагачевы.
Технечевы.
Игнековы.

Усть-Куланачевы.
Укдановы.
Табакаевы.
Чибынскія.
Чарочкины.
Село Чердацкое.
Юрты: Меняковы.
Моегачевы.
Куругачевы.
Барганскія.
Кареминскія.
Тызырачевы.
Акбашевы.
Вершинины.
Село Тутальское.
Юрты: Есауловы.
Тубзинскія.
Скоблины.
Тутальскія.
Быштаковы.
Тумачаковы.
Балдуковы.
Келчековы.
Протошныя.
Басмановы.
Подкаменны.
Усть-Кемчукскія.
Юрцалы.

Юрты по рр. Оби и Томи:

Чебанскія.
Соровскія верхнія.
Соровскія нижнія.
Анбарцовы.
Испечековы.
Бровскія среднія.
Бровскія большія.
Арышкины.
Каушпаны.
Тогулины.
Кайбасовы.
Кызырбацкія.
Тызырачевы.
Соргулины.
Салтанаковы.
Горбуновы.
Кармышаковы.
Балзанаковы.
Калманаковы.
Саргатскія.
Канаевы.
Бабаевы при Таганѣ.
Каштатскія.
Кыжирскія.
Тигильдѣвы.
Бабаевы.
Таганскія.
Еуштинскія.
Братовы.
Черны.
Барабины.
Казанскія.
Калтайскія.
Костиновы.

Юрты по рѣкѣ Яѣ:

Тартыновы.
Азачаковы.
Котуровы.
Бешкеневы и Кандаловы.

Юрты по рѣчкѣ Инѣ:

Чанжинскія.
Калеутскія.
Каятскія.
Байгаловы.
Булыгачевы.
Барабины.
Подаицкія.

Деревни:

Чагина при рѣчкѣ Мал. Шегаркѣ.
Селиванова.
Енгинская при рч. Ингѣ.
Монастырская при рч. Шегаркѣ.
Иллигечева при рч. Шегаркѣ.
Терсъ-Елгай при рч. Баксѣ.
Козюлина на р. Томи.
Кругликова при устьѣ Иксы.
Мала-Киргизка при рч. М. Киргизкѣ.
Немирова.
Еркина.
Перникина.
Софьянова (sic).
Шульбина.
Терехина при рч. Сосновкѣ.
Каленова при рч. Щербачихѣ.
Халдѣева при рч. Майганѣ.
Калиничева.
Ершова.
Колыонская при рч. Колыонѣ.
Маркина.
Пещанская при рч. Пещанкѣ.
Почитанская при рч. Почитанкѣ.
Беркунская (Берикульская?).
Подъельнична при рч. Антибесѣ.
У(А?)нтибесская при рч. Антибесѣ.
Саргылакова.
Чубулинская на рч. Чубулѣ.
Станецъ Сусловъ при рч. Сусловой.
Станецъ Итатъ при рч. Итаткѣ.
Станецъ Катать.
Станецъ Боже.

Села и деревни, въ коихъ живутъ Красноярскіе и Енисейскіе крестьяне:

Село Краснорѣчинское.
Село Боготольское.
Слоб. Косульская при рч. Косуль.
Станецъ Тежинской на рк. Тежинъ.
Село Подсосенское.
Деревни: Скоробочатова.
Селеткова.
Курбатова.
Порнова.
Ильтягова.
Придчина.
Якушева.
Корелина.
Инышская.
Село Бораицкое.
Ярцальское.
Щербакова.
Альтацкая.
Дорохова.

Тресуча.
Еловская.
Мосина.
Фирсова.
Атаманова на рч. Журѣ.
Бѣлоярска.
Мариловцова.
Село Назаровское.
Село Шереинское.
дер. Ярлыкова.
Селеткова.

Приписныя къ заводамъ Томскаго вѣдомства деревни:

Асталцова.
Астраханцова при Оби.
Аргашева.
Анисимова.
Алтацкая.
Бахметева.
Быкова.
Бубеннова.
Березкина.
Бѣлобородова.
Бедрина при рч. Киргизкѣ.
Бедрина на рк. Яѣ.
Бадашкова при Киргизкѣ.
Бадашкова на рч. Ушайкѣ.
Бурнашева при рк. Яѣ.
Баранцова при рч. Китатѣ.
Бабарыкина на рч. Шегаркѣ.
Брагина.
Былина при устьѣ Шегарки.
Баинска.
Барсуцкая.
Село Богородское.
Дер. Баткацкая.
Былина при Оби.
Боровина.
Боровская, она-жъ Позднякова на Борку.
Брашкина, она-же Голяшихина.
Барацкая.
Барцова при рч. Канарбугѣ.
Батурина.
Великосельская при рч. Ташмѣ.
Воронова, она-же Воронина, при Басандайкѣ.
Воронина при рч. Каменкѣ.
Васильева, она-же Еремина.
Воронина при рк. Яѣ.
Гынгазова на рч. Шегаркѣ.
Губина.
Голяшева.
Дорохова при рк. Яѣ.
Десятова при Болотѣ.
Дорохова при Чулымѣ.
Дѣева--Куташово (?).
Доманевская на рч. Ушайкѣ.
Деманова.
Елгайская.
Евтюшина.
Ерлыкова.
Егловская.
Егорова.
Жданова.
Жирова.
Жаркова.
Жуковская.
С. Зырянское.

Дер. Зеркальцова.
Заварзина.
Завьялова.
Исчимская.
Иштанская на Томи.
Иконникова.
Иштанска при Шегаркѣ.
Итацкая.
Копылова.
Коломина при Оби.
Коломина при Запоросѣ.
Кускова.
Кулаковская.
Корнилова.
Каргалимская.
Крухлыхина.
Каштацка.
Кузнецова.
Кудрова.
Кузовлева.
Келдецкая.
Колмогорова.
Кункина.
Каникина.
Курскова вверхъ рч. Топкой.
Красноярская.
Кашпорова.
Курлякова.
Корноухова.
Кривошеина.
Копьева.
Кійское село.
Дер. Кислова при Яѣ.
Кислова при Черной.
Калишкина, она же Калмакова.
Карасева.
Кругликова.
Кускова при рѣч. Топкой.
Коломина при рч. Черной.
Карбышева.
Крестинина.
Кускова на рч. Бол. Киргизкѣ.
Кожевникова.
Лаврова.
Лагунова.
Лязгина.
Лошкутова.
Мангазеева.
Мазульская при Чулымѣ.
Маркелова.
Михайлова.
Молчанова.
Малкина, она же Першина.
Меньшикова.
Мурашкина.
Мазулова при Китатѣ.
Мулелавинска.
Нелюбина.
Николаевское село.
Дер. Нехорошева.
Осипова.
Попадейкина.
Протопопова.
Постникова.
Плотникова при рч. Бобровкѣ.
Петрова при Бурундуковской протокѣ.
Подломская.
Поздникова на рч. Шегаркѣ.
Пушкарева.
Пичугина.
Плотникова при р. Мал. Ушайкѣ.

Петрова при Запоросѣ.
Поповичева она-же Медвѣдкова.
Пичугина при Баскѣ.
Рыбалова при Шегаркѣ.
Рыбалова при Запоросѣ.
Родіонова.
Рыльцова, она-же Карышева.
Сѣченова нижняя.
Сѣченова верхняя.
Семилужна.
С. Семилужное.
д. Софронова.
С. Спасское на Яѣ.
д. Сергѣева.
Ставскова при Шегаркѣ.
Селиванова.
С. Сережное.
Суслова.
Степанова она-же Жукова при Шегаркѣ.
Савина.
Сурова.
Соснова.
Трубачева.
Тарахлинская.
Тойлуска (?).
Тюпаргинска.
С. Троицкое.
д. Турунтаева.
Тюменцева.
Ундебеска.
Филиппова.
Хайдурова.
Цыганова.
Черепанова.
Чадрина она-же Петлина.
Чаркина.
Чернильщикова.
Четкаринска.
Шумилова.
Ювалинска при Шегаркѣ.
Юрьева.
Щеголева.
Яковлева.

Сосновскаго вѣдомства деревни:

Басарева.
Просѣкина.
Аникина.
Болтовская она-же Лучанска.
Ипатова.
С. Спасское на Томи.
д. Батурина на Томи.
Ларина.
Вершинина на Томи.
С. Ярское.
Каптанчикова.
Кондинска.
Смоконина.
Магадаево.
Протасова.
Петухова.
Воронова.
Бѣлоусова.
Аксенова.
Конева.
Суранова.
Манойлова.
Косогорова.
Черна.

Кондинска.
Кожевникова.
Алаева.
Варюхина.
С. Зеледѣево.
д. Чернышева.
Мальцова.
Томилова.
Лебедева.
Лукина.
Алабугина.
Шелковникова.
Елгина.
Троицка.
Проскокова.
Чахлова.
Боровая.
Асанова.
Татаринова.
Гуляева, она-же Голяшева.
Таскаева.
Елбацкая.
Колтычацкая.
Нижне-Ачинска.
Костентинова.
Усть-Сосновская.
Килина.
Воронина.
Острогъ Сосновскій.
д. Курдюкова.
Скороходова.
Пашкова.
Березовка.
Воротникова.
С. Иткаринское.
д. Саламатова.
С. Кулаково.
Гутова при рч. Стрѣльной.
Мохова.
Поламошнова.
Бобровска.
Истомина.
Маркина.
Ботина.
Балахнина.
Болтовская при Сосновкѣ.
Тарабыкина.
Романова.
Чиркова.
Шубкина.
Мангулова.
Литвинова.
Корчуганова.
Маянова.
С. Пачинское.

Чаусскаго вѣдомства деревни:

Софронова.
Аркатьева.
С. Кожевниково.
Острогъ Уртамскій.
Воронова.
Екимова и Еловка.

КУЗНЕЦКІЙ УѢЗДЪ.

Кузнецкій уѣздъ начинается отъ Китайской границы, проходящей чрезъ р. Чулышманъ,—отъ коего мѣста по правому берегу р. Чулышмана до ея устья;—отъ устья Чулышмана посрединѣ Телецкова озера на устье рѣки Біи;—отъ устья Біи по правому берегу до форпоста Сандыбскаго;—отъ форпоста Сандыбскаго по линіи чрезъ маяки Нижній Ненинскій, Уранскій, Караконскій, Верхне-Ненинскій до маяка Поштылинскаго (со включеніемъ военныхъ маяковъ и форпоста въ Барнаульскій уѣздъ);—отъ маяка Пыштылинскаго по правому берегу р. Пыштылы до ея устья;—отъ онаго устья по правому берегу рч. Сары-Чумыша до ея устья;—отъ онаго устья вверхъ по правому берегу Чумыша и Томь-Чумыша до ея вершинъ;—отъ вершины Томь-Чумыша посрединѣ черни на вершины рч. Елбаша;—отъ вершинъ рч. Елбаша до ея устья;—отъ онаго устья вверхъ по Бердѣ по ея лѣвому берегу до устья р. Кинтерепъ,—отъ устья Кинтерепа по лѣвому берегу до вершинъ;—отъ оныхъ вершинъ на вершины рѣчки Малыя Изылы. И по оной рѣкѣ по правому берегу до ея устья; отъ онаго устья внизъ по правому берегу Ини до устья рч. Тугучинъ.—Отъ устья Тугучина по лѣвому берегу до ея вершинъ,—отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Лебяжьей;—отъ оныхъ вершинъ по правому берегу до самаго ея устья. Отъ устья Лебяжьей вверхъ по лѣвому берегу Томи рѣки до устья рч. Промышленной;—отъ устья оной рѣчки по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ онаго мѣста по черни на вершины Бѣлаго Юса;—отъ вершинъ Б. Юса по правому берегу до дер. Барайцкой;—отъ онаго мѣста прямо на р. Енисей противъ устья рч. Кулукъ;—отъ онаго мѣста вверхъ по лѣвому берегу рк. Енисея до Китайской границы. По Китайской границѣ до р. Чулышмана.

Въ оный уѣздъ входятъ слѣдующія селенія:

Городъ *Кузнецкъ*.

Заводъ Томской.

Форпостъ Куздѣевскій.

Маяки: Сары-Чумышскій.

Кандалетной.

Таштыскій пограничной караулъ.

Абаканскій пограничный караулъ

Два на Китайской границѣ трактовыхъ знака:

Знакъ, на которомъ поставленъ крестъ, а съ Китайской стороны каменья, гдѣ съѣзжаются съ обѣихъ сторонъ караулы.

Юрты:

Сары-Чумышскія.
Куздѣевскія.
Калтакскія.
Келетскія.
Чюлскія.
Сосновскія.
Идибскія.
Тогульскія.
Терлегинскія.
Протошны.
Тарбагановы.
Телегутскія.
Давидкины.
Ускатскія.
Шапгиндскія.
Толмовинскія.
Бочацкія.
Чююлхаевы.
Черхинскія.
Юрскія.
Каралдинскія.
Васькины.
Тарадановы.

С. Рождественское.

Деревни:

Бабанакова.
Наумова.
Тарасова.

Юрты:

Курчуганскія.
Бородины.
Мозжухины.
Стрѣльны.
Искитимскія.
Бабышевы.

Деревни:

Каменская.
Крылова.
Монастырская.
Бубенкова.
Глазкова.
Колмакова.
Калдинская.
Копылова при рч. Колбихѣ.
Громатуха.
Ямна при рч. Ямной.
Косогорова.
Толстовска.
Шубина.

Наумова при рч. Писаной.
Усть-Глубока.
Терехина.
Чернова.

Деревни на Чулымѣ:

Корелина.
Свѣтлолюбова.
Легостаева.
Ербинска.
Копены.
Тѣсинская.

И всѣ живущіе кочующіе отъ дер. Бараицкой до Китайской границы по лѣвому берегу р. Енисея и по обѣимъ сторонамъ Абакана и по впадающимъ въ оный рѣкамъ ясашные.

Приписныя къ заводамъ Сосновскаго вѣдомства деревни:

Елгина.
Басалаева при рч. Лебяжьей.
Тимонова.
Безменова при рч. Лебяжьей.
Шитикова.
Бжицкова.
Елфимова при рч. Сосновкѣ.
Верхняя Ачинска.
Корнилова.
Асанова.
Анкудинова.
Пяткова.
Тутальская (Тала).
Усть-Искитимская.
Попова.
Тальменька.
Зырянска.
Поперечный Искитимъ.
Бѣлянина.
Хорошеборска.
Ишкепова.
Медынина при Стрѣльной.
Писана рѣчка.
Ерофѣева.
Усть-Стрѣльна.
Подъдьякова на р. Томи.
Ребикова при рч. Стрѣльной.
Крекова на р. Томи.
Балахнина.
Острогъ Верхотомскій.
Боровушка.
Евсевьева.
Мозжухина при рч. Мозжухѣ.
Немирова.
Куру-Искитимска при рч. Камышной.
Плѣшкова при рч. Уньгѣ.
Камышенка.
Попова.
Салтыкова.
Бородина.
Красноярская.
Сухова на Томи.
Ерыкалова при рч. Горкиной.
Березовка при Томи.
Червева при Томи.
Смольина.
Червева при рч. Ляпкѣ.
Кобылина на Томи и рч. Березовой.

Шумиха.
Шепелева.
Чернова.
Сарапкина.
Колычева при сѣв. Уньгѣ.
Титова.
Антипина.
Пинигина при рч. Сѣв. Уньгѣ.
Корнилова.
Муручацкая при рч. Мурyчакѣ.
Ваганова.
Корчуганска.
Бормотова при Истокѣ.
Калтиракъ.
Макрушина.
Гутова при рч. Тарсьмѣ.
Гагарина.
Каурацка.
Аксенова.
Бархотова.
Кокуй при Пашенной.
Боровушка.
С. Сосново.
Ключевская.
Лукошкина.
Березова при р. Инѣ.
Коткова.
Абышева.
Васькова.
Титова при Инѣ и рч. Бормотушкѣ.
Усть-Тарсминска.
Бормотова при Тарсьмѣ.
Окунева.
Бѣлкина.
Лебедева.
Соломина.
Ишпекова верхняя.
Каменька нижняя.
Мостова.
Кузнецова.
Чащина.
Каменька верхняя.
Глубокая при Глубокой.
Нова-Абышева.
Ѳедорова.
Калягина при рч. Мал. Изылы.
Нова-Изылинска.
Саламатова при рч. М. Изылы.
Сухострѣлова.
Кускова.
Шицкая.
Кусменска.
Танакова.
Русакова.
Тогучинска при Инѣ и Тогучинѣ.

Кузнецкаго вѣдомства деревни:

Ошмарина.
Атаманова на Томи.
Антонова.
Анисимова.
Аѳонина.
Артышкинска при Артышкѣ.
Арсенова при р. Мунгатѣ.
Букина.
Боровская.
Бедарева.
Бурлукова.
Березова при р. Томи.

Бунгурская при Бунгурѣ.
Баиканмская при Инѣ.
Боярацка, она-же Миронова.
Брюханова.
Бѣлова.
Борисова.
Бердюгина.
Борочацкая.
Березова при р. Чумышѣ.
С. Бочацкое.
д. Горскина.
Дроченина.
Долгополова.
Нижн. Дроченина.
Егозова при Егозѣ.
Еремѣева.
Евтина при Инѣ.
Нова-Егозова.
Зенкова.
Звонкова.
Ильинское село.
Иганина при рч. Усть-Катѣ.
Инченкова.
Иганина при Чумышѣ.
Куртукова.
Калтанская.
Карпова.
Козанкова.
Красулина.
Карагайлинская при рч. Карагайлѣ.
Котина.
Костенкова.
Калачева.
Караканская.
Коновалова.
Колмогорова.
Конева.
Колчугина при Инѣ.
Коровина.
Калинина.
Камышлинская при Инѣ и рч. Камыслѣ.
Кыргынцова.
Крапивина.
Кулебакина.
Лутчева при Шарапѣ.
Митина.
Мерецкая при Инѣ.
Морозова.
Мухосранова при рч. Касьмѣ.
Мохова.
Максимова.
Мунгатскій станецъ.
Минчеретская.
Мокроусова.
Недорѣзова.
Нова Протока, она-же Безрукова.
Пучеглазова при Кондомѣ.
Подабаская.
Поморцова.
Стара-Пестерева.
Полысаева при Инѣ.
Протопопова.
Портнягина.
Нова-Пестерева.
Панфилова.
Салтыкова.
Семенова при Томи.
Сидорова на Томи.
Соколова.

Софронова.
Сидоренкова.
Сапогова.
Сарапская при Уньгѣ.
Семенова.
Тихонова.
Терешкина.
Талдинская.
Терентьева.
Рѣкина (?).
Тарабарина при Инѣ.
Усятская.
Уропская.
Ушакова.
Уфинцова.
Урская.
Устюженина.
Хмѣлева.
Чичирбаева при Усть-Катѣ.
Черепанова.
Черкасова.
Чесноковска.
Черданцова.
Верхъ-Чумышска.
Шерабская при Шарапѣ.
Шерохова.
Шибанова при Касьмѣ.

БАРНАУЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Барнаульскій уѣздъ начинается выше крѣпости Усть-Каменогорской отъ Китайской границы внизъ по Иртышу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея);—отъ крѣпости Ямышевской прямо на большое озеро Кулундинское и посрединѣ онаго на устье рч. Кулунды;—отъ устья Кулунды по лѣвому берегу до ея вершинъ,—отъ оныхъ на вершины рч. Кучюка.—Отъ вершины оной по правому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устье рѣчки Ини. Отъ устья рч. Ини по лѣвому берегу ея до ея вершинъ;—отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Талицы и по правому берегу до ея устья;—отъ устья ея вверхъ по рѣкѣ Бердѣ по лѣвому ея берегу до устья рч. Елбашъ;—отсюда посрединѣ черни до вершинъ р. Томь-Чумыша;—отъ ея вершинъ по правому ея берегу и по Чумышу до устья Сары-Чумыша;—отъ устья Сары-Чумыша до устья рѣки Пыштылы,—отъ устья Пыштылы до ея вершинъ и до маяка Пыштылинскаго—и отъ онаго по линіи чрезъ маяки Верхъ-Ненинской до форпоста Сандыбскаго. Отъ Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣки Біи и посрединѣ Телецкаго озера,—и отъ онаго до Китайской границы по лѣвому берегу рк. Чулышмана, и отъ Чулышмана по Китайской границѣ до рѣки Иртыша.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Барнаулъ*, въ коемъ имѣется заводъ Барнаульскій.

Заводы: Новопавловскій.

Алейскій.

Прежде бывшіе заводы: Колыванскій.

Шульбинскій.

Рудники: Змѣиногорскій, Семеновскій и всѣ находящіеся въономъ уѣздѣ рудники и пріиски.

Крѣпости:—Ямышевская.

Старо-Семипалатная.

Ново-Семипалатная.

Усть-Каменогорская.

Ануйская.

Катунская.

Бійская.

Форпосты:—Лебяжій.

Семиярскій.

Долонскій.

Талицкій.

Шульбинскій.

Убинскій.
Красноярскій.
Ново-Алейскій.
Тигирецкій.
Чарышскій.
Казанской Б. Матери.
Св. Антонія.
Сандыбскій.
Защиты: Бобровская.
Верхъ-Убинская.
Плоская.
Верхъ-Бѣлорѣцка.
Тулатинска.
Маралихинская.
Кабановская.
Терская.
Станцы: Черной.
Подпускной.
Кривой.
Грачевскій.
Черемховой.
Бѣлый Камень.
Глухой.
Озерной.
Пьяно-Ярскій.
Барышевскій.
Уваровскій.
Маяки: Ключевскій.
Яровой.
Сосновскій.
Слюденскій.
Николаевскій.
Бехтемирской.
Новиковской.
Лебяжій.
Саклатской.
Нижне-Ненинской.
Курунскій.
Караканскій.
Верхъ-Ненинской.
Пыштылинской.
Редутъ Секисовскій.

Сверхъ сихъ (военныхъ), неприписныхъ къ заводамъ селеній, пильная мельница Линейной команды при р. Иртышѣ.

Деревни:

Мельнична.
Старо-Алейска.
Екатерининска.
Плосская.
Ново-Алейская.
Шеманаихинская.
Красноярская на Убѣ.
Убинская.
Выдриха.
Верхъ-Убинска.
Большерѣцкая.
Зевакина.
Березовка.
Красноярская.
Секисовка.
Бобровская.
Глубокая.
Прапорщикова.
Ульбинская.
Сколовская усадьба.
Чесноковка.
Петропавловская при Ануѣ.
Верхне-Ануйская.
Иконникова.

Нижне-Чемвровска.
Верхне-Чемвровска.
Марушна.
Ненинска.
Карабинска.
Елцовка.
Ажинская при Біи.
Пристань Усть-Чарышская.
С. Смоленской Богоматери.
С. Енисейское.

Юрты:

Балгаштинскія.
Тастагаевы.
Чумышскія.
Олонцовы.
Тагапскія.
Каменскія.
Тарадинскія.
Бедрецкія (?).

Маскины и всѣ выше форпоста Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣки Біи и озера Телецкаго и р. Чулышману до Китайской границы кочующіе народы.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Бѣлоярскаго:

С. Бѣлоярская слобода.
Деревни: Баженова.
Баюнова.
Бобровская.
Боравлянская.
Бельмесева.
Барнаульска.
Быкова.
Барсукова.
Безпалова при Чумышѣ.
Боброва.
Безбожна при Чумышѣ.
Блядунова.
Безпалова вверхъ Чумышска.
Боровая.
Бедарева.
Бешенцова.
Болвашкина при оз. Зерцалѣ.
Больше-рѣчинская.
Выползова.
Воронина.
Виданова, она-же Красилова.
Власихина заимка.
Гусельникова при Чумышѣ.
Глушинская при озерѣ.
Гоношихинска.
Голубцова.
Гонбина.
Глушихинская при Чумышѣ.
Новодраченина.
Данилова.
Дрянпая.
Дмитрева.
Думчева.
Дранишникова.
Драченина стара.
Драченина средняя.
Давыдовъ Логъ.
Евдокимова—Титова.
Еловка.
Ересна.
Елунина.
Жилина.
Зудилова.

Заковряшина.
Зайцова.
Забродина.
Заплывина при Чумышѣ.
Залѣсова при Журавлихѣ.
Зырянова.
Зубоскалова.
Закурдаева.
Ирбинская.
Инюшева.
Нова Инюшева.
Ировская, она-же Усть-Чумышская.
Казанка.
Красилова при Каменкѣ.
Копылова при Оби.
Клюева.
Климина.
Косиха.
Конташина.
Карматская.
Кислуха.
Кунгурова.
Куликова.
Кашкарагаиха.
Крайчикова на Чумышѣ.
Койнова.
Ново-Красилова.
Старо-Красилова.
Средняя-Красилова.
Крайчикова при Кашкарагаихѣ.
Большая Кокуйска.
Малая Кокуйска.
С. Космалинское, оне-же Прижимова.
д. Китманова.
Китова.
Кяхта при Сугналаѣ.
Коренева.
Ново-Камышенка.
Каргаполова.
Калиновка.
Луговая.
Ларіонова.
Лушникова.
Литвинова, она-же Юлыбердь.
Лаврентьева.
Легачева.
Мылникова.
Макарова.
Малахова.
Мартынова.
Моношкина.
Ново-Макарова.
Никонова, она-же Шляпова.
Наумова.
Ногина на Чумышѣ.
Огурцова.
Овчинникова.
Окулова на р. Чумышѣ.
Оплеухина на р. Чумышѣ.
Озерная на Тальменскомъ волоку.
Озерна Титова.
Переборна.
Нова-Пердунова на рч. Тальменькѣ.
Пустынька.
Панфилова.
Пещаная.
Повалихинская.
Погорѣльска на Чумышѣ.
Старо-Пердунова при Чумышѣ.

Нова-Повалиха.
Петрушиха.
Романова.
Разсказиха при Оби.
Рагозиха.
Рѣчкунова при Оби и рч. Телеуткѣ.
Санникова при рч. Лосихѣ.
Сорокина.
Совина, она-же Зимина.
Середчиха.
Верхне-Тогульская.
Токарева.
Таскаева при р. Чумышѣ.
Тарабинска.
С. Тальменское.
д. Тогульская.
Талица.
Больше-Уксунайская.
Усова.
Мала-Уксунайская.
Фирсова при Лосихѣ.
Фунтикова.
Филиппова.
Хорькова.
Чесноковка.
Чернопятова.
Черемна-Подгорная.
Черемушкина при Талицѣ.
Шилова.
Шадрина при Бобровкѣ.
Шипицина на Чумышѣ.
Шишкина.
Шадринцова.
Шатунова при р. Крутихѣ.
Шмакова.
Шилова при Калманкѣ.
Язова на Чумышѣ.

Деревни Красноярскаго вѣдомства:

Алейская.
Усть-Алейская.
Ново-Алейская.
Буранова.
Буткина.
Безголосова.
Быкова.
Бестужева.
Бобкова, она-же Калбиха.
Бѣлова.
Боровая.
Бѣлоглазова.
Воробьева.
Ганькина.
Гилева.
Елбанская.
Ельцовска.
Усть-Ермилихинская.
Журавлихинская.
Зимина.
Каллистратова на озерѣ Козьминѣ.
Калманская.
Красноярская при рч. Чарышѣ.
Усть-Калманская при Чарышѣ.
Защита Кабановская.
С. Кособоково при Чумышѣ.
С. Кашино при Алеѣ.
д. Кабанова.
Качусова при Чарышѣ.

Краснощекова.
Карпова.
Курьинская.
Красноярская при Алеѣ.
Карбалихинская.
Каплина заимка.
Каменка.
Карагужева.
Станецъ Луговскiй.
Метелева.
Маханова.
Нечюнаева при Алеѣ.
Новая Озерная.
Панюшева.
Станецъ Парфеновскiй.
Поразиха при Чарышѣ.
Поспѣлиха на рч. Пыстынькѣ.
Серебренникова.
Самсонова на рч. Самсоновкѣ.
Станецъ Савинскiй.
Тугозвонова.
Урюпина.
Усть-Янцева.
Фирсова.
Форафонова.
Хлопунова.
Харлова.
Нова Чакырская.
Усть-Чарышская.
Чистюньская.
Чюпина.
Чернодырова.
Шипунова при Алеѣ.
Шипунова при Космалѣ.
Широкова.

Деревни Бiйскаго вѣдомства:

Быстрый Истокъ.
Буланиха.
Больше-рѣцкая.
Бехтемирская.
Вяткина.
Дуплянска, она-же Брагина.
Замятина.
Завьялова.
Колонкова.
Камчатка.
Коломышская.
Комарова.
Клепикова при Оби.
Камышенка.
Легостаева на р. Оби.
Локтева.
Луговая при Оби.
Мартынова.
Мальцова при рч. Бехтемиркѣ.
Новая Орская.
Пещаная при рч. Пещаной.
Степной Чумышъ.
Соколова при Оби.
Салдатова.
Савинова.
Верхняя Соколова.
Тырышкина.
Тогульская.
Усятская.
Угренева Большая.
Угренева Малая.

Усть-Ануйская, она-же слобода Бійская.

Ѳоминская.

Черемшанска.

Шубенка.

Шелегина при Оби.

Шипунова при Оби.

Часть Малышевскаго вѣдомства,—деревни:

Суслова.

Шипунова при Касмалѣ ниже деревни Островной.

Островная.

Заимка Шелаболихинская.

Бѣлова при оз. Бѣломъ.

Панова.

Клочкова при рч. Боровлянкѣ.

Жаркова.

Овечкина.

Вылкова на рч. Кулундѣ.

Шарчина при Кулундѣ.

Куликова.

Усть-Мосиха при рч. Усть-Мосихѣ.

Кучукъ.

Шелаболиха.

Грамотина.

Нова-Обвинцова при Оби.

Пещаная при оз. Пещаномъ.

Боровикова.

Старо-Обвинцова при Оби.

Бердскаго вѣдомства деревни:

Карагужева.

Кошелева.

Лушникова.

Анисимова.

Литвинова.

Загайнова.

Шмакова.

Плешкова.

Лиственка при Улыбердѣ.

Безменова при Тальменкѣ.

Нова Пяткова.

Зимовье Ганюшкино.

Ново-Шмакова.

Огнева заимка.

Пенкова.

Барсукова.

Никонова.

Краскова.

Пайвина.

Маслянина.

Мамонова.

БУРЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Бурлинскій уѣздъ начинается отъ крѣпости Ямышевской прямо на Большое озеро Кулундинское и посрединѣ онаго на устье рч. Кулунды. Отъ устья Кулунды по правому берегу до ея вершинъ и отъ оныхъ на вершины рч. Кучука. Отъ вершины оной по лѣвому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устье рч. Ини.—Отъ устья Ини по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Талицы и по лѣвому ея берегу до ея устья. Отъ онаго устья вверхъ по рч. Берди по правому берегу до устья рч. Кинтеребъ;—отъ устья Кинтереба по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Малыя Изылы. Отъ вершинъ оной по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья внизъ по рч. Инѣ по лѣвому берегу до устья рч. Тугучинъ. Отъ устья Тугучина по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Бугатакъ. Отъ вершины Бугатака по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья прямо на NW—80 градусовъ на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста внизъ по теченію по лѣвому берегу до ея устья (со включеніемъ крѣпости Омской). Отъ устья Оми рѣки вверхъ по Иртышу рѣкѣ по правому берегу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея).

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Бурлинскъ*.
Заводъ Нижне-Сузунскій.
Крѣпости: Омская.
Желѣзинская.
Форпосты: Ачекрской.
Черлатскій.
Осморыжской.
Чернорѣтской.
Кореrовскій.
Усть-Тартасскій.
Каинскій.
Каргатскій.
Станцы: Узко-заОстровскій.
Кызылбашскій.
Соляной поворотъ.
Татарскій.
Урю-тюкъ.
Пято-Рыжской.

Пещанскій.
Черноярскій.
Под-Степной.

Деревни:

Бабеева.
Умревинская.
Орской почтовый станецъ.
Орская.
Крутые Лога.
Овчинникова.
Сектинская.
Иткульская.
Ярки.
Каякъ при Чулымѣ.
Каргатска Дуброва.
Падунская.
Карганская.
Убинская.
Еланска.
Колмаковская.
Кондусла.
Осиновы Колки.
Карачинская.
Сибирцова.
Тонтура.
Красноярская.
Щербакова.
Синянина.
Хомутинска.
Локоть.
Мало-Зотина.
Сыро-Пятская.
Большая Зотина.
Похабова.
Нова-Хобарова.
Милованова.
С. Покровское.

Юрты:

Абдалицкія.
Мыковскія.
Черномыскія.
Орскія.
Чюлымскія.
Каргатскія.
Карганскія.
Убинскія.
Абышенскія.
Кулчины.
Кызланскія.
Круголь.
Микишкины.
Ебышлы.
Тандовскія.
Саргоятскія.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Малышевскаго деревни:

Средне-Алеусская.
Антонова.
Алеусская при Алеусѣ.
Аллацкая при впад. Аллака въ Обь.
Андронова.
Алеусская верхняя.
Бѣлкова.
Боева.
Бѣлопухова при Аллакѣ.
Бѣлкина.
Батурова.

Бедрина при Бедринкѣ.
Волчья.
Высока Грива.
Гилева при озерѣ.
Гонохова.
Гунина.
Городищенска.
Горносталева.
Дресвянка.
Елбанская.
Зорина.
Инская.
Верхне-Идолова.
Нижне-Идолова.
Каргаполова.
Каменска при устьѣ рч. Суевки.
Костылева.
Кырзинска.
Крутишинска.
Корнилова.
Киприна.
Каменска нижняя.
Кротова.
Котлина.
Кокуй.
Конева.
Карасутская при Лешаковыхъ озерахъ.
Усть-Лукова.
Лушникова при рч. Сузунѣ.
Слобода Малышевская.
д. Молокова.
Малышева.
Малетина.
Милованова на Оби.
Масляшинская.
Усть-Меретская.
Мезенцова.
Новая Омутная.
Поротникова.
Панкрушиха.
Прослоушинска.
Подойникова.
Пушкарева.
Плотникова.
Кайлина.
Селезнева.
Соплячиха.
Столбовая.
Соколова.
Спирина.
Верхне-Суетинская.
Верхне-Сузунская.
Нижне-Сузунская.
Нижне-Суетинская.
Телеутская.
Тараданова.
Тюменцова.
Трубачева.
Черепанина.
Верхне-Чингизская.
Нижне-Чингизская.
Черемшанская.
Чюлымская.
Шандурова.
Яровская.

Бердскаго вѣдомства деревни:

Атаманова.
Артамонова.

Биткова.
Бердскій острогъ.
Бѣлова.
Бородавкина.
Бороздина.
Вылкова при Берди.
Вянина.
Гусельникова.
Горевская.
Гуселетова.
Гилева при Мильтюшѣ.
Дурашкина.
Дятлева.
Дѣвкина.
Верхне-Детлева при рч. Зырянкѣ.
Дорогина заимка.
Еремина.
Елунина.
Ельцовская.
Ересная.
Евсина.
Елбанская.
Завьялова.
Заковряшина.
Верхне-Ирменска.
Инская.
с. Ирменское.
д. Койнова.
Верхне-Кинтеребская.
Нижне-Кинтеребская.
Карбыкатская.
Карасева.
Коенская.
Верхне-Караканская.
Козиха.
Луговая при Ирменскомъ бору.
с. Легостаевское.
д. Локтевская.
Луговая.
Лушникова заимка.
Морозова.
Мостовая.
Медвѣцкая.
Мильтюшская.
Мышланова.
Макарова.
Малинина при Ирменѣ.
Ординская.
Пичугова.
Понкина.
Пименова.
Петухова.
Поперешна.
Сусѣдова.
Сосновская.
Таскаева при рч. Койнихѣ.
Тальменская.
Гулинская.
Темнова.
Улыбина при Мильтюшѣ.
Урюпина.
Ургунъ.
Харева, она-же Бурмистрова.
Хлопунова при Мильтюшѣ.
Харина.
Усть-Чёмская.
Черепанова при Инѣ.
Чернодырова при Берди и Черной.
Чупина при Мильтюшѣ.
Чупина при Бердѣ.
Шлепкова.

Шадрина.
Шипкова.
Шатунова при Бердѣ.
Шигаева.
Шипунова при рч. Нижній Сузунъ.
Шарчина.
Шарина, она-же Кречкунова.
Шарабска.
Шурыгина.
Ярска, она-же Красноярска.

Вѣдомства Чаусскаго деревни:

Аяшинская.
Анбинская.
Битоногова (?).
Бозойская.
Богатанская.
Бунькова.
Бугой.
Въюна.
Верткова при рч. Бол. Тулѣ.
Воробьева.
Вахрушева при Оешъ.
Воронова при Болотѣ.
Грязнуха.
Гутова при Оми (?).
Дубровина.
Ересная при рч. Ересной.
Ересная при рч. Тулѣ.
Ельцовка.
Изревинска при рч. Аяшѣ.
Изревинска при рч. Инѣ.
Усть-Инская.
Казакова.
Каменска при рк. Оби.
Андыкова.
Кайлинска.
Канабурская.
Кубавинска.
Каменская при рч. Каменкѣ.
Кривошапкина.
С. Кривощеково.
Мало-Кривощеково.
Криводанова.
Коткова.
С. Крохалевское.
Киселева при рч. Оешъ.
Козина.
Киселева при рч. Оми.
Кичигина.
Локтевая.
Лебедева.
Луговая Инская.
Лагунова.
Луговая Катайцова.
Моткова.
Мочищенская.
Мысовская.
Малыгина.
Маркова.
Мельникова.
Оешъ Малой.
Оешъ Большой.
Овечкина.
Паутова.
Порозская.
Прокудукина.
Панафидина.

Подволошная.
Помельцова.
Погорѣльска при Оми.
Рожнева.
Соколова.
Соскочернова (?).
Скалинская при рч. Скалѣ.
Сартакова.
Саракулова.
Сарбалыцкая.
Тамаринская.
Тропина.
Толмачева.
Тырышкина при рч. Оешѣ.
Табачникова.
Верхъ-Туманская.
Умревинскій острогъ.
Ушакова.
Ѳедосова.
Чилининская.
Чагалинская.
Черемшанская при рч. Черемшанкѣ.
Черепанова.
Чиковская при рч. Чику.
Черемшанка при Бозойскомъ болотѣ.
Чаусскій острогъ.
Нижнія Чёмы на Оби.
Верхнія Чёмы на Оби.
Шагалова.
Южина.

Часть вѣдомства Сосновскаго, деревни:

Иксинская при рч. Иксѣ.
Кузнецова.
Калаганова при Инѣ.
Моткова при Инѣ.
Буготакъ при рч. Буготакѣ.
Канарбурская при рч. Инѣ и Канарбургѣ.
Изылинская.
Чертенкова.
Горевка при рч. Изылахъ.
Восина.
Долганова.
Агафонова при рч. Чёмѣ.
Чемская, она-же Безголосова при рч. Чёмѣ.
Карасева при Киндеребѣ.
Елтышева.
Кайлинска при Инѣ.
Рожнева.
Ирбинка.
Долгова.
С. Гутово.
Кунгурова.
Черепанова.

Примѣч. Этотъ списокъ былъ присланъ изъ Колыванскаго Областнаго правленія въ Барнаульское Духовное правленіе съ препроводительной бумагой за № 1066 апрѣля 26, 1782 г.

Подлинный подписалъ Борисъ Меллеръ (правитель Колыванской области).

